

СИБИРЬ

4 • 2023

Вычугжанин Аркадий Иванович
Портрет скульптора Ряшенцева, 1966 г.

Новикова Галина Евгеньевна (12.05.1940–1.09.2000)
Автопортрет с бабушкой, 1980. К. м. 123×105

СИБИРЬ

399/4 4•2023

Литературно-художественный
журнал писателей Восточной Сибири
Учредитель — Иркутское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России»
Журнал выходит при финансовой помощи
Министерства культуры Иркутской области
Основан в 1930 году. Выходит 6 раз в год

Содержание

Иркутская хрестоматия

120 лет со дня рождения известного сибирского поэта

Анатолий Ольхон. «Отчего так чайки плачут...»3

110 лет со дня рождения

Леонид Огневский. На другой день. Рассказ из повествования 144

Проза

Марк Некрасовский. Сепар. Кто в шахте живет? Ватник.

Рассказы из цикла «Новая мифология Донбасса»9

Олег Слободчиков. Волколаки. Повесть 35

Поэзия

Денис Цветков. Держать ответ на небесах 22

Надежда Кудашкина. «А ночью выпал снег забвенья...» 28

Валентина Сидоренко. «Вот мы стоим в конце пути земного...» 119

Геннадий Иванов. «У блиндажа есть тоже позывной...» 131

Виктор Балыков. «Сквозь заросли ошибок и сомнений...» 153

Екатерина Пионт. Верность родным берегам 168

Неизвестный Распутин

Валентина Иванова. Владимир Чивилихин и Валентин Распутин: встреча как судьба 138

Очерки и публицистика

Людмила Брагина. 11 октября 159

Олег Роменко. Гоу хоум,Илья! 164

Иркутские хроники

Владимир Ходий. Триптих об одном прозаике и двух поэтах 172

Вернисаж

Ольга Юрчук. Призвание и признание 190

Книжная лавка

Эдуард Анашкин. «Когда тоска внезапная нахлынет...».

О книге стихов Ирины Котельниковой «Хрустальные родники» 194

Книжная полка

..... 199

Сумочка к другу

Владимир Скиф. Литературные пародии 201

Наши юбиляры

..... 204

Главный редактор **Ю.И. БАРАНОВ**

Заведующий отделом поэзии **В.П. СКИФ**

Заведующий отделом прозы, ответственный секретарь **С.В. ЗУБАКОВА**

СОВЕТ ЖУРНАЛА

**Г.В. Аксаментов, А.А. Антипин, Ю.И. Баранов, В.В. Козлов,
М.Т. Орлов, О.Н. Полунина, А.М. Семенов, В.Н. Хайрюзов.**

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются, кроме особо оговоренных случаев. Редакция оставляет за собой право принятые к печати рукописи редактировать и корректировать. Произведения более пяти авторских листов к рассмотрению не принимаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Оформление обложки Г.Г. Гордиевских. Комп. верстка А.Л. Гордиевских. Корректор Н.О. Шильникова.

**Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Иркутской области.**

Свидетельство о регистрации СМИ от 13.12.2012 г. ПИ № ТУ38-00600

Адрес редакции: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40. Адрес учредителя: 664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 40.

Телефон редакции: 8-914-92-75-720. Электронный адрес редакции: shurnal_sibir_irkutsk@mail.ru

Подписано в печать 31.07.2023 г. Выход в свет: 20.08.2023 г. Формат 70x108/16.

Усл.-печ. л. 20. Тираж 1000. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес издателя: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел. 8 (3952) 23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Цифровик»

Адрес типографии: 664047, г. Иркутск, ул. А. Невского, 99/2

Иркутская хрестоматия

120 лет со дня рождения известного сибирского поэта

АНАТОЛИЙ ОЛЬХОН

ОЛЬХОН Анатолий Сергеевич родился 11 марта 1903 года в г. Вологде в семье рабочего обувной фабрики. Окончил заочно Ленинградский пединститут им. А. Герцена. Свои первые стихи опубликовал в 21 год, в Вологде, в молодежной газете. С того времени имя Анатолия Пестюхина часто появляется на страницах периодических изданий. За 26 лет творческой жизни поэт опубликовал около 40 книг: сборников стихов, поэм, сказок, легенд, очерков, переводов. Как корреспондент он объездил всю Сибирь с юга на север и с запада на восток. Литературный псевдоним поэта — Ольхон — родился во время его пребывания на байкальском острове. Образ Байкала занимал в творчестве Анатолия большое место, поэт посвятил иркутскому морю немало теплых, нежных стихов. Другая тема, пронизывающая творчество А. Ольхона, — история Сибири. Радищев, декабристы, Чернышевский и другие революционеры, сибирские партизаны — герои его стихотворных произведений. Как фольклорист и переводчик А. Ольхон собирал сказки и легенды народов Сибири — якутов, эвенков, ненцев, бурят, знакомил с ними читателей. В Иркутск переехал в 1931 г. В годы Великой Отечественной войны А. Ольхон много и плодотворно работал в жанре политической сатиры, выступал перед читателями, печатался в газетах. В 1946 году на скромном вечере, посвященном 20-летию творческой деятельности, Анатолий Сергеевич сказал: «...есть у меня одно заветное желание — дожить до того времени, когда завершится постройка гидростанции у Иркутска, разольется и придет в наш город Байкальское море, когда Падуны уйдут под воду и великий северный край засияет электрическими огнями...».

К сожалению, Анатолию Сергеевичу Ольхону не довелось увидеть этого, поэт умер 13 ноября 1950 года, оставив после себя богатое поэтическое наследие — стихи, прославляющие наш край, сказки и легенды по мотивам сибирского фольклора, ставшие сокровищницей живого народного языка. Многие произведения поэтов Севера он переводит

на русский язык. «Я — сибиряк. И вовсе не потому, что меня забросила сюда судьба, а потому, что здесь моя родина, мой дом родной. Здесь исхожены пути-дороги и бездорожье, тайга и тундра — от свирепого Падуна и до Заполярья. Здесь написаны почти все мои стихи», — писал поэт. Классические образцы «громовой» агитационной поэзии — сборники стихотворений «Сухой порох» и «Красная ракета», созданные сибирским поэтом Анатолием Сергеевичем Ольхоном в годы Великой Отечественной войны представлены в отделе истории Иркутского областного краеведческого музея, где работает выставка «Была война. Была победа!». В эти тяжелые для страны годы он, как и другие иркутские писатели, объявил себя мобилизованным и стал одним из авторов агитационно-сатирических произведений для «Иркутских окон ТАСС». В 1941 году по всему Советскому Союзу были созданы художественные бригады, которые поднимали боевой дух жителей тыла, оперативно реагируя на фронтовые события красочными сатирическими плакатами, сделанными вручную. Плакаты эти назывались «Агит-окна ТАСС» — по аналогии с «Окнами РОСТА», которые Владимир Маяковский рисовал в Гражданскую войну. Такие плакаты не печатали, а рисовали от руки на специальной плотной бумаге с помощью дефицитных тогда красок. Для них был характерен лаконичный, яркий рисунок, простой сюжет, карикатуры на гитлеровских захватчиков и, конечно же, хлесткие, звонкие стихи. Все эти детали делали выход каждого агитплаката долгожданным событием. «Окна ТАСС бьют врага не в бровь, а в глаз», — такой девиз тогда повторяли и на фронте, и в тылу. В Иркутске также была сформирована мастерская агитокон ТАСС при Иркутском союзе художников и товариществе «Художник» в 1941 году по инициативе эвакуированного из столицы знаменитого художника и графика Давида Штеренберга. Бригада состояла из 17 художников и двух поэтов — Анатолия Ольхона и Константина Седых. Буквально через несколько месяцев после открытия коллектив «Окон ТАСС» Иркутска стал одним из самых лучших в стране. Иркутские художники оперативно реагировали на сводки Совинформбюро, на факты и события, которыми жила страна. На углу улиц Литвинова и Карла Маркса стоял большой стенд-витрина, где выставлялись оригиналы плакатов. Смена выставок была постоянной, в любое время года толпился народ. В конце войны 600 плакатов были размещены в витринах магазинов и в окнах по всей улице Карла Маркса, от Ангары до завода им. В.В. Куйбышева. После этой грандиозной выставки их передали в художественный музей, где они и хранятся по сей день. Произведения Анатолия Ольхона сыграли действенную мобилизующую роль, их горячо принимали трудящиеся, — рассказала научный сотрудник музея Анна Пенсионерова. — Долгое время вес агитпоэзии военного периода не ощущался, повседневность было трудно расценивать как героику. Но чем дальше мы проникаемся величию той эпохи, тем лучше понимаем и ценим факторы, которые помогли завоевать победу, а среди них и значение агитационной поэзии. Однако, агитстихи составляют лишь небольшую часть творчества Анатолия Ольхона, прежде всего он известен произведениями, посвященными Сибири. Его еще называли «певцом окраины милой отчизны». В юности работал грузчиком на лесозаготовках, рабочим, сотрудничал с газетами как корреспондент, много ездил по стране: побывал на Крайнем Севере, в Коми АССР, на Украине, в Закавказье, Средней Азии. Входил в состав московской литературной группы «Перевал», которую обвиняли в троцкизме и контрреволюционности, после ее разгрома Анатолий Ольхон был арестован в Москве в феврале 1930 года по обвинению в антисоветской пропаганде, и выслан в Восточную Сибирь, в Иркутск. Поэт умер 13 ноября 1950 года, оставив после себя богатое поэтическое наследие — стихи, прославляющие наш край. В 1984 в Иркутске, на доме № 7 по улице Ленина, где с 1945 по 1950 год жил и работал поэт, установлена мемориальная доска.

«Отчего так чайки плачут...»

Исток Ангары

Взгляни, скорей взгляни сюда!
Стремительно скользит вода —
Зелено-синяя руда;

Огромный, рвущийся поток,
Тугой, прозрачный завиток
Слюдой кипучей засверкал...
Здесь обрывается Байкал...

Упруго вздрогнув в шиверах,
Качая сосны на горах,
Вздувает волны Ангара;

Земля дрожит, вода звенит,
В песок стирается гранит...
Увидев синюю реку,
Конь застывает на скаку.

Его напрасно всадник гнал,
Потока он не обогнал,
Конь запыхался и устал...

Но не устанет никогда
Легкобегущая вода,
И никогда тяжелый лед
Ее разбег не оборвет.

Светла, могуча, широка,
Прекрасна ты, моя река,
Любовь и гордость рыбака...

Качуг

Отчего так чайки плачут,
Что тревожит их покой?
Ни село, ни город, — Качуг
Спит над северной рекой.

Затоскуешь поневоле
У этапного крыльца,
Услыхав в осеннем поле
Медный рокот бубенца.

Волны маревом дымятся.
Розовеют облака.
Белой ночью сны не снятся,
И тоска недалека.

Ямщики на Лене бойки,
Не жалеют о чужих,
Подвезут ночные тройки
Стариков и молодых.

А наутро из острога,
В час, когда роса свежа,
Только к пристани дорога
Поселенцев-каторжан.

В карбасах, на север дальний
Путь за тыщи верст глухой,

Вместе с песнею прощальной,
Вместе с юностью лихой...

Потому, знать, чайки плачут
Над сибирскою рекой,
Что в тебе, поселок Качуг,
Я оставил свой покой.

Ленские Скалы

Скалы? Нет, не похоже на скалы.
Допотопные чудища в ряд
Поднимают крутые оскалы,
Всеми красками радуг горят.

Горы? Нет, не похоже на горы.
Это — башни, дворцы, терема.
Колоннады, террасы, соборы,
Минареты, гробницы, дома...

Ты мне скажешь: утесы? Да что ты?
Это — стадо летучих коней,
Носороги, слоны, бегемоты...
Ты толкуешь: «Причуда камней».

Но вот это конечно не камень!
Это витязь с разбитым щитом
Упирается в небо руками,
Нахлобучив гранитный шлем.

Там подальше стоят великаны,
По колени увязли в тайгу,

Иступили свои ятаганы
И оставили на берегу.

Видишь, лезвия? Здесь воевали!..
Дремлют палицы, спят бердыши,
На секирах насечки пропали.
Только копья ещё хороши!

Высоко они в небо взлетели
На уступах расколотых плит.
Сто веков и в жару и в метели,
Это — Ленская стража стоит.

Так-то, друг мой! А ты равнодушно
Бормотал о причудах камней.
Целый день мы глядим — и не скучно
Пассажирам речных кораблей.

Загляделось на Ленские воды
Даже солнце в янтарной броне.
Чудеса богатырской природы
В богатырской, чудесной стране.

Памятник Шелихову в Иркутске

Колумб здесь Русский погребен.
Преплыл моря, открыл страны безвестны.

Г. Державин.

Здесь лежит открыватель Аляски,
Наш российский Колумб,
Полномочный наместник
рубежных морей.

Два столетия о нем
Повторяет былинные сказки
На границе полярного круга
Грохочущий льдами борей.

Время гложет гранит.
Изветшала плита над могилой,
Позолота померкла,
но блещет державинский стих!
Вспоминает его Ангара,
Налитая стремительной силой:
Вдохновенные волны поют
О величии предков моих.

Спит кладбище.
Героевы кости истлели.
Остается нетленной
крылатая юность мечты.
В заполярную ночь
У последней глухой параллели
Эту старую повесть
По-новому ты перечти.

Путь — на Север!
По мокрым снегам алеутским,
По торосистым глыбам
на устья неизвестных рек
Он отсюда прошел —
Переулком забытым иркутским —
На другой материк,
Заглянув в новый век.

Над Курильской грядой
Плыло солнце Полярной державы,
А охочие люди в Охотске
Смолили морские суда,
На льняных парусах
пробивались за все ледоставы,
И уже в Калифорнии
Вятский мужик становил города.

Два столетия
Огнем салютуют вулканы Камчатки,
Новоселов российских встречая
На грани старинных путей.
Острова алеутов
поныне хранят отпечатки
Дружелюбных следов
Величавых и смелых людей.

Спи, Григорий Иванович Шелихов!
Почет — с тобою!
По открытым морям
На просторы весенней земли

Молодые преемники
твердой и дерзкой рукою
Через Северный полюс
Еще поведут корабли.

Обручальные кольца

В шумном зале блестели колонны,
Алый лозунг кричал со стены:
«Патриот, укрепляй оборону!
Всё отдай на защиту страны!»

Подошли они скромно и просто,
У обоих уже седина, —
Старички невысокого роста,
Неизвестные муж и жена.

Возле кассы на стол комсомольца
Светлый полдень лучи уронил,
Обручальные звякнули кольца,
Заблестев, как живые огни.

Старики эти кольца ценили,
Берегли их они много лет:
Эти кольца на память хранили,
Как любви своей верный завет.

И в минуту военной тревоги,
Проводивши на фронт сыновей,
Старики, величавы и строги,
Поклялись не отстать от детей.

Из сияющей залы госбанка
Вижу я боевой горизонт,
Слышу, рвутся немецкие танки
И фашистский колеблется фронт.

Под ударами наших зениток
«Мессершмиты» свергаются вниз.
И в стальной полыхающий свиток
Обручальные кольца вплелись.

Эти кольца сверкают в снарядах,
Эти кольца впалялись в клинки:
Штурмовые срезают отряды,
Белофинские рушат полки.

Эти кольца врагов окружают.
Давят, жгут, разрывают, громят.
Эти кольца в бою побеждают,
Богатырскую силу таят.

Исполать вам, советские люди!
Слава, честь вам на веки веков!
Ваша жертва достойною будет
Поколения большевиков.

Кольца отдали вы золотые —
Обручились вы с родиной вновь.
Вам, друзья, старики дорогие,
Поклонюсь я за вашу любовь.

Поклонюсь по-сыновнему просто...
И поклонится вам вся страна,
Старички невысокого роста,
Неизвестные — муж и жена.

*Могилы А.С. Ольхона
на Лисихинском кладбище*

МАРК НЕКРАСОВСКИЙ

Рассказы из цикла «Новая мифология Донбасса»

Сепар

«Кто не скаче, тот москаль, кто не скаче, тот москаль...». И все скакали. Все, кто стоял на Майдане Незалежности, вне зависимости от возраста, пола или здоровья. Скакали так, как будто от этих прыжков зависела судьба Украины. Геннадий прыгал вместе со всеми: раз он тут, то выделяться нельзя — чужака разорвут на части. Геннадий помнил, что именно так и с такими же лозунгами прыгали

НЕКРАСОВСКИЙ Марк Викторович — поэт, прозаик, детский писатель. Родился в 1965 году в Луганске. Окончил Ворошиловградский государственный педагогический институт (исторический факультет). Член Союза писателей России, Республиканского союза писателей ЛНР — Луганского отделения МСП. Автор четырех книг: «Мы Одиссеи в жизни и любви» (2006), «Мы все же достигаем высоты» (2007), «Танго смерти» (2016), «Кровавая пыль. Летопись войны» (2022). Публиковался в коллективных сборниках «Ожог», «Час мужества», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса», «Строки мужества и боли» и др. альманахах и литературных журналах. В 2015 в Ханты-Мансийске на сцене Югра-классик по мотивам поэмы «Танго смерти» была поставлена театральном-музыкальная постановка «Последнее танго». Лауреат литературной премии им. М. Матусовского, лауреат фестиваля «Пушкинское кольцо — 2010» (Черкассы). Призёр VIII Международного фестиваля в Дюссельдорфе, победитель в нескольких номинациях Международного фестиваля «Пристань менестрелей» (Балаклава, 2010) и др. Живет в Луганске.

кубинцы Фиделя — «кто не прыгает, тот янки». История развивается по спирали, правда, кубинцы ещё бросали в сторону Соединённых Штатов камни. Камни падали в океан, не причиняя врагу никакого ущерба, но смысл ясен: побитие дьявола — вот что сближает народ и освящает действия власти. Добро против зла. Воины света и воины тьмы. Хорошая идея. Надо её запатентовать и получать за это деньги. Ведь можно собрать народ в Мариуполе и кидать в сторону Таганрога гравий. Это покруче километрового флага Украины или таких же рушников. Правда, прыгали кубинцы в середине прошлого века, когда только освободились от «братских» объятий США. Куба под американцами — страна богатых отдыхающих из США и нищего и неграмотного коренного населения. Поэтому и использовали психологию толпы. Но это только вначале строительства новой Кубы — потом пытались достучаться до разума и совести каждого кубинца. А Украина — страна поголовной грамотности, да и на дворе 21 век, а эти прыжки на главной площади Киева, никого это не шокирует.

«Козье болото» — вдруг выплыло из памяти старое название Майдана. Да нет, не козье, а баранье. Только баран может тратить так бездарно свою жизнь. Ведь цель всего этого балагана сделать бедных ещё беднее, а богатых ещё богаче. Хотя и козлиное не в меньшей степени. Только козлы — это «вожди» Незалежной, недаром в старые времена, когда пастухам надо было перегнать отару на бойню, к баранам запускали козла. Козёл становился бараньим вожаком. У козлов это получается легко — наглые и напористые. И когда наступало время, козёл, не мучаясь совестью (какая у козлов совесть?), вёл привычным маршрутом всю отару на бойню.

Наконец прыгать перестали, и один из толпы «козлов», стоящих на трибуне, начал рассказывать о тяжёлой доле «неньки» Украины, о её внешних и внутренних врагах. В это время сосед Геннадия — пузатый мужик в вышиванке и с висячими украинскими усами, до этого прыгавший энергичней всех, внезапно захрипел и упал на брусчатку. Судя по скорости явившихся медбратьев и врача, майдан строго контролировался теми, кому надо. Врач прикоснулся к шее лежащего и сказал сам себе: «Ещё один... И зачем он прыгал? И так видно, что не москаль».

Труп унесли, и Геннадий сосредоточил своё внимание на выступающем. Как он здесь оказался? Ведь говорили, что после премьерства он стал миллионером и бегаёт в красных трусах по пляжам Нью-Йорка. И на тебе! Опять лезет в политику. Может деньги кончились? Не может быть! Украл он столько, что и правнукам должно хватить. У французов была линия Мажино, а у нас линия обороны имени Кролика, защищающая страну разве что от кроликов. И заметьте — построенная за те же деньги. После пламенной речи сумасшедшего кролика толпа скандировала лозунги вроде «Украина превыше всего...». Затем вышел «козёл» в шикарном дизайнерском платье и туфлях на высоком каблуке, нет, это был не Ляшко, но назвать «козой» Юльку Геннадий не решился. Из всех украинских политиков она, пожалуй, была единственным «мужиком». Решительная, жёсткая, идущая к цели по трупам врагов и бывших «друзей».

Говорила она опять же о «гибридной» войне и о врагах, но вся её речь свелась, пожалуй, к одному — победы не будет, пока президентом не станет пани Юлия. После выступления Юльки пели гимн: «Ще не вмерла України, ні слава, ні воля...». Пела вся площадь. Песня и чувство локтя превратили толпу в единый организм, и каждый поющий верил, что Украина не умерла и не умрёт, и что «сгинуть вороженьки», и будет Украина «от Сяна, до Дону». Дон пока ещё принадлежит России,

но настанет день, и Дон, и Кубань, и Белгородская область, и Воронежская — всё будет украинским. Пели, забывая о гражданской войне, которую стыдливо называли антитеррористической операцией, о страшной инфляции и растущих коммунальных тарифах, о нищете и безработице, о неработающих законах, и о растущем бандитском беспределе.

Геннадий пел вместе со всеми и громче всех, чтоб никто и не подумал, что он не «щирий» украинец. Тем более с его биографией: Геннадий родился и жил до войны в Луганске. И только тогда, когда первые дальнобойные снаряды стали падать на город, он собрал семью и вещи и переехал в столицу Украины. А к дончанам и луганчанам отношение сейчас особое. Потенциальные «зрадники». К моменту, когда гимн был спет, толпа уже была на взводе: скажи — и прямо с Майдана пойдут бить внешних и внутренних врагов.

И в это мгновение к микрофону подошёл главный «козёл» страны. Хотя он больше был похож на хряка, жирного и злоупотребляющего спиртным. Он же «пан президент». «Любі друзі. Братья и сёстры. Родина в опасности», — произнёс президент с дрожью в голосе и сделал паузу. ««Любі друзі» — это он украл у Ющенко, «братья и сёстры» и «Родина в опасности» у Сталина, — подумал Геннадий. — Значит, когда надо, и коммунистическим прошлым не побрезговал. Россия — главный враг, а фабрику свою в Липецке так и не закрыл. Такие как он за прибыль не только Родину, но и мать родную продадут, брата зарежут». Президент продолжил свою речь о соседе-агрессоре, которого при помощи НАТО и Соединённых Штатов Америки обязательно Украина победит. «Санкции и летальное оружие! Санкции и летальное оружие!» — как заклинание, вновь и вновь повторял президент.

Затем он сделал паузу и перешёл к «внутренним» врагам. «Сепаратисты — вот главное зло. Истребим их и одержим победу. Они везде. Они даже здесь с нами. Поют наш гимн и готовят теракты. Готовят «зраду». Оглянитесь, и вы поймёте, кто предатель!». И толпа, ещё мгновение назад бывшая единым организмом, вдруг опять превратилась в отдельных индивидуумов, которые с недоверием смотрели друг на друга.

Геннадия рассмешила речь пана президента. Надо же — по внешнему виду искать «сепаратистов». На них, наверное, будут георгиевские ленты повязаны? Или майки с портретом Путина? Или сепаратистов будут искать по форме черепа? Один из соседей Геннадия, пенсионер в кепке с вышитым трезубом, вдруг закричал тонким фальцетом: «Нашёл! Нашёл!» — и неожиданно крепко для его возраста схватил за руку. И — о, ужас! — на его, Геннадия, сумке, висевшей на правом плече, какая-то сволочь привязала георгиевскую ленту.

Кольцо из разъярённых людей плотно сжалось вокруг Геннадия. Он почувствовал удары, щипки и упал на брусчатку, потеряв равновесие. Всё, конец! Сейчас его затопчут насмерть «братья» и «сёстры». Избиение властным окриком остановил пан президент: «Мы европейская держава и будем судить этого сепаратиста по закону». Геннадия подняли и, передавая из рук в руки, перетасили к помосту, на котором стояла вся козлиная братия. Пан президент продолжал: «Мы его будем судить всем миром. Как вы решите, так и будет». И Майдан, снова ставший единым организмом, начал кричать: «Москаляку на гиляку! Москаляку на гиляку!...». Главный козёл подвёл итог: «Как панство решило — так и будет!».

Зазвучал марш сечевых стрельцов, и занавес за спинами «козлов» начал двигаться, открывая вид на эшафот и длинный ряд верёвочных петель. Геннадия

потащили к петле, поставили на табурет и накинули петлю на шею. И он понял, что это конец. Эти не пожалеют. Кролик называл всех луганчан и дончан «генетическим мусором» и «недочеловеками». Юлька предлагала всех сжечь «ядерной бомбой». И каждый из этих «козлов», каждый без исключения, был по горло в крови мирных жителей Донбасса. И толпа, которая поставила «козлов» во власть и поддержала войну, была не менее виноватой в убийствах. От неё ему ждать пощады нельзя. Геннадий закричал. Вернее — завыл. Тоскливо, протяжно, безнадежно. Так кричат от безысходности, когда всё уже решено, решено не тобой, и спасения нет...

Он проснулся от собственного крика. Сердце вырывалось из груди, пульс — под двести ударов. Ещё немного такого сна — и кондрашка хватит. Да и не сон это, а кошмар. Кошмар, реальный до ужаса. Даже тело болело от щипков и ударов, полученных во сне. В последнее время кошмары снились Геннадию почти каждую ночь. То теракт в супермаркете и лежащие на полу без движения жена и сын, а кругом — убитые и раненые. То пьяные добрабатовцы, избивающие его и сына до смерти и тянущие жену Геннадия в кусты. Каждый новый кошмар страшнее предыдущих.

Семья не проснулась от крика Геннадия — все спали с берушами. А соседи? С соседями и так хорошие отношения не сложились — пусть терпят. Если правда, что сны — это наши потаённые желания, а кошмары — наши страхи, то доля ответственности в его кошмарах лежит и на соседях. Как так получилось? Геннадий помнил, как встречали первых беженцев («переселенцев») из зоны АТО и Крыма — как героев. Не остались с сепаратистами-террористами, не сбежали в Россию. Наши! Настоящие украинцы. Правда, встречали и помогали в основном добровольцы-волонтеры за свои или собранные с небезразличных людей деньги. Да и ненадолго всё это. Максимум две-три недели, ну месяц от силы. Пан президент обещал. Но время шло, поток беженцев только увеличивался. Шли месяцы, а затем и годы. Пошли первые раненые и убитые. Дебальцевские и Иловайские котлы с тысячами убитых и раненых отрезвили самых ярых майдановцев — пропала вера в молниеносную победу. Прерванные связи с Россией оказались фатальными — продукция украинской промышленности стала невостребованной. Запад сам хотел бы продать свои товары, а Россия — «страна агрессор», и ей продавать нельзя. Все заводы, кроме тех, которые были связаны с войной, закрылись. Рабочих уволили или выгнали в бессрочные неоплачиваемые отпуска. В стране безработица, а тут беженцы, готовые работать на любых условиях и за копейки. Квартиру не снимешь — цены, опять же из-за беженцев, поднялись. Сочувствие и понимание сменялись ненавистью и неприятием.

Геннадий вспомнил телефонный разговор с Ленкой-одноклассницей, которая переехала из Луганска в город Северодонецк, ставший областным центром Луганской области. Работу ей дали такую же, как и была в Луганске — в административной структуре, а вот поселили «временно» в санатории, в комнате с четырьмя беженками. Наступила зима, и хозяин санатория, не получивший ни копейки от государства, отключил в нём свет, воду, тепло и электричество. Елена плакала и спрашивала совета: «Что делать? В Луганске нет работы, а в Северодонецке нет жизни». Что ей посоветуешь? Терпи! Может, завтра война кончится, и мы все вернёмся? Но постепенно приходило понимание и уверенность, что прежней жизни уже никогда не будет. И те луганчане, что остались в Луганске, не будут жить под Украиной. И добрабаты, пока не вырежут всех сепаратистов, то есть

всех оставшихся, не успокоятся. Елена плакала: годы идут, а жизни нет, а Наташка ожесточилась. Геннадий учился с ней в одной академической группе в пединституте, а потом, после выпуска, хоть и не дружили, но время от времени общались. Нормальная была девчонка! И на тебе — позвонила общему знакомому Семёну, оставшемуся в Луганске, и начала кричать в трубку телефона: «Вас, сепаров, всех надо убить! Всех, кто в городе остался! Разбомбить с самолёта! Всех, без исключения!». Семён пытался звать к наташкиному разуму: «Здесь же твои родители остались. Их тоже убить?» А в ответ — площадная брань и пожелание своим же родителям — побыстрее сдохнуть. Выключил мобильный Семён. Спорить с такими бесполезно. Наташка удивила.

Хотя, если посмотреть, то самые отпетые украинские националистки получают из бывших коммунисток. Одна Фарион чего стоит. Та самая Фарион, которая рассказывала первоклассникам, что если мальчика зовут Ваней, а не Иванко, то он должен собрать чемодан и уехать в Россию. Недаром Хайдарыч, бывший друг, ставший ярым украинским националистом, кстати, тоже в прошлом коммунист, серьёзно утверждал, что правительство Украины должно вручить Фарион медаль за потерю Крыма. Шутка, в которой слишком много правды. Правда, какие они коммунисты? В партию лезли ради должностей и денег. Если завтра к власти придут люди нетрадиционной ориентации, то хайдарычи и фарионши не колеблясь вступят в их ряды.

Хайдарыч — тот ещё фрукт. Мама — русская, папа — волжский татарин, а туда же — украинский националист. Рассуждает о трипольской культуре — прародине украинцев — с такой убеждённости, что и не переспоришь. Твёрдит, мол, древние украинцы-трипольцы могли одной лишь силой воли убивать врагов на расстоянии. И это при том, что от культуры триполья не осталось письменных источников. Только керамика с определёнными узорами. И язык украинский самый древний. И хетты говорили на украинском. А первый город в Европе догадались чей? Украинский!!! А Чёрное море кто выкопал? Украинцы!!! А казаки-характерники? Маги, колдуны. Потомки трипольцев. Наверное, Хайдарыч до сих пор с удовольствием читает о Гарри Поттере и верит в Деда Мороза. А когда началось АТО, Хайдарыч, нисколько не сомневаясь, пошёл в СБУ и сдал всех своих знакомых «сепаратистов», тех, кто думал не так, как он. И при этом страшно возмущался, что там ему не заплатили ни копейки. «Зачем ты настучал на своих друзей?» — спросил его Геннадий. И Хайдарыч ни на секунду не задержался с ответом: «Я не стучал. Я сотрудничал».

А Семён был и остаётся для Геннадия единственным источником правдивой информации о жизни в Луганске. Геннадий звонил и спрашивал, как живёт город. И, слыша каждый раз, что жить трудно, но многое делается для улучшения ситуации, не злорадствовал, а радовался и даже завидовал — да, им трудно, но они дома. Сам бы вернулся, так ведь работы нет. Хотя поначалу жаловаться на жизнь ему было грешно.

В отличие от большинства своих друзей и знакомых, Геннадий переехал в Киев довольно удачно. Выехав одним из первых, он сумел перевезти на своём автомобиле не только семью, но и все деньги и ценности. Снял квартиру. Пусть и не в центре, но недалеко от станции метро и относительно, по киевским меркам, недорого. Более того, снял модуль на авторынке и открыл точно такую же торговлю автомобильными скатами и шинами, как и в Луганске. Весь свой товар Геннадий закупал в Европе. На момент начала войны последнюю партию он не

успел растаможить в Одессе. Повезло. Всё перевёз в Киев и стал торговать. Луганчан в городе много. Есть и небедные. На иномарках. Старые клиенты. Узнали, где торговая точка, и стали приезжать по мере надобности. Бизнес пошёл. И с клиентами Геннадий умеет разговаривать — любой разговор поддержит — недаром окончил исторический факультет, «комиссарский» — язык подвешен. Ведь кроме качественного товара в торговле всегда нужно уметь этот товар правильно подать. Когда селёдку продают — подсолнечным маслом смазывают, чтоб блестела. Так же и скаты смазывают. Для этого у Геннадия и силикон специальный, и щётка для обработки. Соседи по ряду на рынке, торгующие таким же товаром, как у Геннадия, становились с утра к нему в очередь, чтоб натереть свои скаты его силиконом и его же щёткой. Геннадий не удивлялся. Любовь к халяве — это, наверное, наша национальная черта.

Пытаясь сблизиться с соседями по торговле, Геннадий несколько раз приносил на рынок водку и закуску. Сосед должен быть другом. И за товаром приглядит, когда надо отойти, и, когда вор рядом, товар не даст украсть. В Луганске все рыночники дружили между собой. И праздники, и горе, всё было общим. Слово дал — держи. А здесь улыбаются в лицо и делают гадости. Водку соседи выпили, еду съели, а потом, отвернувшись, каждый ел своё, принесенное из дома. Ментальность такая. Что тут сделаешь? И сегодня Геннадий взял коньячок, сухую колбаску и лимон. Ещё одна попытка наладить контакты. Геннадий вышел пораньше, чтоб не встречаться с гопотой, тусующейся во дворе. В последнее время она стала проявлять к Геннадию и его семье повышенное внимание. Они же луганчане, а значит из-за них все беды, начиная от подорожавшей водки и кончая убитым на войне племянником.

Оставив машину на платной стоянке, Геннадий вошёл в рынок и подошёл к своему ряду, в котором стоял его торговый модуль. И остолбенел от увиденного. Один из соседей заносил в свой модуль лестницу-стремянку. Другой держал в руках кисть и банку с краской. А на модуле Геннадия, над дверью, большими транспарантными буквами, так, чтобы было видно издалека, его «дорогие» соседи написали краской слово-приговор — СЕПАР. Стараясь сохранять спокойствие, Геннадий открыл модуль, разложил товар и стал натирать щеткой с силиконом скаты. А затем, так же не торопясь, можно сказать, демонстративно, нарезал колбаску и лимон, открыл коньяк и налил себе стопку по самый край. И соседи, абсолютно не стесняясь, тут же оказались возле его модуля. «Наливай, Генчик, чего ждёшь? — секундная пауза. — Я возьму твою щётку и силикон?». Геннадий не ответил. Налил себе ещё стопку и, не торопясь, наслаждаясь содержимым, допил её. Съев кусочек колбасы, ответил: «Вам коньяк вреден. Особенно чужой — давление повышает. И силикон пора свой купить — не обеднеете». Улыбки сползли с лиц «друзей-соседей». А Геннадий, взяв в руку монтировку, вышел из модуля и, не повышая голоса, спросил: «Есть ещё вопросы?» Вопросов не было. Забились шакалы в свои норы и носа не показывали. Но мавр своё дело уже сделал.

В десять утра появился постоянный покупатель Геннадия. Тоже выходец из Луганска. Но, увидев надпись на модуле, он, не глядя в глаза Геннадию и не здороваясь, прошёл мимо и купил скаты у конкурентов. После обеда история повторилась дважды. А перед закрытием к модулю подошёл директор рынка и, тоже не глядя в глаза, предупредил, что договор аренды он не будет продлевать по понятной им обоим причине. Геннадий закрыл модуль и пошёл на стоянку, где находилась его машина, продлить время парковки — ездить нетрезвым он себе никогда

не позволял. Рядом со стоянкой толпились люди и стояли машины скорой помощи и милиции. «Что случилось?» — спросил Геннадий у одного из зевак. Тот посмотрел на него и ответил: «Да сторожа избили. Не давал машины с донбасскими номерами крушить. Пришли тут молодчики в балаклавах искать внутренних врагов. Дурак. Зачем он вмешался? Так им, донбасским, и надо!».

Геннадий посмотрел на свою машину — окна выбиты, капот помят, фары разбиты, колёса проколоты. Посмотрел и плюнул. Что тут сделаешь? Домой он добирался на метро. Но нет худа без добра. Приехал бы на машине — попал бы под банду Вовки-Атошника. Тот его поджидал возле придомовой стоянки. Обещал переломать Геннадию все рёбра как представителю луганских сепаров. Да не вышло. Подошёл Геннадий к подъезду с другой стороны и успел заскочить раньше, чем гопники успели до него добежать.

Дома тоже не всё в порядке — жена в слезах, а сын заперся в своей комнате и молчит. Пришёл домой из школы в грязной одежде, синяк под глазом. Сын долго отмалчивался, но затем признался. Бил его за школой весь класс. Учили Украину любить. Пел гимн Украины и кричал: «Слава Бандере». Пел, пока не охрип. Только после этого отпустили. Сел Геннадий на диван. Посмотрел на жену и сына и сказал: «Всё! Возвращаемся! Хватит! Нагостились! Товар скину по закупочной. Не купят — тут его брошу! Семён не пропал, и мы не пропадём. Там мы дома, а здесь чужие. И своими никогда не станем!». И повеселели и сын, и жена. И Геннадию сразу стало на душе легко и радостно. Правильное решение. Жена расставляла тарелки на столе — пора ужинать. И тут Геннадий увидел в углу кухни спортивную сумку. «Чья это сумка?» — спросил он. «Да это к тебе Хайдарыч заходил. Наверное, он и забыл» — ответила жена. Геннадий взял мобильник и набрал Хайдарыча. «Привет! Как дела? Что нового?» А Хайдарыч всё о своём: «Будущее независимой Украины важнее судьбы простого гражданина! Счастье для истинного украинца — пожертвовать своей жизнью ради благополучия Родины!». Так сам бы и жертвовал. А то сидит в столице — на войну не идёт. Пусть другие умирают? Да ну его к чёрту! Не до него. Выключил Геннадий мобильник и сидит — мечтает, как он возвратится домой.

Мечты его прервал настойчивый звонок в дверь. Наверное, Хайдарыч за сумкой пришёл. Жена пошла открывать и как-то странно вскрикнула в коридоре. В квартиру ворвались люди в военной форме с автоматами наизготовку. Эсбэушники! Три секунды, и сын, и Геннадий лежали на полу, расставив руки и ноги. Один из одетых в военное снимал всё происходящее на камеру. В комнату пригласили понятых. Главный (в руках у него была кожаная папка) взял сумку Хайдарыча и пригласил понятых осмотреть содержимое. А смотреть было на что. Гранаты, взрывчатка, пистолет, патроны и главный компромат — георгиевская лента. Ну и сука ты, Хайдарыч! Провокатор. Вот он о чём долдонил! Это он моей семьёй пожертвовал ради счастья Украины! Интересно — денег ему теперь дали за сотрудничество?

* * *

На следующий день телеагентства Украины дали бегущей строкой новость о раскрытии диверсионной группы сепаратистов в составе трёх человек, занимавшихся сбором информации и готовящих ряд террористических актов. Новость большого интереса не вызвала — каждый день такие же группы разоблачают. СБУ не спит. Работает.

Кто в шахте живёт?

— Дедушка, а кто в шахте живёт?

Дедушка посмотрел на внуку, улыбнулся и сказал: «Шахтёры, внученька, шахтёры».

— Нет, дедуля. Шахтёры живут дома. В шахте они работают. Посменно. Вот папа мой отработал смену и пришёл домой. А кто в шахте живёт? Мне бабулечка говорила, что в шахте есть домовой — Шубин. Он помогает хорошим людям, а плохим вредит. Ты, дедуля, его видел?

Старый шахтёр Никита Мелентьевич грозно посмотрел на свою жену Марию Игнатьевну, которая возилась у печки, и, обращаясь к внучке Жене, сказал:

— Не слушай бабушку. Она у нас малограмотная. Окончила три класса церковно-приходской школы. Поэтому и верит в домовых да нечистую силу, плохих примет боится. Мы, коммунисты, в домовых не верим, и ты у нас, Евгения, пионерка — верить в такие глупости не должна. А в шахте живут крысы.

— Крысы? — удивлённо переспросила Женька. — А как они в шахту попали?

— По-разному. Есть шахты, в которых вход горизонтальный, вот они, следуя за людьми, под землю и пошли. Там, где люди, там и крысы. А если вход в шахту вертикальный, то они попадают в шахту вместе с шахтным оборудованием и деревом для крепёжных стоек.

— А что они там едят?

— То, что люди едят, то и они. С тормозком* в руках не поработаешь, а положил его — считай с ним попрощался. Некоторые подвизывают тормозки на верёвке за шахтные стойки, но это не помогает — крысы и оттуда достают.

— Тогда их нужно всех отравить. Чтоб не воровали.

— Нельзя, внученька. Пока крысы в забое, значит, шахтёрам не нужно бояться метана. Метан — это газ такой. Он выделяется из породы. Он без запаха, ядовитый и взрывоопасный. Человек газ не чувствует, а крысы чувствуют и сразу из забоя удирают. А значит и шахтёрам надо тоже уходить — плохо работает вентиляция. Ты, Женя, соседа нашего Василия Петровича спроси — его крыса от смерти спасла.

— Как спасла?

— Он, когда работал в забое, то всегда делился своей едой с крысой. Представляешь, где бы он ни работал, всегда его находила одна и та же крыса. Мы тогда над ним смеялись. Василий себе невесту нашёл. Симпатичная, верная — всегда рядом с ним, молчаливая — не ругается как некоторые, — дедушка многозначительно посмотрел на бабушку и продолжил: — А однажды Василий себя плохо почувствовал, голова стала кружиться. Ну, бригадир и сказал ему: ты, Вася, отдохни, потом отработаешь.

Василий лёг в нишу и сразу же заснул. Проснулся он от боли. Болел указательный палец правой руки. Смотрит, а знакомая крыса вцепилась зубами за его палец и тянет. Кусает больно, но не до крови. Он её отогнал, а она возвращается и опять зубами тянет палец. Настырная. Наверное, она что-то хочет ему показать. Что может показать крыса? Не хотелось Василию встать, а пришлось. И только он вышел из ниши и пошёл вслед за крысой, как услышал грохот — не выдержала стойка и рухнула кровля. Если бы лежал в нише, то задавило бы насмерть.

— А что крыса?

*Тормозок - шахтерский обед, еда, которую берут с собой в шахту. Обычно хлеб и сало (колбаса).

— Василий так был ей благодарен, что решил на следующий день её поймать и отнести на поверхность — освободить из «тюрьмы» — так он называл жизнь крыс под землёй. И что удивительно — крыса, наверное, догадалась о его плане. Догадалась, и больше он её никогда уже не видел. Как сквозь землю провалилась. Что он ни клал в качестве приманки в свою ловушку: и мясо, и сыр, и куски сала, а ни одна крыса в его крысоловку не попала. Да и глупость он хотел сделать. Шахта для этой крысы — Родина. Да на поверхности и еды больше, и жить легче, но Родина — это Родина, и ни на что её менять нельзя. Запомни это, Женька, на всю жизнь...

— Ты ей о конях расскажи, — вмешалась в разговор Мария Игнатьевна. — Не хочешь? Тогда я расскажу. У тебя, Женька, дедушка мастер рассказывать о других — о себе клещами слово не вытянешь. Твой дедушка попал на шахту 12-летним подростком. Время было тяжёлое. По стране шла коллективизация. У кого есть лошади — кулак, и подлежит раскулачиванию и выселению. А какой казак без коня? Родается мальчик, чуть подрос — дарят ему нагайку и жеребёнка. Твой дедушка с Дона. Казак. И у твоего дедушки жеребёнок был — Орликом звали.

— Не Орликом, а Орлом. Хороший был конь. Я на нём без седла и узды ездил. Он меня с полуслова понимал, — прервал рассказ бабушки дедушка.

Бабушка продолжила:

— А тут его семью высылают в Сибирь на поселение. Мать Никиты от тифа померла. Отец вместе с братьями погиб на гражданской войне. Кто за белых воевал, кто за красных. Из всей семьи остались дед, баба и их внук Никита. Ему тогда 12 лет было. Тогда дед твоего дедушки и приказал Никите идти на работу в шахту. Труд в шахте тяжёлый, каторжный — поэтому и на работу можно устроиться без паспорта. Никто тебя там искать не будет. А если с нами поедешь — пропадёшь...

Кем может работать в шахте 12-летний подросток? Только саночником. Цепь на шею, и тяни ящик до забойщика. Насыпал кусками угля до самого верха и тянешь до вагонетки. Засыпали саночники вагонетку углём. Дальше работа коногона. Две вагонетки на одного коня. Бедные кони. Как их в шахту спустили, так они солнечного света больше и не увидят. Слепли они без света. В шахте и жили, и умирали. Деду твоему работать саночником было тяжело. Везят гружённые санки до 50 килограммов. Чтобы выполнить норму по санкам, надо было работать без перекура весь день. А рабочий день двенадцать часов. Две недели проработал, а потом спину сорвал. Боль нестерпимая. Надо работу бросать и искать другую. А другой работы на шахте нет. А без работы умрёшь с голода. Вышел Никита в последний свой день на работу, да чувствует, сегодня денег не получит — норму сделать не получится. И вдруг слышит знакомое конское ржание. Пошёл на звук. Орёл его любимый стоит. Купили его для работы в шахте. Тяжко вольному коню под землёй работать. А дедушкин конь с норовом был — стоит и коногона не слушается. Он раньше на воле только дедушку к себе и подпускал. Бьёт коня кнутом коногон — работать заставляет. Бьёт да заставить не может. Всё говорит — негодный для шахтёрской работы конь. Надо его на колбасу и шкуру продать. Рядом мастер стоит, головой качает — соглашается — конь не годный для подземной работы. Подошёл Никита к коню, а Орёл его узнал. Копытом бьёт — радуется. Пошептал ему Никита на ухо — конь и потянул вагонетки. Но когда коногон подошёл к коню, тот остановился и опять — ни в какую не хочет работать. Подумал мастер и говорит Никите: приступай к новой работе, будешь коногоном. Обрадовался Никита. Рядом с Орлом буду. И ему дам облегчение, и для самого работа

полегче. Да и платят больше. Так он проработал в шахте коногоном, пока ему не исполнилось 20 лет. А там война началась. Немец к Ворошиловграду подходил, а дедушка твой Никита в Красную Армию записался.

— Дедушка, а ты с конём в армию пошёл? — спросила Женька.

— Да. Погиб он в Польше. Меня тоже осколком ранило. Прикрыл он меня тогда от взрыва — поэтому я и жив остался, — дед подошёл к Марии Игнатьевне. Улыбнулся и сказал: — Обо мне ты всё рассказала. Ты лучше, старая, расскажи своей внучке, почему твоего отца «кенарем» все звали.

— Моего отца Игната, а значит, твоего прадеда действительно все на шахте называли кенарем.

Дед Игнат был сезонным шахтёром — летом в деревне, а в не сезон шёл на заработки на шахту. Был он ещё подростком, когда это с ним случилось. Ещё при царской власти. Работал на той шахте главный инженер. Жадный. Людей он об- считывал, денег за работу не додавал. Грубый, чванливый — всех шахтёров на- зывал свиньями и пьяницами. Техники безопасности на той шахте не было. На технику безопасности надо было тратиться, а он не хотел — очень деньги любил. Всё на себя любимого тратил. Поэтому и гибли шахтёры. То лес гнилой, стойки не выдерживает — кровля рушится. То метан накопится да взорвётся. В шахту он спускаться не любил. Но когда все же спускался, то брал с собой клетку с кенарем. Ставил он её рядом с собой на землю. Метан газ тяжёлый — накапливается сначала снизу. Если он есть, то птичка умирает, а значит надо убежать на поверхность. А Игнату было жалко кенаря, вот он и угадал момент, когда инженер из кабинета отлучился, забрался в него через открытое окно, да и открыл дверцу клетки. Кенарь вылетел из клетки, сел Игнату на плечо и выдал трель. А поют все кенаря по-разному. У каждого свои коленца. Спел и улетел. Ругался главный инженер, искал виновника, грозился выгнать с работы с «волчьим билетом», чтоб никуда больше на работу его не взяли. Не нашёл. Шахтёры догадывались, чьих рук это дело, но никто Игната не выдал. А потом с ним и случилось происшествие, после которого его и начали называть «кенарем». Работал он в забое ещё с одним шахтёром. И вдруг видит кенаря у того за спиной. Сидит птичка, поёт — и трель такая же, как ему пел кенарь главного инженера. Спела и давай лететь на выход из забоя. Летит, но возвращается и опять улетает. Догадался Игнат — это она его из забоя зовёт — уходи, Игнат, уходи, Игнат схватил своего товарища за руку и потащил его за собой. Только они вышли, как раздался взрыв. Взорвался метан.

— Как ты узнал о метане? — спросил его товарищ.

— А ты кенаря видел? Слышал, как он поёт? Это он меня предупредил.

— Ничего я не слышал, и кенаря не видел. Да ты сам как кенарь — чувствуешь беду.

С тех пор Игната все шахтёры «кенарем» и называли. Сколько раз виделась ему птичка, сколько раз он слышал её пение, и не сосчитать. Спасал он своих товарищей, и все хотели работать с ним в одну смену в одном забое. Никто птицу не видел — только он. Он помог птице, а она спасла ему жизнь. Чудо.

В разговор вмешался отец Женьки.

— Слышу я, мама, эту историю уже много раз. Сколько тебе раз объяснять? Это не чудо. Не было никакого кенаря, а было отравление газом мозга. Просто твой отец чувствовал газ, и сразу же у него начинались галлюцинации.

— Другие не чувствовали, а он чувствовал, — возразила Мария Игнатьевна, и закончила свой рассказ выводом: — Женька, делай добро, и тебе добром отплатится.

Ватник

Мороз был небольшой, но ветер, пронизывающий насквозь, усиливался. Настоящий донбасский ветер. Хороший у Виктора Петровского ватник, новый, а и то долго в нём на таком ветре не побудешь. Замёрзнешь. Но Виктор долго быть на морозе и не собирался. До общежития рукой подать. Виктор, молодой горный инженер, внедрял на этой шахте новую технику. Три месяца он уже тут, и в самый первый день влюбился в местную девчонку. Женя, Женечка, Евгения. Три месяца Виктор провожал её из клуба домой. И только этим вечером решился признаться ей в своих чувствах. И, о чудо, Женечка сказала ему, что любит его тоже. И летел Виктор на крыльях любви от дома Жени к себе в общежитие. Дорога знакомая — не заблудишься. Сначала по поселковой улице мимо спящих домиков. Темно. Ни одного огонька. И только в конце улицы, возле дежурного магазина болтался на ветру путеводной звездой фонарь. Подойдя к магазину, Виктор постучался в окошко, купить хлеба и чая, — обещал соседям по комнате. Магазин поэтому и назывался дежуркой, чтобы шахтеры после третьей смены могли купить себе еды. За дежуркой сквер с памятником Неизвестному солдату. А за сквером клуб и общежитие. На лавочке возле памятника Виктор увидел парня. Наверно выпил лишнего. Разморило. Так и замёрзнуть недолго. Виктор подошёл к парню и положил ему руку на плечо, а тот и не спит. Бормочет что-то себе под нос, и не разобрать. Холодно, а он без шапки и пальто. Парень посмотрел Виктору в глаза и спросил: «Ты моего ватника не видел?».

— Нет, не видел, — ответил Виктор и продолжил: — Забыл, где оставил? Завтра найдёшь. Пошли лучше со мной в общежитие, найдём тебе место, где переспать.

— Не могу я. Невеста меня ждёт. Я обещал к ней вернуться.

— Раз обещал, то надо выполнять обещание. Тем более невесте. Но так ты к ней не дойдёшь — замёрзнешь. Знаешь что, парень, бери мой ватник и шапку. Мне идти недалеко, а тебе они понадобятся.

И не дожидаясь ответа, Виктор снял с себя ватник и шапку и сунул их парню в руки. Тот пытался возразить, да где там. Виктор уже бежал дальше.

Расстояние от памятника до общежития Виктор пробежал как в армии: в сапогах и быстро. Не даром армейские годы прошли: даже не сбил дыхание. И не замёрз, несмотря на отсутствие тёплой одежды. В холле в дежурке сидел вахтёр Михаил Степанович. Хороший мужик — серьёзный и непьющий. Строгий, когда надо, но и в положение войдёт. Если бы Виктор привёл того замёрзшего парня в общежитие, то впустил бы он его до утра, несмотря на отсутствие прописки. Михаил Степанович до пенсии шахтёром был, но и на пенсии работает. Не из-за денег, а чтоб быть полезным обществу.

— Здравствуйте, Михаил Степанович, — поздоровался Виктор. — Как дежурство?

— Дежурство без происшествий. А вот где ты свою шапку и ватник потерял, это вопрос! Тот, кто тебя не знает, решил бы, что ты к замужней повадился, а муж не вовремя вернулся. Но ты парень серьёзный, к замужней не стал бы ходить, да и с танцев ты уже три месяца Женьку Репчиху провожаешь. Она девушка серьёзная, до свадьбы тебя к себе не подпустит. И отца её Никиту знаю хорошо: вместе работали на шахте. Тоже мужик серьёзный. Раздеть тебя бы тоже не раздели. Ты бы без боя не отдал, а следов боя я не вижу. Где верхняя одежда?

— Вам бы в разведку, Михаил Степанович. Всё просчитали.

— Так я в разведке и служил, в партизанском отряде. Мальчишкой десятилетним ходил в город и на железнодорожную станцию. На меня немцы внимания не обращали, а я всё запомню и обратно в отряд. Медаль имею партизанскую второй степени. Да разговор не об этом. Где твой ватник и шапка?

— Отдал я их тому, кому они нужнее. Встретил я парня возле памятника Неизвестному солдату. Был он без тёплой одежды и совсем замёрз. Я его раньше не видел, значит не наш, не местный. Я его с собой хотел взять в общежитие, но он отказался. Невеста говорит, ждёт его давно. Фотографию её мне показал. Красивая. В белом платье.

— Фотографию показывал. Девушка в белом платье, — повторил Михаил Степанович и, встав со своего стула, вышел из дежурки и подошёл к Виктору. — А нос у него не орлиный? Такой смуглый и лет ему не больше тридцати?

— Да, Михаил Степанович, — обрадовался Виктор. — Вы его знаете?

— Как не знать. Дружил я с ним. И жил в одной комнате в общежитии. С Витей Итальянцем. Звали мы его так, хотя по паспорту он был Витторио. Витторио из Италии. Он был военнопленным. Тогда их много работало по шахтам Донбасса. Восстанавливали то, что разрушили. Вскоре их отпустили домой, а Витя остался. В Италии работы нет — безработица, а здесь и работа, и жильё. А ему на свадьбу надо было деньги заработать. И домик купить надо. И землю под виноградник. Вот и работал Витя без отпусков. Не курил, не пил, на всём экономил. За бабами не бегал. Мужики подшучивали над ним поначалу: мол, тебе женщина и не нужна. А он всё про свою невесту рассказывал. О её верности и красоте. И о том, как её он любит. И фотографию её показывал. Девушка в белом платье. Парни от него и отстали. Любит человек, а любовь это святое. Итальянцы в оккупации вели себя лучше, чем немцы. Я имею в виду солдат, а не офицеров. Да и Витя, находясь в нашем плену, вступил в антифашистский комитет. Поэтому никто его прошлым не попрекал, и почти все к нему относились хорошо. Летом он ходил в гимнастёрке и армейских штанах, а зимой надевал старый лагерный ватник. Износился. Дыра на дыре. А в ноябре 1957 года собрался Витя Итальянец домой, в Италию. Всё, говорит, деньги собрал, и невеста написала письмо: не приедешь до Рождества отдадут замуж за другого. Я и два моих друга, мы были соседями Вити по комнате, решили сделать ему подарок. От нас, советских людей, нашему брату шахтёру из Италии. Собрали все свои сбережения, добавили свои месячные зарплаты и купили ему весь гардероб: три рубашки, костюм с галстуком, туфли, носки, нижнее бельё, шапку каракулевую, драповое пальто с меховым воротником. Профессорское. И хороший чемодан. Жених должен выглядеть как жених — с иголки. И пока Витя спал после смены, мы это всё и внесли ему в комнату. А старьё, чтоб он не вздумал повезти его в Италию, вынесли на улицу и кинули в костёр. Стоим и смотрим, как догорает «старая жизнь» Вити Итальянца. И вдруг истошный крик, как будто кого-то убили. Мы наверх, а там Витя, бледный как смерть, трясётся и кричит: «Где мой ватник?» В ватнике, оказывается, все его деньги были зашиты. А мы их превратили в пепел. Посмотрел он нас, заплакал и ушёл. Я до сих пор помню этот взгляд. Тоскливый, безнадёжный. А мы застыли, осознавая, что мы сделали. Если бы мы знали, что будет дальше, мы бы побежали за ним. Да кто ж знал? А наш Витя повесился в шкафу на ремне. Врач тогда мне сказал, что нужно иметь сильную волю и страшную беду, чтоб повеситься в шкафу, где и встать в полный рост невозможно. Похоронили мы его в новом костюме и в новых туфлях. Пригодился наш подарок...

— Страшная история, Михаил Степанович, а этот парень, которому я отдал ватник, при чём? Он жив, а ваш Витя умер. — спросил Виктор.

— Знаешь, Виктор, я коммунист. А коммунисты ни в Бога, ни в чёрта не верят, а в мистику тем более, только никто из тех, кто жил в комнате с Витей Итальянцем, так и не женился. Была любовь, но всегда безответная. Вот и я бобыль, так своего счастья и не нашёл. А потом каждый год в ноябре месяце стали парни нашего посёлка, те, кто нашёл уже свою любовь, встречать орлиноносого смуглого парня без тёплой одежды. Парня, который ищет свой ватник и должен попасть к своей невесте. И фотографию её всем показывает. Красивая девушка в белом платье.

— Вы это серьёзно? — перебил Михаила Степановича Виктор.

— Очень серьёзно. Сашку Сигайду знаешь? Забойщик на втором участке. К Людке Архиповой сватался. Отказала.

— Так он пьёт сильно, — парировал Виктор.

— Выпивал, но не сильно. А как Людка отказала, то как с цепи сорвался. А Прокоп женился к Наташке Гринчук? Отказала. Всех и не перечислишь. И все клянутся, что видели Витю Итальянца.

— Я, Михаил Степанович, комсомолец, а значит материалист и в бабкины сказки не верю, — подвёл итог беседе Виктор и с гордым видом поднялся по лестнице на второй этаж, где была его комната. Соседи по комнате уже спали, и Виктор, не включая свет, разделся и лёг на кровать. Но сон не шёл. Он, конечно, комсомолец, и в мистику не верит, но Степаныч мужик серьёзный — врать не будет. А вдруг это правда, и Женя завтра перестанет его любить? Едва дождался Виктор пяти часов утра, и бегом по вчерашнему маршруту. Прибежал к её домику и давай стучать в окно. Заспанная Женя выглянула в форточку и недовольно спросила: «Что стучишь ни свет ни заря? Родителей разбудил...»

— Женя, ответь мне, — сердце Виктора стучало, как после стометровки. — Ты меня любишь? Замуж за меня пойдёшь?

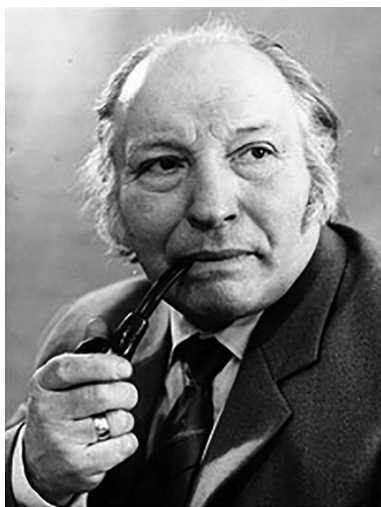
Женька засмеялась и ответила: «Люблю и замуж пойду. Иди спать, чумовой...»

Через месяц Женя и Виктор сыграли свадьбу. Виктор торопил. Все удивлялись, и чего он так торопится. А через год родился сын. И Михаил Степанович нашёл своё счастье. Женился на вдове шахтёра, погибшего в забое. С детьми взял, и воспитывает их как своих. Витю Итальянца больше никто не видел. Было ли проклятие? А если было, почему не подействовало? Виктор часто об этом думал. Что бы было, если бы он не отдал свой ватник?

ПОЭЗИЯ

ДЕНИС ЦВЕТКОВ

Держать ответ на небесах

ЦВЕТКОВ Денис Михайлович (1921–2014) поэт, художник, член Союза писателей России с 2010 г. Родился 31 декабря 1921 г. в селе Нижний Чулым (Сарапулово) Новосибирской области. В 1937 г. в возрасте 16 лет переехал в Иркутск. Работал на иркутском авиазаводе токарем, откуда ушел на фронт. С 1941 по 1946 г. служил на Дальнем Востоке в пограничных войсках. После окончания войны, вновь вернулся на завод, работал художником. С юности писал стихи, которые заметил поэт Василий Федоров, поддержавший юного сочинителя. Первая публикация Цветкова состоялась в заводской многотиражке «Сталинец». Цветков также занимался в изостудии, вступил в литературный кружок «Восточно-Сибирского комсомольца», затем в литобъединение газеты «Советская молодежь», которым руководил Иннокентий Луговской. По совету В. Федорова Денис перешел работать в редакцию «Молодежки» ответственным секретарем. Тема войны, одна из главных в творчестве поэта, лучшие его стихи — навеянные воспоминаниями о фронте. Поэзия Дениса Цветкова отличается душевностью, хорошей простотой и пронзительностью. Его герои — солдаты, живые и мертвые, светлая память о них. Писал он и о трудных послевоенных годах, размышлял о сегодняшней жизни. Является автором семи книг и соавтором поэтического сборника «О, Русь родная», изданного к 60-летию победы в Великой Отечественной войне. В члены Союза писателей России был принят в возрасте 89 лет. Публиковался в альманахе «Ангара», журналах «Сибирь», «Сибирские огни», газетах и коллективных сборниках. Денис Цветков всегда принимал активное участие в работе литературного объединения «Парус», которое действует при редакции газеты Иркутского авиазавода с 1935 года. Умер 22 марта 2014 г. в Иркутске. Автор книг: Высоковольтка : стихи. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1973. Годовые кольца : стихи. — Иркутск : Издательский центр журнала «Сибирь», 2000. Вечерний звон : [стихи]. — Иркутск : Издательский центр журнала «Сибирь», 2001. Признание в любви : стихи. — Издательский центр журнала «Сибирь», 2002. Избранные стихи. — Иркутск : Издательский центр журнала «Сибирь», 2006. Стихотворения. — Иркутск : Издательский центр журнала «Сибирь», 2006. Земной поклон : [стихи]. — Иркутск : Издательский центр журнала «Сибирь», 2011.

Напутствие

Кончаются пути-дороги, Сужается порочный круг. Пора бы подвести итоги, Да всё, как будто, недосуг.	Пора бы в суматохе буден Познать, увы, на склоне лет: Что дал полезного я людям И что я получил в ответ?
---	---

Однажды

Я «вычислил» в тот раз «кукушку». (То снайпер-итальянец был.) Я трижды брал его на мушку И трижды мушку отводил.	Но чудо всё же есть на свете, Хотя его порой не ждём. Меня он тоже заприметил, Но продолжал играть с огнём!
А он, агиткой сбитый с толку, И зла к соседу не тая, Читал вчерашнюю листовку, Едва губами шевеля.	Земля была в холодном поте, И на кону стояла жизнь. Но, взвесив все и «за», и «против», Мы полюбовно разошлись.
К нему проникся я доверьем: Наверно, есть жена, семья?! Передо мной сидел «деревня», Такой же парень, как и я.	Война — волшебная наука. И мне маячил трибунал. И если бы не маршал Жуков, Ты б эти строки не читал!..

* * *

Врачи всю ночь, как ангелы-хранители,
Стояли над солдатом не дыша.
И, будто плёнка в старом проявителе,
Он к жизни возвращался не спеша.

В бинтах, в подушки заживо зарытый,
Лежал и даже не дышал солдат.
Лишь только пульс, как родничок забытый,
То замирал, то бился невпопад.

К утру он шевельнул устало бровью,
Потом глаза открыл едва-едва...
...Смерть тихо дверь прикрыла за собою
И юркнула в палату номер два!

Личное

И стар, и млад грешны перед Творцом.
Но я пред ним не чувствую вины:
Я был хорошим сыном и отцом,
Я был хорошим мужем для жены.

Нас не коснулась горькая нужда.
Всегда хлеб-соль стояли на столе.

Всегда со мной была жена нежна,
А я всю жизнь души не чаял в ней!

Мы прожили с ней много-много лет.
Двенадцать раз пробило на часах.
Нам скоро предстоит держать ответ
Уже не на земле, на небесах!..

* * *

Не почитаю я на лаврах
И никогда не почивал.
Ни разу не был даже в Гаграх,
На Кипре — тоже не бывал.

Друзья меня не понимали.
Сулили денег дать взаймы.
Но тщетно!.. Жил я на Байкале
Всегда — всё лето до зимы.

Байкал достался мне в наследство,
Я был с ним сызмальства знаком.
И словно дервиш, впавший в детство,
Ходил по гальке босиком.

Любил я, грешник, жизнь бродяги.
Любил таёжные дары.
То — ручеёк из-под коряги,
То — родничок из-под скалы.

Писал восходы и закаты,
Ловил ленка в пучине вод.
Потом в стенах родимой хаты
Плескались волны круглый год.

Этюды были неплохие,
Меня ж не жаловал музей...
Они теперь по всей России
Журчат в хороммах у друзей!

Разведчики

Подбирались ночки потемнее,
Подождливей или поснежней.
Подбирались парни посильнее,
Одевались парни потеплей.

Подбирались со всея России,
В жизни не умевшие тужить.
Подбирались парни, да такие —
Гору сдвинут, только прикажи!

Затянувшись папироской поровну
И поправив «финку» на ремне,

Молча уходили на «ту сторону»,
Чтоб побыть с судьбой наедине.

Уходили тихо, не прощались,
Даже без обычного: пока!
Многие назад не возвращались,
Жизнь свою отдав за «языка».

Так и шли неделя за неделей.
Нынче бой, а завтра снова бой...
Ордена они свои надели,
Лишь когда поехали домой!..

Смертельно раненный

Рвались снаряды слева, справа.	И рану зажимал руками,
Земля стонала, как в бреду.	Стараясь сам себе помочь.
А он лежал у переправы,	Но смерть его — стервятник старый —
У всей России на виду.	Уже маячила над ним...
Кричал беззвучными губами,	...Не надо плакать, санитары,
Не в силах боли превозмочь.	Спешите, милые, к другим!..

* * *

Я восемнадцать лет здесь не был!..
Передо мной во всей красе,
Как обелиск, вонзилось в небо
Волоколамское шоссе.

Насквозь продутое ветрами,
Дождём омытое, оно
Сейчас горело под ногами,
Закатным солнцем зажжено.

И здесь, где кончилось когда-то
Житьё беспечное моё,
Стоят гранитные солдаты
На месте памятных боёв.

У них величественны лица!
Богатыри! Им всё с руки!
Не зря вверяла им столица
Свою судьбу: сибиряки!

А я их знал ещё живыми,
Всех земляками называл.
И горд, что здесь вот, вместе с ними
Я оборону занимал.

В той давней полночи кипящей
Я ранен был. И я не знал,
Что земляков, на смерть стоящих,
Последний грозный разводящий
В ту ночь возвёл на пьедестал.

Но и гранитные, гвардейцы
Стоят со связками гранат...
Россия! Ты на них надейся,
Как восемнадцать лет назад!..

Пропавшие без вести

У двух пропавших сыновей
Могилы даже нет своей.

Могилу третьего нашли,
И то от Родины вдали.

Где и берёзы не растут,
И русских песен не поют.

А матери всё снятся сны:
Пришли домой сыны с войны.

И тихо за столом сидят,
Похлёбку нехотя едят,

И всё молчат, молчат, молчат.
И молча смотрят на девчат.

И так почти из ночи в ночь.
Побудут час-другой, и прочь.

Уходят старым большаком,
Хлеб-соль накрывши рушником.

Уходят, не взглянув на мать,
Чтоб завтра сесть за стол опять!..

Карта

Плывут тропинки и дорожки.
Петляет юркая река.
Над кручей робкие берёзки
Укрыли домик лесника.

Стоит ветряк, палимый зноем,
Облокотившись на костыль.
У ног его степным прибором
Кипит разгневанно ковыль.

А там, где вырубки лесные
Сползли плешинами в лога,
От времени полугнилые,
Покорно сгорбились стога.

И ошетилившись, как зубры,
Лежат в секрете до поры,
Оскалив каменные зубы,
Противотанковые рвы.

Есть всё на этой карте старой:
И брод, и дуб, и высота,
И обгоревшие амбары,
И даже церковь без креста.

И пни с нахмуренными лбами,
И телеграфные столбы,
Что землю меряют шагами,
Поднявшись круто на дыбы.

Но нет на ней того рассвета,
Когда средь мнимой тишины
Вдруг в небо харкнула ракета
Плевком кровавым... То войны

Где между соснами устало
Петляет юркая река,
Где алым-алым красноталом
Покрыло время берега.

Был знак... Повиснув над полями,
Он стал искусственной Луной,
Он стал мостом между боями:
Ещё сигнал — и грянул бой!..

...Над кручей братская могила
С одной на целый взвод звездой!
Стою, смотрю, как гнутся ивы,
По-детски брызгаясь водой.

Да нет ещё на карте этой
Деревни: выцвела давно.
Она, по всем моим приметам,
Вот здесь, где бурое пятно.

Стою, как тот ветряк под зноем,
Облокотившись на костыль.
Стою... А предо мной прибоем
Кипит, кипит, кипит ковыль!..

* * *

Когда смотрю на это фото,
Я, как мальчишка, встрече рад:
Передо мной — родная рота, —
Сто двадцать стриженных ребят.

Колхозный бывший председатель,
А ныне — фоторепортёр,
Загнал солдат в видеоискатель
И расстрелял бедняг в упор.

Они, друг к другу прижимаясь,
Стоят у каменной стены.
Стоят, беспечно улыбаясь,
Как будто нет уже войны.

Он громко кашлял то и дело
И знал, провидец, наперёд,
Что этот снимок чёрно-белый
Всех, кто на нём, переживёт!..

Итак, окончена война

Итак, окончена война...
И, дань погибшим отдавая,
Вдруг воцарилась тишина —
Невероятная, святая.

Казалось, мир от счастья нем,
Оглох, боясь промолвить слово.
Боясь, что где-то между тем
Заговорят зенитки снова!..

НАДЕЖДА КУДАШКИНА

«А ночью выпал снег забвенья...»

КУДАШКИНА Надежда Николаевна (урождённая Таушева; 3 декабря 1934, г. Сталинск Западно-Сибирского края, РСФСР, СССР — 2021) — педагог, поэт и прозаик.

Родилась в городе Сталинске (ныне Новокузнецк Кемеровской области) в рабочей семье. Окончила педагогическое училище. По окончании учёбы работала учителем в начальной школе, затем завучем, директором. Заочно окончила географический факультет Новокузнецкого педагогического института.

Стихи писала со школьной скамьи. Первый сборник стихов Н. Кудашкиной «Отчаянный подснежник» вышел в 1993 приложением к газете «Вестник». У Н. Кудашкиной свой творческий почерк. Её стихотворения, немудрёные по форме, несут в себе глубокий и тонкий смысл, в них каждое слово на месте, а это признак большого мастерства. Со вторым авторским сборником «Предзимье» любители поэзии познакомились в 1994. Заголовки разделов сборника: «Здесь всё — моё», «Судьбу — не кружево плету», «А Время мелет...», «И снова буйствует сирень» — подсказывают тематику сборника. Это — природа, Родина, любовь, земное и личное. Разнообразен сборник и по жанрам. В 2005 вышел третий авторский сборник Н. Кудашкиной. «Я — мишень. Никуда от судьбины не деться». Это стихотворение дало название книге. Книга открывается сонетами, написанными по-шекспировски. Каждый последующий сонет начинается последней строчкой предыдущего, а 15-й составлен из последних строк предыдущих сонетов. Восхищает яркий, образный язык. В 2011 вышла новая книга: «Мир это сказка». В сборник вошли три книги для детей: «Мне почему-то хочется летать», «Солнцеворот» и «Солнечный твист». По признанию автора, она работала над этой книгой всю свою жизнь, собирая чувства, впечатления и нужные слова.

Член Союза писателей России с 1997. Стихотворения Н. Кудашкиной публиковались в коллективных сборниках: «На рубеже столетий», «Полвека от войны», «Подсказала строку Ангара», «Антология иркутской поэзии», «Встречи у фонтана» и других, в журналах «Сибирь», «Сибирячок», в местных периодических изданиях.

Заслуженный учитель. Награждена медалью «Ветеран труда» (1988), знаком «Отличник народного просвещения» (1967).

С 1968 года жила в г. Ангарске Иркутской области. Преподавала географию, биологию, астрономию в школе № 29. В качестве внештатного корреспондента сотрудничала с ангарской городской газетой «Знамя коммунизма». Много лет руководила литературным объединением «Юланга» (юные литераторы Ангарска).

Поэзия Надежды Кудашкиной отличается тонким лиризмом, каждая строка светится добротой, женской мудростью, любовью ко всему живому. Автор шести сборников стихов, в том числе и для детей.

* * *

Я — мишень. Никуда от судьбины не деться,
Я — всего только круг для прицельной стрельбы.
Но не знаете вы, как сжимается сердце
Каждый раз в ожидании новой пальбы.

Я — мишень. И летят торопливые пули.
Может быть, мне последнюю песню поют.
Вот расчетливо — «в яблочко» — снова пальнули,
Щедро выплеснув черную злобу свою.

Никуда не уйти, я — мишень и не боле,
Этот тир для меня — и причал, и приют.
Но сильнее всего цепенею от боли,
Если с ближней дистанции бьют.

* * *

Спит Земля спокойным зимним сном, Сон-траву баюкая в ладонях, До поры, пока живым теплом Солнце стужу незаметно сгонит.	И, о снисхождении моля, Сквозь дожди весенние косые Смотрит в душу мне сама Земля, Смотрит в сердце мне — сама Россия.
--	---

И тогда сквозь прошлогодний снег, Сквозь туманы и лесной валежник, Радуя и удивляя всех, Выглянет отчаянный подснежник.	Этот взгляд мне не дано забыть, С ним Земля теплее, небо — выше. Как же надо эту жизнь любить, Чтоб в такой мертвящий холод выжить!
--	--

Молитва

Пусть будут дни делами венчаны, Пусть будет в радость каждый час, И пусть любовь счастливой женщины В беде спасет тебя не раз.	Пускай она звездой светится, Неповторимую, одной... И если вдруг случайно встретимся, — Даст силы не идти за мной.
---	---

* * *

А ночью выпал снег забвенья:	Звезда звезде светить забыла,
Луга забыли про цветы,	Впотьмах летят судьба к судьбе.
Забыли реки про течение,	Любовь забыла, как любила,
Тропинки про твои следы.	А я всё помню о тебе.

* * *

Куда от тебя сбежать?	И за оконным стеклом
В какие скрыться края?	Вьются слезинки дождя.
Как без тебя дышать,	Щекою к стеклу прислонюсь,
Радость-печаль моя?	Чтоб обмануть тебя.
Счастье пошло на слом —	Видишь, как я смеюсь.
Рушится, нас не щадя.	Плачет дождь, а не я...

* * *

Прошедших дней простую истину	Былые годы-перекатыши,
И горькой правды холодок,	В геранях красное окно,
И сердца перестук неистовый	И снег, когда-то в детстве падавший,
Кладу в заплечный вещмешок.	Растаявший давным-давно,
И он становится от этого	И трепет первого свидания,
Всё тяжелее с каждым днём,	И тот журавль, что не в руке,
Но не могу на тяжесть сетовать,	И приговор, и оправдание...
Всё в этом вещмешке моём:	Нет! Я иду не налегке!

* * *

Я — гостья на Земле, а не хозяйка,
Но все-таки по дому хлопочу,
Переставляю мебель, как хочу,
Живу в себе, но не впотайку...

Кручусь с утра, как белка в колесе,
Порой от суеты такой тупею:
Дел никогда не переделать всех,
А по-другому — тоже не умею.

В поэзии, как будто на крыле:
Покуда хлопочу — дотоль живая,
За суетою вовсе забывая
О том, что я лишь гостья на Земле.

* * *

Милая загадочная Рось, Что с тобой, родная, приключилось? Многое изведать довелось, Но такое и во сне не снилось.	И в достатке только тот живёт, Кто привык на горе наживаться, Кто пускает в ход и нож, и лезть, У кого в крови по локоть руки, Для кого и Родина, и Честь — Ничего не значащие звуки.
Был защитник Родины — святым, За него и на него молились... Почему же ныне — мрак и дым В человеческих душах поселились?	Но Его Величество Народ Не забыл величие России. Он былую славу ей вернёт: К счастью, он не болен амнезией.
Загранице слепо смотрят в рот И готовы за тряпье продаться,	

* * *

Всё умертвляя и уничтожая,
Война пыталась до меня дойти,
Война рвалась, но Родина большая
Заслоном встала на её пути.

И словно глубже наши реки стали,
Как будто гуще сделались леса,
Точней снаряды из кузнецкой стали —
Все поднялись, чтобы меня спасти:

Мой дядя Вася, без вести пропавший,
Мой дядя Костя, умерший от ран,
И тот солдат, в боях недосыпавший,
И летчик тот, идущий на таран.

Нет. Надо мной война не грохотала,
Не жгла мой дом, не мучила ни дня
И не плевала сгустками металла —
Ее не допустили до меня.

Да. Надо мной война не грохотала —
Меня ребенком от нее спасли.
Но вдруг сегодня снова страшно стало —
Ведь внуки незаметно подросли.

И я готова что угодно сделать:
Молить, кричать, в колокола звонить,
Чтоб Родина в пожарах не горела,
Чтоб мальчиков живыми сохранить.

Я помню!

(По мотивам стихов А.С. Пушкина)

«Я помню чудное мгновенье»
И то глубокое волнение,
Когда средь древних диких скал
Предстал передо мной Байкал, —

То стало сказкой-потрясением!
Меня, как громом, поразила
И красота его, и сила.
И вспомнилось стихотворенье:
«Я помню чудное мгновенье!»

И долго я потом стояла
У ног священного Байкала,
Прибой лизал подошвы скал —
Не отпускал меня Байкал,
Продлив минуты озаренья:
«Я помню чудное мгновенье!»

В сердце — холодок...

Как удержать, невольно не обидеть,
Не дать тропинкам порознь разойтись,
И нежность — в раздражении увидеть,
И слово утешения найти?

Всё меньше звёзд на нашем небосводе.
И как мгновенье это уловить,

Когда любовь, отчаявшись, уходит
И уступает место нелюбви?

Пока ещё хватает мне терпенья
Выслушивать упрёков злой поток
И находить для злобы объясненье...
Пока — тепло, но в сердце — холодок.

Сосна

Смотрю я, запрокинув голову,
А надо бы склониться пред тобой,
Пред возрастом твоим в поклоне до долу
Перед величием и перед красотой.

Облитая закатным щедрым золотом,
Ты шепчешь миру о заветных снах,
О том, как вихрем прошумела молодость,
О чьих-то недописанных стихах.

Ствол испещрён морщинами глубокими,
От первых веток нет уж и следов:

Посбиты ураганами жестокими,
Но ты живёшь, не глядя ни на что.

Могучими корнями в землю вросшая,
Ты, кажется, не старишься ничуть:
Весною каждой, дымкой припорошена,
Ты гордо ветру подставляешь грудь.

Слились в тебе — и мудрость закалённая,
И молодость, кипящая в крови...

Живи, моя красавица зелёная,
Краса и гордость матушки-Земли!

Светлая берёзовая грусть

Осень наступила — делать нечего.
Листья облетают — ну и пусть!
На ладонь мою легла доверчиво
Светлая берёзовая грусть.

Сберегу я этот знак внимания,
Никому о нём не говоря.

Робкое и нежное признание,
Солнечный подарок сентября.

Не отдам я ветру суетливому,
Навсегда к себе приворожу
И о том, какая я счастливая,
Никому на свете не скажу!

* * *

Летают паутинки лета бабьего.
Я их ловлю, они из серебра.
И пишет осень повесть сразу набело,
И щедро капли падают с пера.

Вся эта повесть — нежность и смятение.
Держу в руке исписанный листок
И жду за каждой строчкой продолжения,
Отыскиваю радость между строк.

Что ни глава — клубок воспоминаний,
Ошибок перепутанная нить,
Непрошенная горечь осознания,
Что в тех ошибках некого винить.

Любовь и счастье, вера и сомнение,
И Вечности неукротимый бег..
Повремени, метелица осенняя,
Не засыпай тропинку, первый снег.

Так хочется остановить мгновение,
Но мне такая сила не дана...
Всё осенью верней и откровеннее,
Всё до конца, до капли и до дна.

Стихия

В неистовстве своём свирепа,
Не разбираясь, рубишь ты сплеча,
Коверкаешь и разрушаешь слепо,
От дикой злобы воя и ворча.

Шальную, необузданную ярость
Ты как своё достоинство несёшь.
И нечего рассчитывать на жалость:
Тебя нравоученьем не проймёшь.

Но даже в диком рёве исступленья
Не лишена коварной красоты,
И, если вдруг придёт успокоенье,
То будешь ты тогда — уже не ты.

Не притворяйся робкой и смиренной
И кротостью под ноги не стелись.
Пусть даже ярость будет откровенной,
И без обмана будет наша жизнь.

* * *

А Время мелет, мелет, мелет,
Стирая судьбы в порошок,
И годы, как холстины стелет:
Кому — с аршин, кому — с вершок.

То адом наградит, то — раем.
Оно — магический кристалл —
Одних кумиров низвергает,
Других — ведет на пьедестал.

Оно нас проверяет властно
И на износ и на излом,
Оно и судит беспристрастно:
В его руках добро и зло.

Мы хорохоримся, бунтуем,
Стремимся из его тюрьмы,
Забыв про истину простую —
Оно решает, а не мы!

* * *

Услужливая память, не спеши,
В твоих стараньях слишком мало толку,
Былое-прошлое не вороши
И в стоге сена не ищи иголку.

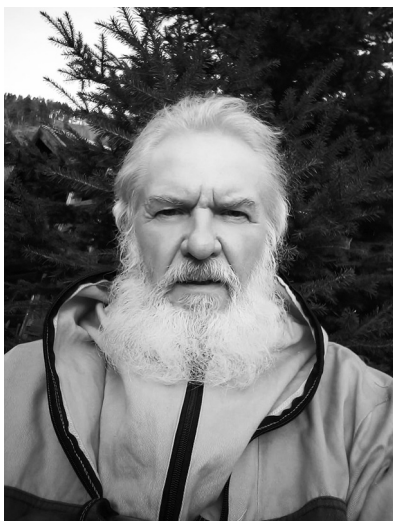
Среди нагромождения грехов,
Намерений благих и несвершений
Отыщешь вряд ли ты моих врагов,
Виновных в совершённых прегрешеньях.

Ты лучше отыщи друзей моих,
Которые исчезли с небосвода,
И разузнай, прошу тебя, у них
Причину столь внезапного ухода.

И нет ли в том, узнай, моей вины.
А если есть, то ждать ли мне прощенья?
Ты передай, что дни без них черны.
Я умоляю их о возвращеньи.

ОЛЕГ СЛОБОДЧИКОВ

Волколаки*

ПОВЕСТЬ

Со школьных времён носить бы Васёке Иванову кличку Иван Дурак из-за не сходящей с лица лубочной улыбки, если бы не одно но... С той же самой, будто нарисованной улыбкой, он безбоязненно отвечал на тычки и пинки, беззлобно, будто в смех дрался, воздавая ровно столько, сколько получал. Сам никогда не начинал ссор, но не любили его почему-то многие, а Зинка люто ненавидела.

СЛОБОДЧИКОВ Олег Васильевич, прозаик. Родился в 1950 г. Детство прошло в рабочих посёлках низовья Ангары и Красноярского края. Окончил филологический факультет Казахского Государственного университета в г. Алма-Ате. С 1981 г. работал редактором отдела прозы в республиканском издательстве Казахстана «Жазуши» (Писатель), редактором отдела прозы журнала «Простор». В 1991 году переехал в Иркутск. В течение 12 лет работал редактором отдела прозы и публицистики в журнале «Сибирь», в 1998–1999 гг. — директором издательства «Иркутский писатель». В 1994 г. был принят в Союз писателей России. Печатался в журналах «Сибирь», «Москва», «Наш современник» и др. Автор книг: Перекрёсток: повести (Алма-Ата, 1987); Чикинда: повести (Алма-Ата, 1991); Заморская Русь: роман (Иркутск, 2000); По прозвищу Пенда: ист.-приключ. роман (Иркутск, 2009); Похабовы: Сиб. ист. роман (Иркутск, 2011); Первопроходцы (Москва, 2019). Трижды лауреат Губернаторской премии, в том числе в 2000 г. — за роман «Заморская Русь», в 2011 г. — за роман «Похабовы»; лауреат премии журнала «Москва»; лауреат Национальной литературной премии им. В.Г. Распутина (2021). Живёт в Слюдянском районе Иркутской области.

*В славянской мифологии люди-оборотни, на определённое время принимающие образ волка.

Они были ровесниками и соседями, их дома стояли через дорогу один против другого на самом краю села, дальше расстиралось просторное поле, за ним виднелась кромка тайги. Едва ли не с первых шагов Зинка считала себя сильнее Васьки и чуть что пускала в ход свой единственный приём: ногти в лицо. В дошкольные годы Васька частенько ходил исцарапанным, пока однажды не озлился и не поколотил соседку.

Царапаться Зинка перестала, но с тех пор смотрела на него вприщур завидующими глазами, презрительно кривила беззубый рот, и не упускала случая высмеять. Она и дала Ваське прилепившуюся кличку Халбанур.

Он же в ответ на её извечную злобу только добродушно улыбался. Услышав незнакомое слово, которое Зинка злорадно повторяла, тыча в него пальцем, Васька ничуть не обиделся, но с любопытством спросил: что это такое?

— Баран! Баран! — язвительно хохоча, заплясала Зинка.

Васька удивлённо рассмеялся и пошёл в школьную библиотеку, он был мальчик основательный и держал Зинку за полную дуру. В Малой Советской Энциклопедии, с помощью библиотекаря, он не нашёл такого слова. Прочитал статью о баранах — в ней не было упоминания о породе халбануров.

Когда в другой раз Зинка, кривляясь, скакала между парт как коза и кричала: «Халбанур, Халбанур!», Васька с улыбочкой назвал её душой и халдой. То и другое было понятней, чем Халбанур. Зинка и была халдой, это все знали, но только с этого раза кличка пристала к ней на многие годы. Так и проучились Халда с Халбануром в одном классе десять лет сряду. Васька был твёрдым троечником, учился с ленцой, но легко, не отягощаясь зубрёжкой, на каникулах работал с отцом-пастухом подпаском в совхозном стаде, Зинка трудилась телятницей при матери: она с ненавистью к Халбануру, он с равнодушием к Халде.

Ваське нравилось вставать до рассвета, седлать коня, весело подергивавшего шкурой, нравилось, дождавшись окончания утренней дойки, вместо завтрака до распирания живота выпивать парного, пахнувшего коровьей жвачкой молока. После этого, будто боясь расплескать его в своём животе, он осторожно взбирался на лошадь, и они с отцом выгоняли скот на выпас. По пути обязательно встречалась Зинка с заспанным лицом, плетущаяся на скотный двор. Завидев Ваську, она оживлялась, вытягивала длинную шею, тонкие губы, нараспев голосила, щурясь и морщась от поднятой скотом пыли.

— Халбанур!

— Халда! — так же нараспев отвечал он и громко хохотал, если Зинка, увлекшись дразнилкой, ступала в свежую коровью лепёху.

Так они обычно приветствовали друг друга.

Васька жил с отцом и бабушкой, его мать была запойной и умерла, когда он учился в седьмом классе. Всегдашняя улыбка тогда кривилась на Васькином лице несколько дней сряду, но вскоре после похорон опять расплылась во всю свою обыденную ширь. Он был четвертым ребёнком в семье: первые трое умерли в младенчестве. Бабушка, мать матери, очень любила единственного внука. Сухонькая, подвижная старушка, заядлая грибница и ягодница, она всегда одинаково одевалась: на голове платок шалашиком, простенькое коричневое платье повязано черным фартуком. От неё Васька знал, да и сам кое-что помнил, что его мать не баловалась ни водочкой, ни винцом, пока не похоронила трех младенцев, потом началось: месяц-два в рот не берёт, после на неделю в загул. Бывало, понять не могли, где наберётся рано утром или среди ночи. Иногда находили сорокалитро-

вую флягу с брагой в навозе, выливали. Мать плакала, каялась, обещала бросить пьянку, потом всё повторялось, пока не умерла.

Хорошего в жизни бабушки было мало, но оно было. Когда она вспоминала свою юность, лицо её молодело, она улыбалась почти как Васька, выцветшие глаза обращались куда-то внутрь или вдаль, где слышался церковный звон, старинные русские песни, где под синее небо взлетали на качелях. В селе был храм Святой Троицы, на престольный праздник к нему съезжался народ из окрестных деревень, весело жил под телегами, готовил еду на кострах. Девки и парни водили хороводы, высматривали невест и женихов, сплетали ветки растущих рядом берёз, пускали венки по речке.

Но радостные воспоминания бабушки будили её память о последующих годах. Лицо старушки смурнело, как солнце при набежавшей тучке, чётче выступали морщинки. Началась Германская война, мужики ушли на фронт, но за Уралом случилась революция, и они вернулись с винтовками. Селяне радовались концу войны, носили красные банты на груди, красиво говорили о будущей жизни. Потом лапотоны-переселенцы, пропившие государев подьём, стали устраивать коммуны, опять пропились-проелись и начали отбирать хлеб у трудяг-работников. В Сибири случился новый переворот, коммунаров постреляли и разогнали, но вскоре забеспредельничали пленные чехи и всякая колчаковская нерусь, мужики ушли в партизаны. В село прибыл колчаковский генерал Розанов с чехами, перевешал с десяток лучших стариков из справных семей, сжёг несколько домов. Их прогнали отряды партизана Щетинкина. И снова люди радовались, носили красные банты, говорили о светлом будущем и несколько лет жили справно, вполне довольные властью, пока эта власть не стала устраивать колхозы, силком сгонять в них крестьян под начало самых беспутных и ленивых, над которыми потешалось всё село. Противившихся коллективизации облагали непомерными налогами, раскулачивали, обирая до белья, бросали в тюрьмы, ссылали и расстреливали.

Народ негодовал. На легковом автомобиле в село приехал главный районный чекист в красных революционных штанах, из бывших партизан, собрал селян: «Партизаны! Мы кровь проливали за Советску власть, а не за коммунистов. Встанем как один за свой народ и за свою землю!» Бывшие партизаны похватили винтовки, которые были в каждом доме, расстреляли устроителей колхоза, оседлали коней и ускакали на новую войну. Брату бабушки было тогда пятнадцать лет: босым в одной рубахе без порток, он достал бердану, кинулся к лошади. Бабка схватила его за полу рубахи, парнишка вырвался, вскочил на кобылу и умчался следом за повстанцами. Только он один вернулся в село через десять лет больным туберкулёзом, покашлял и вскоре умер.

От этих воспоминаний на глазах Васькиной бабушки выступали слёзы.

— Перед войной-то и в колхозах зажили справно, а тут на те... Немец под Москвой! Опять голод, налоги, вдовы, сироты, калеки... Чуть поднялись — Микита стал скот отбирать: много держать нельзя, завтра будет коммунизм, там всем всего хватит...

Вот и получатся, лучше, чем сейчас, не жили. Кого там?.. Ещё перед Ванькиной армией белый хлеб возили из города детишек порадовать, сладкий чай ребятишки пили только в шоферской столовой. Да вот беда, нынче песни петь перестали: выпьют и всё про политику языки чешут. Поди, опять к революции!

Васькин отец считался в селе малопьющим и обязательным мужиком с тёмной душой, за глаза его звали Волчатником, а то и Оборотнем. Летом он пас скот, зи-

мой охотился и тогда, три-четыре месяца сряду, Васька был предоставлен самому себе, но не избаловался волей при попустительстве бабушки. Он считал себя хорошим пастухом, а охотником — так себе, потому что не имел страсти к добыче, и даже приносил отцу неудачи в промысле, если уходил в его таёжное зимовьё на осенние и зимние каникулы.

— Шибко уж ты умный, в мать пошёл, — с досадой рассуждал отец, сидя возле жестяной печки. — Она и спилась-то от ума. — На промысле отец отпуская бороду с проседью, которая Ваське очень нравилась, и набирался таёжного степенства. Блики пламени от печки и керосиновой лампы мельтешили по его лицу. — Зверь таких как ты далеко чует, а тайга не любит, — продолжал рассуждать, качая лысеющей головой. — Бывает, бежит по тайге дурак с одной извилиной в башке, да ещё с похмелья, на волков выходит, при их-то хитрости, а на изюбрей и подавно.

Васька умным себя не считал, думал, что он как все, простой сельский парень, и тем был доволен. Среднего роста, в меру крепкий, с открытым простецким, курносым лицом, которое трудно представлялось, едва от него отводили взгляд, запоминались разве круглые дырочки ноздрей да спокойная и глуповатая улыбка. И жил он как все, не задумываясь о будущем, и судьба складывалась сама по себе, без всякого напряжения с его стороны.

В конце февраля или в начале марта отец возвращался из тайги с запахом костров и хвои, с окладистой посеребренной бородой, после бани внимательно разглядывал себя в зеркало и поругивался:

— От ить чо! На башке волос всё меньше, а по щекам больше, сползают как снег с крыши или как?!

Залысины у него были, сколько помнил себя Васька, а вот темечко редело с каждым годом. С бородой отец больше нравился не только сыну, но и теще, но упорно сбрасывал её опасной бритвой, которую долго правил на широком ремне, том самом, которым порой грозил выдрать сына. После бритья он становился с виду лощёным, как чистая тетрадь с потасканной обложкой, со смешным помятым лицом и нелепыми губами.

— Помолодел? — со смехом спрашивал тещу.

— Куды там?! — ворчала старуха с недовольным видом и гремела кастрюлями: — Извел мужицку красу, что городской ханурик. Ишшо галстук нацепи!

Отец добродушно посмеивался, он знал, что тещу раздражает не борода, а то, что он после бани примет на грудь две-три стопки и пропадёт на пару дней. Однажды, побрившись после таёжного промысла, он долго рассматривал себя в зеркало, потом намылил темечко и сбрил редкий волос между залысинами и плешинной.

— Хороша лысина мне, однако, к лицу, — сказал без смеха, выпил поллитровку, хорошо закусил и остался дома.

— Ну, прям, управляющий! — посмеивалась теща.

В десятом классе, весной, выпускники сельской школы вдруг восчувствовали привязанность друг к другу и даже к учителям. Наступило перемирие и в отношениях Халбанура с Халдой. После выпускного экзамена, пьянея от распахнувшегося перед ними будущего, одни упились вином и самогоном, другие бродили по окoliце, не зная как отметить знаменательный день. Ни Васька, ни Зинка тяги к спиртному не имели. Как-то само собой получилось, что они остались вдвоём у речки. Вода уже чуть припахивала тиной, пробовали голоса лягушки, ночь была тёмной, безлунной и тёплой. Выпускники решили испускаться для прикола.

Искупавшись, замёрзли, прижались друг к другу мокрые и обнаженные, начали дурачиться. Ни с того, ни с сего нахлынула юношеская страсть, они быстро как кролики совокупились, затем, отдышавшись и оглядевшись по сторонам, забрались на Васькин сеновал, где он ночевал каждое лето, и там уже основательно кувыркались до самого рассвета. Так и отметили окончание школы.

С виду, ни она, ни он не придали этому значения, тут же будто и забыли о страстной ночи. Но при утренних встречах она, по пути на скотник, уже не кричала вместо приветствия: Халбанур, а он, выгоняя скот на выпасы, не обзывал её Халдой. Хотя Зинка, как и прежде, язвительно шурилась и фыркала, он всё так же улыбался.

Осенью его провожали в армию. «Армия — так армия!» — думал Васька, ничуть не печалась и особо не радуясь, в меру пьян и весел, он прощался с селом на два года. Зинка же на прощанье объявила ему с таким видом, будто схватила за руку в своём кармане: «Я — беременна!»

— От кого? — простодушно спросил Васька, поскольку она всё лето тусовалась с другими парнями, и вместо ответа получил сладострастную пощечину.

«Беременна — так беременна!» — подумал, рассмеялся и на прощание затащил её на свой сеновал.

Служба ему не понравилась с первых дней: многолюдная казарма, грубое хамство старших чинов, холуйское высокомерие старослужащих, но он терпел, и обычная улыбка не сходила с его лица. Если в деревне за эту улыбку его считали придурочным, то на службе, благодаря ей, он числился бравым солдатом.

На двадцать шестой неделе, как раз перед самым окончанием учебки, его вызвал комбат, шурясь от дымящей папиросы в уголке рта, окинул солдата испытующим пристальным взглядом от шапки до начищенных сапог, перекинул папиросу в другой угол губ, затем раздавил окурок в пепельнице и, кашлянув, спросил:

— Жениться будешь?

— На ком? — удивился Васька.

— Как это на ком? — вспылил комбат. — Забрюхатил доярку, она ваш военкомат и нашего полковника задолбала, а тот меня: будто без печати на заднице родить не может. В общем, обстановка такая: даю десять суток отпуска и дорога туда-сюда, вернешься без печати на залупе — посажу на десять суток с прицепом! Ясно?

— Так точно! — Вытянулся в струнку Васька, с уставной улыбкой на ширину приклада, до конца ещё не понимая, что вскоре может оказаться дома и больше чем на полмесяца скоротать срок до дембеля.

— Тогда собирайся! — И едва Васька развернулся носом к двери, спросил в спину:

— Знаешь хоть кого настрогал?

— Никак нет! — Всем телом развернулся Васька. С Зинкой он не переписывался, а что перед призывом она прошипела про беременность, всерьёз не принял: Халда она и есть Халда.

— Дочку! Бракодел!

«Да хоть лягушку!» — подумал он, будто на крыльях влетая в опостылевшую казарму, за отпуск до полугода службы готов расписаться с любой ведьмой, не то, что с Зинкой Халдой, поскольку жизнь после дембеля представлялась ему сплошным счастьем, и казалось, никакая печать омрачить её не может.

Кончался март, в ясные деньки весеннее солнце к полудню развезло лужи. В балахонящей сарафаном шинели, Васька вышел из автобуса и с удовольствием

зашлепал по грязи начищенными кирзачами. Воскресный день, тишина, запах тающего навоза и силоса волновал грудь, каждая новая штaketина умиляла, будто не был дома много лет.

— Халбанур! — заорал одноклассник Фёдка-тракторист, получивший отсрочку из-за сломанной ноги.

Нос крючком, чуб торчком! Его жёсткие, густые волосы шаром окружали голову, как иглы ёжика. Они не поддавались насилью расчёски, и Фёдка с малолетства стригся наголо, потом быстро обрастал, недели через две у него опять появлялся приличный шар волос. В синей майке, трикотажных штанах и опорках дружок выскочил из подворотни как черт из табакерки, схватил Ваську за рукав шинели и потянул в дом. Здесь по случаю воскресенья только позавтракали, мать домывала посуду. Она ругнулась, когда Фёдка вытащил из-под стола банку, но взглянула на улыбавшегося Ваську и смирилась. Он выпил стакан сладкой, не добродившей браги, крикнул и потянулся к шинели.

— А по второй? За родителей! — Фёдка кивнул на мать, выставившую на стол закуску из квашеной капусты с брусникой.

— Выслужил отпуск, или Зинка выпросила? — настороженно спросила она, сама присаживаясь за стол.

— Халда! — весело тряхнул головой Васька.

— Думаешь, от тебя родила? — вкрадчиво насупив крылья острого носа, спросил Фёдка и смущенно отвёл глаза.

— Да хоть бы и не от меня! — Бесшабашно тряхнул стриженной головой солдат. — Знаешь, что такое отпуск на двадцать седьмой неделе, на сто восемьдесят пятом дне?.. Это песня!

— И что? Там так плохо?

— Жить можно! Не голодаем, не перерабатываем, но скука и тоска, хоть вой. С подъема до отбоя, день, что год. По минутам считаешь, когда кончится. День прошёл и хрен с ним! А тут, вдруг, — распахнул руки.

— А всё же, не с тобой одним гуляла, сучка бесстыжая, — хозяйка с укором взглянула на сына, тот смутился, посмурнел, резко вскинул непомерно большую голову от торчавших волос:

— А по второй! — напомнил, наполняя стаканы. — За родителей!

— Нет! К отцу! Как он? Вышел из тайги?

— Вчера видела в магазине!

— Ну, по половинке! — опять напомнил Фёдка.

Мать ругнула сына:

— Что пристал к человеку? За родителей выпьет с отцом.

Улыбаясь во всю ширь рта, Васька шел по улице на свой край села. Из домов выбегали земляки, трезвые, похмельные, зазывали, но он упорно шагал к отцу и бабушке. Увеличивалась толпа знакомых, идущих следом. Васька радостно ввалился в родной дом, втянул в себя его особый дух, обнял отца, с бородой и гладкой лысиной, расцеловал прослезившуюся старушку, скинул шинель и сел за родной, чисто выскобленный стол без скатерти. Толпа знакомых расселась, кто на чём, приглушённо загалдела в предвкушении праздника. Отец достал ветхозаветную четверть с самогоном, стаканов на всех не хватило. Гости недоуменно засуетились, собираясь к соседям за посудой. И тут в дом вломилась Зинка Халда.

— Я что, для вас ему отпуск выбивала? — закричала с порога. Схватила с вешалки солдатскую шапку и нахлобучила Ваське на голову. Требование Зинки

показалось ему справедливым, он послушно сунул руку в рукав шинели и на миг замер с удивленным лицом.

— Сегодня же воскресенье?!

— Ничего, распишут! За то им деньги платят!

Васька оделся, Зинка подхватила его под руку и поволокла в сельсовет. Толпа гуляк, надеющихся на широкий свадебный разгул, шумно шла следом и всё прибывала. В сельсовете Халбанура с Халдой встретили с неожиданными почестями: новая секретарша из их одноклассниц в суконном пальтишке, накинутом на плечи поверх платья, и сам председатель в теплых сапогах и бостоновом костюме со сбитым набок узлом галстука. По случаю воскресенья печку в сельсовете не топили.

Секретарша взглянула на бывшего одноклассника с печалью и сочувствием, взяла его военный билет, полистала и с недоумением протянула председателю:

— Графа «семейное положение» имеется, а подпись и печать ставить некуда.

Председатель, судя по виду, уже опохмелился после вчерашней баньки, был весел и говорлив:

— Шлёпни ему на лоб, чтобы издали видели! А надпись «холост» зачеркни.

— Э-э-э! — озадаченно помялся Васька. — Комбат приказал без печати не возвращаться. Пригрозил губой на десять суток с довеском за дорогу.

— И куда же её ставить? Уж он-то должен знать про военный билет.

— Приказал на залупу! — ничуть не смутившись, ответил Васька с обычной улыбкой.

— Поставим! — хохотнул председатель. — И справку с печатью дадим.

Молодые расписались в журнале, терпеливо выслушали поздравления. Толпа, набившаяся в сельсовет, восторженно завывала «Горько!» Зинка припечатала Ваське звучный поцелуй прямо в губы с таким видом, будто бросила: «А подавитесь!» Васька окинул собравшихся селян рассеянным взглядом, не увидел среди них отца и бабушку, подумал, что долг за отпуск он погасил, и на том всё кончится. Но Зинка крепче подхватила его под локоть и поволокла к своему дому. На крыльце она обернулась к толпе, роптавшей что-то про свадьбу:

— Приходите в четверг! А нынче отец должен увидеть дочку.

— После дождичка, что ли? — разочарованно выкрикнул кто-то.

— Вот именно, после дождичка! — невозмутимо ответила Зинка и захлопнула дверь избы.

— Дождешься от Халды праздника! — послышалось из-за порога.

Васька равнодушно подержал на руках сверток с младенцем, удивлённо пучившим глаза и губы на новоявленного отца, ничего не почувствовал, ничего знакомого от своей родни не увидел, разве Зинкин носик. Её мать, баба прижимистая, злорадно поглядывала в окно на редеющую толпу и накрывала на стол. Васька, все так же глупо улыбаясь, выпил за здоровье молодых уже третью с утра стопку, и как во сне перенёсся на скрипучую Зинкину панцирную кровать, сквозь сон он слышал, как тёща стучала в запёртую дверь, корила дочь за прежние грехи и упреждала новой беременностью. Зинка отгрызалась, младенец то и дело попискивал, она вскакивала и баюкала его. Узкая кровать скрипела сеткой, было тесно, душно, и Ваське всё казалось, что он в казарме и видит балдѣжный сон.

Привыкший рано вставать, он очнулся перед рассветом, поворочался, сел и стал одеваться.

— Куда? — Спросила Зинка из-под одеяла сонным голосом.

— Отца с бабкой повидать! Это на службе — день прошёл и хрен с ним, а тут отпуск, — радостно потянулся до хруста в костях.

— Тогда уходи совсем! — равнодушно пробурчала Зинка в подушку. Ночью она намучилась с ребенком и хотела спать. — Даже не поводелся с дочкой!

Васька встал, отпер дверь из горницы. Тёща ещё спала. Он оделся и вышел на крыльцо. В лицо снова пахнул родной дух села, привычный лай собак, позвякивание ведер, взрёвы коров. Было время утреней дойки. Шаркая по подмёрзшей земле валенками в калошах, мимо калитки проходил старый учитель. Васька поздоровался.

— Будь здоров, солдат! Что, уже развод?

— Ага! — счастливо улыбаясь, ответил Васька.

— Дай-то Бог! — непонятно к чему проурчал учитель и направился к школе.

Дома не спали. Отец вытаскивал из подполья картошку, бабушка перебирала её.

— Сбежал? — спросил, высунув из-под пола голову с выбритым уже и помятым лицом. — Вот и ладно! Помоги бабке, у неё спина болит... Прорастат зараза! — Звякнул дужкой ведра. — Едоков-то только двое. И куды её? Разве Зинке отдать? Говорят, родила, вдруг и от тебя?!

— Можно и Зинке, — согласился Васька. — У Халды не пропадёт! А родила вдруг и от меня. Было дело! Что гадать?! До дембеля далеко, а отпуск вот он!

— У этих ничего не пропадает, — проворчала бабушка. — Не продадут, так свиньям скормят. — Она, как и отец, ни словом, ни взглядом не осудила непутёвую Васькину женитьбу, но и участвовать в ней не пожелала.

Зинка не звала, Васька встреч не искал, гулял с друзьями. Незаметно пролетел отпуск. Прощаясь, всплакнула бабушка:

— Больше тебя не увижу!

— Поскрипи уж полтора-то года! Как без тебя? — Внук беззаботно обнял старушку, расцеловал в морщинистые щёки, потом отца, хлопнул дверью, затем калиткой, остановился против Зинкиного дома, крикнул, чтобы попрощаться. На крыльцо вышла её мать, обёрнутая теплым платком, замахала руками:

— Ночь не спали, орала девка. Иди, не буди!

Васька сбил шапку на ухо, с обыденной улыбкой махнул рукой и зашагал через всё село к остановке автобуса.

Письмо от Зинки он получил через год, когда был в большой печали после телеграммы о смерти бабушки. Торопливо прочитал коротенькую записку о том, что Зинка встретила хорошего парня, не чета пастуху, грамотного агронома, и собирается за него замуж.

— Баба с возу — кобыле легче! — пробормотал и равнодушно бросил смятое письмо в урну.

День пришёл, и он вернулся домой уже бравым солдатом с ладно подогнанным мундиром и двумя лычками на погонах. Отец сильней поседел, дом без бабушки переменялся: занавески на окнах были грязными, стол почерневшим, нестиранное постельное бельё лежало кучей в сених. В западном углу по-прежнему чернело ухо старинного репродуктора, в восточном — на восходе солнца поблескивала бабушкина иконка Богородицы.

Три дня Васька погулял, получил новый паспорт и попросил секретаршу не пачкать его печатью о браке. Но к этому времени агроном Зинку бросил, и разводиться она раздумала. На танцах в клубе Васька закадрил школярку, пошел проводить, но, как собака из подворотни, выскочила Зинка, разоралась непонятно о чём, девчонка застыдилась и убежала. Халбанур с Халдой обыденно поругались и тут же, как собаки, совокупились под забором. Ночевал он у неё.

Утром Зинка ушла на работу. Полутороговая девочка бегала по дому, забавно лопотала, лезла на колени, называла себя Тагой — Таней. Васька забавлялся с ней чуть не до полудня с томительной занозой под сердцем, чувствуя, как привязывается к ребенку. Ушел он, пообещав вернуться, и по пути домой на последние дембельские деньги купил в сельпо куклу.

Отдых кончился, началась вольная жизнь. Утром он явился в контору в солдатском бушлате, устроился на работу и в тот же день, получив бэушные телогрейку с кирзовыми сапогами, с неизменной улыбкой, принялся чистить телятник, кидать корма на транспортёр, при этом весело балагурил с молодыми телятницами, вечерашними школьницами. Все его знали, и он знал всех. Вполне счастливый прожитым днём, в заляпаных кирзачах, в телогрейке и солдатской шапке, с куклой за пазухой, он отправился к Зинке, а точней к дочке. Про Зинку за весь день ни разу не вспомнил, а девочка всё время стояла перед глазами и грела душу.

Она побежала к нему, едва он вошёл в дом, краем глаза заметил, как неприязненно поджала губы Зинка и усмехнулась тёща. Васька присел, подал куклу, девочка обрадовалась, что-то залопотала, обнимая ручонками подарок, потом вместе с куклой прильнула к Ваське.

— Так же на агронома вешалась! — язвительно пробурчала Зинка.

— Вся в тебя! — в тон ей проворчала мать. — Что, зятёк?! Садись за стол, что ли?!

— Ещё чего! Булки хлеба не купил, с куклой припёрся. Полтора года никакой помощи на ребёнка, а тут сразу за стол?! — Как ни старалась Зинка, бесившаяся непонятно отчего, но не смогла пронять Ваську. Улыбка, с которой он любовался девочкой, ничуть не покривилась на его лице.

— Отпусти со мной! Отцу покажу... Пусть поживёт с нами?! — Кивнул на ребёнка. — Отдохнёшь, коли умучилась.

— Вот ещё?! — Дёрнулась Зинка. — Шляться по чужим.

— Тогда разреши погулять. Зачем нам слушать твою злобу?! Правда? — спросил дочку.

— Плавда, плавда, — залепетала она.

— Ага! Хвастать, какой ты хороший отец, да собирать по селу сплетни.

Нужно-то было только перенести через улицу, даже одевать не надо, унёс бы за пазухой. А надо вернуть — только крикни с крыльца. Но если Халда упрётся — не уговорить. Это Васька знал хорошо, поэтому спорить и просить не стал, не удивлялся и тому, что вчера расстались ладком, а сегодня пришёл не милком. Покачал на руках дочку, осторожно опустил на пол, с солдатской удалью нахлобучил шапку и, не прощаясь, ушёл. На другой день, в конторе, он написал заявление, чтобы вычисляли из зарплаты алименты.

Васькин отец после смерти жены в другой раз уже не женился, даже в дом женщин не приводил, хотя частенько таскал на сеновал холостячек и брошенок. Компаний он не любил, попивал умеренно и чаще один, а деньги у него водились такие, что полдеревни ходило в должниках, и, как водится, ненавидели пастуха, хотя он силой долгов не выбивал, но, не получив возврата займа, второй раз в долг не давал ни за какие слёзы и мольбы.

Прежде его домом правила тёща, Васькина бабушка, с которой отец уживался как с родной матерью. После её смерти сельская пьянь попыталась устроить в доме блатхату, но Иван быстро всех отвадил, хотя новой женщины так и не привёл. Между тем дом всё больше превращался в мужицкое общежитие, несмотря

на то, что привыкший к казарменному порядку сын каждый вечер мыл пол и посуду.

Отец порой вздыхал, оглядывая своё жильё, советовал сыну:

— Женился бы на доброй девке и зажили бы, как при бабке. Да вот ведь, судьбу на хромой козе не объедешь: у меня жизни не было, и тебе так же.

— А сам-то чего не женишься?

— Переспать с бабой — одно, семью сделать — друго: сам видишь по Зинке. Это может только баба, да и то не всяка, а мужику не дано.

Телевизора они не имели не из-за недостатка денег, а по ненадобности. Когда-то, в Васькином детстве, он был. Но бабушка и отец, привычные к крестьянской жизни, ложились спать, когда в других домах ещё только включали телевизоры, а поднимались затемно, когда телевизор уже не работал. При этом, обычно, они даже не включали районный брехунок. Васька с малолетства привык к такому порядку. Вставал тоже рано и делал уроки. Так что телевизор по большей части вечерами был выключен, а потом сломался, и его вынесли в чулан, а другой уже не покупали. Васька служил радиометристом, мог бы и наладить его, но не хотел менять привычки.

Зато, сколько помнил себя, в дальнем углу висел чёрный картонный раструб районного брехунка. В раннем детстве он вызывал у малолетки непомерное любопытство: Ваське казалось, что за чёрной мембраной живут, поют, разговаривают маленькие люди. Каково же было его разочарование, когда, забравшись на стол и табуретку, он увидел две подковки магнитов и несколько проводков. В те годы соседи посмеивались над старинным ретранслятором, потом школьный музей предлагал поменять его на блестящий кирпич с круглыми ручками настройки, но отец, тёмная душа, не дал.

Теперь брехунок молчал, оставаясь висеть в углу и вызывая восхищённое удивление случайных гостей. В противоположном углу поблёскивала бабушкина иконка, но без чистого полотенца, которым была обвешана при хозяйке. Вечерами отец с сыном чинили седла и упряжь, готовились к лету. Отец сдал пушнину, добытую зимой, и теперь ловил волков возле совхозных корпусов и скотников. Награда за шкуру зверя равнялась хорошему заработку механизатора. В селе поговаривали о дурных деньгах на его сберкнижке. Наверное, и Зинка бесилась от того, что Васька не просил у отца денег на содержание дочки, а припёрся с дешёвой куклой. И жители села, бывало, скандалили: то ли из зависти к приработку пастуха, то ли из сострадания к собакам, иногда попадавшим в петли и кружала, хотя Иван не ставил капканов возле жилья, не калечил бездомных и отпущенных псов. Он мог бы одеть сына первым парнем, и дать денег на расходы, но Васька считал себя слишком взрослым, чтобы куражиться за отцовский счёт. И вот они снова жили вместе, ждали лета, выпасов, Иван наставлял сына на тонкости пастушества и промысла.

— Хоть зовут меня Оборотнем и наговаривают всяко разное, что одних волков обдираю, других не даю зорить, а мои волки мне скот караулят. У них порядок, не то, что у нас — соседа не тронь. Разве голод совсем подопрёт... В нынешнем законе писано, что волка во всём Союзе должно убивать всеми средствами в любое время года. Во как! Прямо как про нас, русских мужиков: всем поперёк горла. Два логова знаю близь выпасов, не зрю, хоть нынче за волчонка платят как за матерого. И ты не тронь.

— На кой мне? Пусть живут, если не вредят.

Зинку Васька видел каждый день то на работе, то возле дома, в гости не напрашивался, но как-то она окликнула его со своего двора:

— Поколел бы дровишек, Халбанур?

Дровишек Васька наколел. В тот же вечер Зинка, придетая как на праздник, принесла ему дочку.

— Мать болеет, мне надо в клуб. Посиди!

Посидел. Зинка не вернулась к ночи, положил девчущку спать. Не пришла она за ребёнком и утром. Васька ушёл на работу, оставив дочку с отцом. Встретились они с Зинкой в корпусе, и он почувствовал, как её трясёт нутряная дрожь от желания, чтобы он спросил, почему не забирает дочь. Но дембель, с обычной улыбкой в ширину приклада, спрашивать ни о чём не стал, и Зинка разоралась на молодых телятниц.

Васька получил первую зарплату, после работы задержался. Выпивать с друзьями не стал, зашёл в сельпо, купил отцу сапоги, дочке платице, себе рубаху. Когда вернулся домой — Татки не было. Отец сказал, забрала старая. Ну и ладно! Васька приоделся в дембельскую форму, пропал до утра, а к полудню привёл в дом соседскую доярку Машу. Их огороды примыкали один к одному. Женщина была заметно старше Васьки и сильно этого смущалась. Тихая, добрая, даже робкая, она считала себя некрасивой и потому справедливо брошенной с ребёнком. Отец сразу показал, что выбор сына ему по душе, назвав соседку дочкой. Один на один шепнул:

— С этой будет семья и дом не хуже, чем с твоей бабкой.

Наверное, они и правда могли бы неплохо ужиться, если бы не Зинка.

Халда ворвалась в дом, едва увидела в нём женщину, подняла такой крик, что та, опустив глаза, покраснела, затем оделась и молча ушла. Зинка же не пускала Ваську догнать, цеплялась за рукав кителя, орала поносные глупости, пока смущенная доярка не скрылась в своём доме и не заперла дверь. Он вырвался, стучал, но, сколько ни шутил через дверь, ни балагурил, ни высмеивал Халду, соседка его к себе не пустила, смущённо отказывая во встречах.

— От своего натерпелась, не хочу такой жизни.

В апреле зазеленела трава, полезла крапива у заборов, по улице забродили свиньи и куры, выискивая, чем поживиться, подошла пора выгонять стада на выпасы. Васька с нетерпением ждал этого времени. Ему нравилось вставать до рассвета вместе с доярками, седлать коня. И опять вместо завтрака он выпивал на ферме два литра парного молока, выгонял повеселевших телок за село. Следом гнал выдоенных коров отец. Выходило солнце, стада рассыпались по полю, Васька издали видел отца, улыбаясь восходу, вытягивался на крупе лошадки додремать недоспанное в короткой ночи. Всех-то дел не допустить до телок отцовского племенного быка, не дать им уйти в тайгу. А там подоспел май, прогрелась земля. Едва поднималось солнце, Васька ослаблял подпругу, вынимал клацавшие по зубам удила из конского рта, наматывал на руку конец уздечки, бросал на траву телогрейку и досыпал.

Май — выпасы вперемешку с огородами. На подсобное хозяйство у пастухов времени не было, они посадили только картошку. Зинка же с матерью разбили у себя грядки и сажали зелень. Пригнав скот и возвращаясь верхом, Васька видел их задранные задницы, почему-то всегда повернутые к его дому, смеялся и подначивал обоих. Зато Татка ждала его каждый день, выходила за ворота встречать. Занятые женщины уже не препятствовали этому. Вскоре Зинка схлестнулась с залёт-

ным сварщиком и успокоилась, а Васька высмотрел другую доярку. Они учились вместе до восьмого класса. Она и тогда была бойкой девкой, хлебнув взрослой жизни, прогнала мужа-пьяницу и огрубела. Но Ваську это ничуть не смущало, а отец был рад любой хозяйке, лишь бы непьющая и работающая.

Эта доярка ленью не маялась: перестирала, перегладила всё белье, выскребла из дома грязь, хотела выкинуть допотопное радио, но отец с сыном в один голос отстояли его. Пастухи снова стали спать на проглаженных простынях, а на окнах появились занавески. Вскоре Зинка прогнала своего сварщика за какие-то грехи, попробовала орать на новую Васькину жену при людях. Та уперла руки в бока и дала ей такой отпор бранью, что отбила всякую охоту к ссорам.

Отец был доволен хозяйственной снохой, но слышал, как по вечерам она в горенке стрекотала, что бензопила, догадывался, что это не ласковое воркование, но не мог понять растущего раздражения женщины. Васька, хоть и улыбался как прежде, но перестал шутить и хвалить новую жену, как это было в первые дни их жизни. Вскоре старому пастуху удалось подслушать бранные речи.

— Ты что, и вправду дурак со средним образованием? Все село знает, что это Федькина дочка, а ты платишь алименты.

— Не обеднею! — сонно хмыкал Васька, стараясь перевести разговор в шутку.

Но жена только пуще заводилась от его непробиваемой тупости.

— На развод для начала подай! А то я как ... сплю с чужим мужем.

— Хотел! Не даёт развода! — зевая, бурчал Васька, явно засыпающий.

— Да я ей матку выверну! — в голос визгнула полюбовная доярка. — Потом Федьку прижмём, пусть признаёт родную дочь и платит, коли не хочет жить с Зинкой.

— Федька — друг!

— И как от такого дурака детей рожать?

— Не рожай! У меня есть дочка. — Васька, завернувшись в одеяло, пошёл на сеновал. Злющая бабенка в одной сорочке прощмыгнула следом за ним мимо Волчатника.

А окна уже залепила полночь, на рассвете надо вставать. Не нравились Ваське такие вечера: уйдёт на сеновал, следом за ним прётся новая жёнушка на испытательном сроке и все бухтит, бухтит, добиваясь своего.

Не договорились! И она ушла: хорошая хозяйка, но злющая бабенка. За работы по дому прихватила половину белья, припасённого, светлой памяти, тещей и бабушкой.

— И что же это наш народишко так озлился? — вздыхал Волчатник.

Зинка на работе попробовала язвить по поводу недолгой семейной жизни. До бабьей драки дело не дошло. Доярка только облаяла её, обзвав сельской потаскухой, и посоветовала:

— Забери своего дурака! Мне такой без надобности.

Вскоре опять схлестнулись два одиночества, две тоски, Васька жил с отцом, но время от времени оставался на ночь у Зинки, может быть не столько для себя, сколько для радости дочки. А жизнь менялась. Совхоз объявили убыточным, прежнего, старого директора выжили. Он загрузил пожитки в «зиллок» и уехал с семьёй в город. Новый директор, присланный райкомом, прибыл на должность с двумя чемоданами, через год уехал на двух машинах. Красть стали почти открыто, но в соответствии с должностью. Новый директор — машинами, бухгалтер, зоотехник — мешками, вёдрами — не только ссыльные тунеядцы и условно освобождённые

уголовники, но и старожилы. Зинка работала уже бригадиром в корпусе, в некотором смысле была Васькиным начальником. Телятницы говорили, воровала, но это были только их догадки и слухи, с поличным её не ловили.

На собраниях конторские сидельцы всё чаще заводили туманные речи и намекали, что совхоз будет оставаться убыточным, пока зависит от распоряжений райкома и обкома. Делёжка, слухи, перемены, всё это обходило стороной дом пастухов и ничуть не портило их жизни, пока однажды, испуганный непомерно растущими ценами, отец не поехал в сберкассу, чтобы снять деньги с книжки, и, чертыхаясь, вернулся ни с чем.

— От ить жинзя, мать ейну еть! — ругаясь, выставил на стол бутылку. — Деду большевики обещали землю без налога — ограбили дочиста. Мать понуждали покупать облигации, хоть мы голодали — даже не погасили, меня обобрали и тебя ограбят... Похоже, власть ненавидит нас как волков, и всяки начальники так же. Мы у них без закона: в любое время, любой хитростью, стреляй, трави, лови, изничтожай, не осудят, тока порадуются...

Попьянствовав на дому вдвоём, поругав власть, пастухи снова вышли на работу.

Перестройка, о которой восторженно лопотали дикторы радио, входила в силу. Васькина или не Васькина, дочь росла, была привязана к отцу и деду, они её любили и баловали подарками. Всё бы, наверное, так для них и продолжалось, пока однажды в Васькином стаде не пропала тёлка.

Когда Зинка на счётке сказала ему об этом, он не поверил, выгнал своё стадо из корпуса и заставил пересчитать. Точно, одной тёлки не было. Он даже вспомнил её — пеструшку. Зинка при телятницах как-то странно стала орать: громко, но с покаянными глазами, что Васька запускал стадо в тайгу и допопускался — волки задрали!

— Какие волки? — неуверенно рассмеялся он, обошёл корпус и загоны. В то утро, принимая стадо, он не пересчитывал тёлку, доверяя телятницам и бригадирше. Но пеструшки не было. Куда могла деться?

Скот в селе приворовывали и совхозный и частный, но не заметить этого на выпасе Васька не мог. Поговорил с отцом, тот озадаченно почесал лысину: вора отогнать незаметно в чистом поле со стороны тайги никак невозможно, оба пастуха по большей части здесь и находились. Если со стороны села — кто-нибудь из жителей всё равно бы увидел. Приближение чужих волков вызвало бы переполох в стадах. Разве какой из своих, оголодав, тихим сапом отогнал и нарушил волчий закон.

На другой день Васька объездил и обошёл таёжную окраину выпасов, никаких следов пропажи не было, и он подумал на своих волков, ушлых, хорошо знающих местность, повадки пастухов и тёлку. Сказал об этом отцу, тот посопел носом, пожал плечами, падежа зимой на подкормку волкам почти не было, если по случаю, согрешили свои, то могут и расповадиться. Почесав лысину, отец сказал сыну, где поставить капканы и петли. Заготконтора волчьих шкур уже не принимала, вознаграждения не выплачивала, возмещение ущерба, прибыли от убийства не предполагалось, только слепая месть и предупреждение, чтобы кражи не повторялись.

Васька осерчал, что с ним редко случалось: за тёлку надо было отдать всю нынешнюю зарплату, а из следующей — половину Зинке за алименты. Он даже предполагал вора: здорового кобеля, которого не раз видел в бинокль. По неохотной подсказке отца он поставил петли и капканы на волчьем переходе. Добыча не

заставила себя ждать. С отцовским дробовиком Васька подошёл к обставленному месту и ещё издали увидел, что кустарник изломан и погрызен. Волк, попавший лапой в петлю, лежал на боку, не двигался, пристально глядя в глаза пастуху, угрожающе показал ему клыки. Едва Васька приблизился, зверь, не поднимаясь, не сводя глаз с человека, вонзил клыки в лапу выше петли. Брызнула кровь. Васька вскинул ружьё, с состраданием, жалостью и брезгливостью выстрелил.

Звук выстрела он не слышал, только почувствовал сильный толчок приклада в плечо. Свет померк в глазах, будто заряд хлестнул по голове. Он выронил дробовик и опустился на землю, ощутив колючую траву под ладонями. Затем в глазах кое-как прояснилось, но всё как-то по-другому: и деревья, и погрызенный кустарник, и убитый волк. Ваське показалось, что он попал в какой-то иной, опасный, настороженный мир, и ощутил себя не Халбануром, а кем-то другим: осторожным, недоверчивым, мнительным.

«Разорвало ружьё, что ли?» — подумал с недоумением. Но ружьё было целым и едко пахло селитрой. Убитый волк лежал на боку. Васька поднялся, безбоязненно подошёл к нему, с удивлением увидел, что у убитого нет двух лап: передней и задней. Вместо них култышки, а из передней, перехваченной стальным тросиком, капала кровь.

Васька наклонился, вынул из кармана кусачки, освободил убитого от петли, накинул на плечо ремень дробовика и с нехорошим чувством, будто побил калёку, с тяжестью под сердцем, зашагал к выпасам. Беззаботно пасся скот, хрумкала травой осёдланная кобылка, и вдруг шарахнулась от него, захрапела, будто почуяла рядом зверя. Васька протянул отцу ружьё, поведение лошадей того ничуть не озадачило: сын принёс из тайги волчий запах. Но отец с удивлением всматривался в его глаза:

— Ты чо? Человека мочканул, или чо?

Васька мотнул головой:

— Волка! Но чудного: двух лап нет, култышки.

— Так это Лисапед! — принуждённо хохотнул отец, глядя на сына всё так же пристально, как волк перед выстрелом. — Прошлой весной попал в петли возле фермы, передней левой и задней правой. Отгрыз обе. Думал, помрёт, истечёт кровью, а зимой видел его след. Выжил, урка, и сородичи не сожрали! Гляжу по следу, бегат как лисапед на двух лапах. Надо остановиться, поесть — брык на бок. Потом вскочит на две и опять чешет. Зайцев ловил, мышковал, а возле села его следов не видел. Поумнел, падла! Калеке жизнь в тягость, не переживай, считай, помог кончить с постылой судьбой.

— Не считается! — коротко и зло огрызнулся Васька. Прежняя беззаботная лубочная улыбка будто стёрлась с его лица.

— Вернёмся, водки выпей! Отпустит! — с пониманием посочувствовал отец. — Ты всегда был слаб на убой.

Шарахнулась от него и Зинка, когда он загонял стадо в корпус.

— Ты чего? — пролепетала с испугом.

— Чего? — мимолётно спросил Васька, не ожидая ответа, но, похоже, ещё больше напугал свою до сих пор не разведённую. И она ещё долго стояла, разинув рот и глядя ему в спину, потом, не дождавшись конца счётки, быстрыми шагами запыхала по дороге к дому. Васька отвязал свою кобылку, прядавшую ушами, не терпеливо ждущую водопоя. Она уже привыкла к новому запаху прежнего ездока. К Ваське подошла доярка Маша, та самая, тихая соседка, не выдержавшая брани

и первого Зинкиного напора. Глядя на него добрыми глазами телушки, посочувствовала, думая, что внешние перемены несостоявшегося муженька из-за переживаний о пропаже:

— Мучаешься из-за тёлки?.. Не скажу от кого из молодых телятниц, но слышала, что Зинка тайком увела её к себе. Правда ли, врут ли, того не знаю?!

Васька молча и хмуро кивнул, вскочил в седло, пустил кобылку рысью к дому, спешил возле Зинкиной калитки, напрямик пошёл в её сарай. С крыльца что-то возмущённо кричала тёща, Зинка выскочила из коровника, загородив собой дверь. Он грубо оттолкнул её и увидел пропавшую пеструшку. Тёлка задрала мокрую морду над ведром с пойлом и шумно выдохнула. Зинка повисла было на Васькином плече. Не оборачиваясь, с волчьим оскалом на губах, он стиснул её горло и прижал к стене. Она придушенно заверещала:

— С тебя высчитают по весу, а я продам втрое. Покупатель есть! Вычет твой возмещу, алименты не потребую...

Он, всё так же молча, вышел, вскочил на кобылу и зарысил в контору. Новый директор равнодушно выслушал его, ничуть не удивился, только, скривив губы в брезгливой усмешке, придвинул на край стола бумагу и авторучку:

— Пиши!

Васька написал. Зинка в тот же вечер увела пеструшку в корпус. Все всё понимали, но дело замяли: попробуй, докажи, что животное была скрыта в её коровнике. Зинка перестала отпускать дочку к пастухам и проходила мимо Васьки, рассерженно задрав голову, издали бросая на него злые, испепеляющие взгляды. Вскоре она рассчиталась и уехала в город с дочкой и матерью. Через несколько дней её дом занял городской дачник. Как оказалось, дом был продан ещё до кражи тёлки.

— От шалава! — ворчал отец. — Всё наперед продумала. Ты печать про развод поставь. А то забрюхатит какой-нибудь ханурик, и будешь платить за второго.

Васька не был против оформления развода, только сделать это стало непросто: сельсовет уже не расписывал и не разводил, говорили, надо ехать в город. А когда? И неохота! К его новому лицу соседи стали привыкать, но как звали Халбануром, так и продолжали звать.

Быстро менялись времена, устои, нравы, а с ними понятия справедливости. Конторские сидельцы уже вольно трепались о райкомовском беспределе, понуждавшем сеять то, что не росло, в сроки, совсем не подходящие для урожая. Появились и послабления. На уборку урожая в село, как обычно, прислали трёх шоферов солдат-дембелей. Один с кличкой Север, был постарше своих сослуживцев, не высок, не коренаст, не разговорчив, для солдата даже слишком серьёзен, со спокойными глазами, в которых тлела не показная уверенность в себе и готовность дать отпор. Младшие солдаты попивали от радости и досады задержки на службе, Север, с виду, всегда был трезв. Как-то получалось, что он ни с кем не спорил, и с ним не спорили, но отдавали положенное по договору с воинской частью. Васька сразу заметил его, хотя знакомства не искал. В клубе, на танцах, он с интересом наблюдал за солдатами. Двое, подвыпившие, приставали к девчонкам, Север не танцевал, не знакомился, стоял у стены, снисходительно наблюдая за веселящейся молодёжью, но в глазах его тлела скрытая тоска.

Вскоре пронеслась весть, что ссыльный туняец, второй год живший в селе на лёгкой, мало оплачиваемой работе, перебивавшийся мелкими кражами и картишками, пытался изнасиловать тринадцатилетнюю девчонку, дочь несостоявшейся Васькиной невесты доярки Маши. Девочку спас Север, при этом так жестоко из-

бил насильника, что того без чувств увезли на скорой помощи. В селе говорили, что солдат сделал омет из его мошонки, хвалили стройбатовца, но, до выяснения обстоятельств, участковый его задержал. Двое солдат, по окончании уборки, уехали, третий вынужден был остаться. Селяне его хвалили и поддерживали, Маша благодарила и поила молоком.

И вдруг объявили, что будет выездной показательный суд в клубе. Приехал воронок с милиционерами, при оттопыренных кобурах, привезли насильника. Простодушные крестьяне думали, суд только над ним, бывшие зеки помалкивали. На «Волге» приехали исполненные важности судья, прокурор и адвокат, брезгливо, мельком, окинули взглядами округу и клуб в старой церкви с разобранными куполами. Там собралось всё село. К удивлению сельчан на скамью подсудимых посадили не только насильника, но и Севера. Пришли и пастухи, Иван с Васькой Ивановы. Увидев солдата на скамье подсудимых, Волчатник громко изрёк:

— Пятерик впряг!

— Кому? За что? — в один голос стали удивлённо спрашивать его стоявшие рядом мужики. Васька тоже бросил на отца вопрошающий взгляд. Отец в молодости служил в Хабаровской зоне исполнения наказаний контролёром внутреннего режима и хорошо знал уголовный кодекс.

— Солдатику! Превышение необходимой самообороны и тяжкие телесные... А эта падла, — кивнул на насильника, — на зоне будет расплачиваться ...

Как выяснилось во время суда, Север, стройбатовец Северьянов, был детдомовцем и до службы в Армии успел отбыть срок в заключении. Возмущая сельчан, обвинитель нёс нелепицу о его непомерной жестокости и превышении меры необходимой обороны. Адвокат вяло защищал Севера, никак не пытаясь доказать, что насильник был вооружен, поскольку нож не был найден, и даже оправдывал тунеядца: дескать, из-за нереализованных отцовских чувств, в состоянии опьянения, задрал юбочку и пошлёпал по попке.

— Как похлопал, если всё тело в синяках и кровоподтёках?! — со слезами закричала мать девочки. Но суд её не услышал. Судья равнодушно отклонил протест, поскольку справки об этом не были представлены.

Вызвали пострадавшую, сильно волнуясь, она тихо сказала про нож. Адвокат стал грубо выяснять, может быть, что-то другое блестело в руке обвиняемого? Он утверждает — портсигар. Девочка смутилась, заплакала, больше от неё ничего не добились. Сельчане всё громче роптали, свод бывшей церкви усиливал их голоса. Север спокойно и безучастно наблюдал за судом и на вопрос о ноже кратко подтвердил, что он был, а куда делся после избияния, так же коротко ответил: «Не знаю!» От последнего слова он отказался. Зато насильник страстно каялся и обливался слезами. Каково же было удивление сельчан, когда высокомерный судья, прибывший из города, объявил Северу шесть лет строгого режима, насильнику — три общего. Иван-волчатник скривил губы и раздражённо мотнул головой. «Стоило ли устраивать выездной спектакль, если простой мужик всё знает наперёд?!» — подумал Васька и скрипнул зубами от досады.

Сельчане вскочили с мест, громко загалдели. Милиционеры, прибывшие с судьей, адвокатом и обвинителем, стали кричать и расталкивать народ. Сельский участковый смущённо поддерживал их. Повели осуждённых. Из толпы вырвалась доярка Маша, на виду у всех упала на колени и обхватила руками ноги Севера. Угрюмое лицо стройбатовца на миг посветлело. Милиционеры оттащили бабу в сторону, сельчане повозмущались, поматерились и разошлись. Осуждённых и милиционеров увёз воронок, судей — «Волга».

— И на хрена бы всё это судилище, если ты знал всё наперёд? — угрюмо усмехнулся Васька, глядя на отца.

А деревню добывали, как неперспективную. Скот загрузили в машины и вывезли, то ли на центральную усадьбу, то ли в карман начальству. Всех уволили с пособием и поделили землю по два гектара на семью. Животноводам вместо зарплаты дали коров и тёлочек. Почти вся техника с половиной пашни отошли конторским сидельцам и директору, проработавшему в совхозе без году неделя. Бухгалтер, зоотехник, экономист, землемер — коммунист-пропагандист, драли за него глотки, ругали прежнюю власть, прельщались работой на себя самих, как это было до коммуны, хотя сами поголовно были коммунистами. Сельсовет смущённо помахивал, но кое-что при дележе перепало и ему.

Не у дел оказались молодой агроном с женой, тоже агрономшей. Они приехали в совхоз по распределению, после окончания института, на стареньком, но своём «Москвиче» и с младенцем. Бросать всё и уезжать на вольное устройство специалисты не захотели, наверное, было и некуда, поселились в доме, принадлежавшем совхозу, на краю села, неподалёку от Волчатников. Чтобы как-то отвязаться от них и соблудности закон, молодожёнам отдали в собственность дом с приусадебным участком, примыкавшим к старой, давно заброшенной конюшне, заросшей крапивой в рост человека, со сгнившими остатками прежних строений. Несколько поколений сельских мальчишек играли здесь в войну, несмотря на строгие запреты, жгли костры и не раз пускали пал на деревню. Молодожёны выпросили в собственность и эту никому не нужную территорию.

С опустевшей фермы селяне тащили, кто что мог: бидоны, охладители молока, пригодные для перегона браги, лопаты и вилы. По радио говорили, это называется приватизацией, а она справедливой не бывает. Васька привел во двор кобылу, на которой пас скот, при ней ему достался и жеребёнок, отец приватизировал своего коня с упряжью. На двоих они получили в собственность два гектара ненужной им пашни и сдали её в аренду за четыре мешка овса в год. Какой тут город? Какой развод?

Федька умудрился приватизировать на себя и жену старый колёсный трактор и молодого жеребца. Он женился на самой красивой и стильной бабёнке с тёмным прошлым, высланной из столицы за какие-то грехи. Она работала то учетчицей, то весовщицей, одевалась по-городскому, обтачивала и красила ногти, даже в резиновых сапогах выставляла круглые коленки, смущая сельских мужиков голыми ляжками под непомерно короткой юбочкой, флиртowała со всеми, обнадёживая блудными страстями, чем вызывала ненависть сельских женщин. Когда они начинали на неё орать, грозя расправой, она, презрительно усмехаясь, закуривала дорогую сигарету с фильтром и спрашивала: «На хрена вы замуж выходили, если не можете обеспечить мужей сексом?» На что те ничего не могли ответить и только громче несли всякую непотребщину.

Федька переступил через слухи и домыслы, взял её в законные жёны, хоть к деревенским работам она была не приспособлена. Счастливей от этого он не стал, по виду даже озлился: круче загорбатился его нос, сузились смешливые глаза, истончали сжатые губы, четче обозначились желваки на скулах, разве был теперь всегда аккуратно подстрижен и уже не походил на ежа. Жена его, как прежде, смущала местных и залётных мужиков, а он после смерти матери продал корову и без конца ремонтировал свой трактор. Зато гордился приватизированным жеребцом и в подпитии носился на нём по улицам.

Между тем простой народ всё откровенней нищал, выживая огородами и подсобным хозяйством. Совхозное руководство распродало приватизированное имущество и разбежалось по городам. Сельский совет ещё действовал, что-то распределял и получал зарплату. По селу прокатился слух, что через него должны раздать многодетным семьям гуманитарную помощь от Красного Креста. Что там в этой помощи — строили догадки, пока не подловили землемера с двумя коробками, в которых были консервы, крупы, масло.

Землемер, внук лапотона, присланного в село по Столыпинской реформе, был ненавидим работягами за мелочность и вымогательство при обмере огородов. Его жена работала бухгалтером в Сельсовете, у них был только один сын, и вдруг они получили две коробки помощи разом, и только они?! Многодетные семьи подняли шум, пожаловались в Красный Крест. В Сельсовет позвонили из прокуратуры, и вскоре старое здание загорелось среди ночи. Возгорание произошло так неожиданно, что сторож едва успел выскочить в тлевшей телогрейке.

В селе спорили и строили всякие догадки, но до пастухов эти дрызги доходили, как из другого государства. Они ни от кого не ждали ни помощи, ни пособий, хотя Иван выработал сорокалетний стаж, имел пачку грамот от сельсовета, правления колхоза и дирекции совхоза. Опадал лист с осин и берёз, попахивало стылостью осени, он затосковал по тайге и вскоре принёс домой дорогую, красивую, старинную, но малострелянную двустволку с гравировкой и насечками.

— Зауэр, двадцатка! Поменял на свою старуху шестнадцатого, всего-то за хороший пропой! Теперь всем воля, хоть запейся. Совсем сдурели лапотоны.

Калибр был редкий, удобный, хоть и не медвежий. В придачу к ружью отец взял пачку новеньких гильз. Пастухи выкопали картошку, наблюдая и удивляясь молодым агрономам, работавшим на своём участке от темна до темна. Молодожёны разобрали и попилили на дрова остатки конюшни времён основания колхоза, выкосили крапиву, вскопали землю и что-то посадили в зиму. С их ребёнком водилась Лена, дочь соседки Маши. После попытки насилия и суда она замкнулась, избегала сверстников с их играми, помогала матери по хозяйству и с удовольствием забавлялась с ребёнком, ещё не вставшим на ноги.

В это беспутное, непонятное время Васькиному отцу исполнилось шестьдесят лет. Его радовало, что он может получить пенсию, но от одной мысли, сколько справок надо собрать и кабинетов обойти, настроение у него портилось. С бутылкой в кармане он пошёл по пенсионерам узнать, как хлопочут о пенсии, но вместо них случайно вышел на почтальонку Люсю. Красивая женщина тридцати пяти лет была любима всем селом, знала всех и всё обо всех, но так уж случилось, что дом Ивановых обходила стороной, поскольку писем им никто не писал.

Она закончила восемь классов и ушла работать, когда Васька готовился в первоклашки. Сколько себя помнил, он дурел от её мягкого душевного голоса. Сначала ему хотелось, чтобы у него была такая мать, позже — сестра. Своим чудным голосом Люся успокоила Ивана-волчатника и объяснила, что ничего сложного в оформлении пенсии нет, написала на листочке, какие справки надо собрать и кабинеты обойти, а потом ещё и помогла в этом юному пенсионеру. Получив первый раз деньги за прошлый труд, Иван накупил конфет, печенья, разделив все на два пакета, один вынудил почтальонку Люсю положить в её огромную кирзовую сумку, другой передал внучке.

Васька с отцом поменяли половину картошки у зачастивших в село грачей на четыре мешка муки и мешок сахара. Отец собирался в тайгу на промысел. Вась-

ка, подумывая о зимовке и будущей жизни, загрузил на лошадей половину муки, сахара, мешок овса, увёз всё в отцовское зимовьё, поправил там крышу, застеклил окно, прикидывая, что и ему придётся зимовать в тайге, стал строить конюшню из сухостоя.

Зима случилась многоснежной, отец охотился ни шатко ни валко, дольше отсиживался в зимовье, но мяса и птицы на прокорм хватало. Васька был у него на подхвате, бегал по путикам, проверяя капканы, готовил дрова. За пенсией они отправились по глубокому снегу на двух лошадях, рядом бежал повзрослевший жеребёнок.

Люся не скандалила из-за того, что Васька привёз отца с запозданием, и ей пришлось тайком держать у себя деньги, но мягко упрекнула таким чудным голосом, глядя на него так жалостливо и тоскливо, что у Васьки гулко стучало сердце в груди. На этот раз она даже засиделась в доме пастухов за их нехитрым таёжным угощением. Люся знала всех в селе и многое обо всех, поскольку все любили с ней поговорить, но не разносила слухи. Васька глядел на неё, едва ли не разинув рот, от её голоса так пьянела и томилась его душа, что он непроизвольно притиснул её в сених. Она не вскрикнула, не оттолкнула, даже слегка прильнула к нему через свою большую сумку, и в ответ на страстные поцелуи со вздохом прошептала:

— Бедненький! Измучила тебя Зинка?! Приходи уж, но не с улицы, а со стороны сеновала!

Он пришёл в сумерках, нашёл лаз в заборе. Изба была не заперта изнутри, за дверью громко стрекотала швейная машинка. Васька постучал раз и другой, не был услышан и толкнул дверь. Люся сидела за шитьём в лёгком сатиновом платье и была ещё привлекательней, чем в обычной одежде с тяжёлой сумкой, подняла голову, и наивное детское умиление в её лице тихо переменялось на обычное, доброе. Её комната была уставлена куклами, по большей части самодельными. Одну из них она обшивала. Васька про себя удивился пустой забаве тридцатипятилетней женщины, но ничего не сказал и не подал виду.

Судьба Люси сложилась незавидно. Пьющие родители умерли, оставив у неё на руках годовалую сестру, которую Люся вырастила, устроила в городе в медицинское училище, но та, проучившись два года, спилась, и теперь жила на иждивении сестры. В доме её не было. Вопросов Васька не задавал, чтобы не бередить душу почтальонке. Только под утро сказал:

— Хорошо-то как с тобой?! У меня такого ещё не было. Пойдёшь за меня?

— Молод ещё! — уклончиво ответила Люся и ласково выпроводила любовного молодца, а днём пришла со своей обычной кирзовой сумкой на животе и посоветовала Васькиному отцу написать доверенность на сына, потом помогла её заверить.

Васька попробовал попроситься к ней и на другую ночь, но Люся с сожалением отказала:

— Сестра ночует! Набралась чего-то пострашней водки: дура душой!

Бывшие пастухи, понятно, денег в тайгу не везли, накупили на всю пенсию продуктов и вернулись в зимовьё. В другой раз Васька отправился домой только в феврале, в самый разгар волчьих свадеб. Оставив жеребёнка, он ехал верхом на своей кобыле, которая уже просилась под жеребца. К седлу были подвязаны широкие охотничьи лыжи, за плечами седока — новый отцовский дробовик.

Село нищенствовало, но при этом веселилось и пьянствовало, воровали уже не только ничейное совхозное добро, тащили, что можно от соседей. И всё же дом

на краю не трогали, даже дрова были целы, видимо боялись то ли крутого Дачника, перестраивавшего дом Зинки, то ли старого пастуха-волчатника, который по старосибирскому обычаю за кражу мог и убить.

Васька отпер дверь, в лицо пахнуло стужей и опрелостью. Он быстро растопил печку и повёл расседланную кобылу к дружку Федьке, который был умеренно пьян на пару с женой. Весной они вдвоём, или он один, посадил гектар картошки, теперь продавал её и ремонтировал приватизированный трактор, надеясь на весенние заработки по вспашке. Детей у них не было и не намечалось. Васька выпивать с ними не стал, договорился оставить кобылу до весны, и за это расплатиться будущим жеребёнком.

Он вернулся домой трезвым. Печка прогорела, не награв кирпичей, топка ещё тлела розовыми угольками. Васька набил её дровами под самую плиту, завернулся в тулуп, лег на топчан в шапке и ичигах. Среди ночи он встал, зябко кутаясь, заново растопил печку и выглянул в окно. Была полночь, над белым полем выпасов висела огромная полная луна и светила так ярко, что видна была каждая выбоина на заборе, бросавшем на снег отчётливую тень. От вида всей этой красоты, звездного неба, снегов, тёмной полосы тайги на окоёме Ваське вдруг страстно захотелось завывать. Он даже непроизвольно задрал голову, но в горле его только засипело.

И тут так истошно залаяли деревенские собаки, что Васька вышел на улицу, оглядываясь, прислонился к калитке. Лаяли они чудно, с боязливым восторгом и сдавленным страхом, не злобно, как на чужака, но обидчиво. Лай приближался. Вскоре по улице, мимо дома неторопливо пробежала волчица с коротким оттопыренным хвостом. На безопасном расстоянии её робко преследовала свора беспородных кобелишек, разного роста и вида.

Поскуливая, с подвывом полаивая, они боязливо остановились у поскотины. Дальше, до края тайги серебром сверкало снегами чистое поле. Волчица отбежала на полсотни шагов, остановилась, обернулась к жавшимся и лаявшим кобелькам, играючи припала на передние лапы, вильнула поджарым задом с опущенным хвостом, приглашая к себе. По всей видимости, у неё была течка, и её дурманный запах сводил с ума кобелей.

Один из них не выдержал, подбежал к волчице, сунул нос под куцый хвост. Второй и третий кинулись следом, за ними потянулись другие. Васька стоял, не шелохнувшись, и, затаив дыхание, с восторгом ждал развязки. Волчица опять побежала к лесу, зазывая женишков в укромное место. Слегка растянувшись, поскуливая, они потянулись за ней. И тут из-под деревьев выскочили три волка, а волчица, резко обернувшись к ближайшему женишку, так мотнула его, что он остался на снегу. Четверо быстро расправились с остальными, последнего, с короткими лапами и поджатым хвостом, волк настиг в десяти шагах от Васьки. Он стоял неподвижно, опершись локтями на калитку. Коротконогий, пронзительно визгнув, перевернулся, и по снегу начало расплываться черное в ночи пятно крови.

Волк поднял голову и замер. Он и Васька какой-то миг пристально глядели друг на друга. Каким-то своим чутьём волк понял, что этот человек не опасен, схватил задранного пса за загривок и спокойно поволок к тёмной полосе леса. При полном душевном покое, без страха или злорадства, Васька непроизвольно задрал голову и восторженно завыл на полную луну. Волки, волочившие добычу, на миг остановились, обернулись. Притихшие было деревенские цепные псы отчаянно залаяли.

На другой день только и было разговоров о волчьем набеге и задранных псах,

останки которых валялись у кромки леса. Селяне бросились к Халбануру, сыну волчатника. Он их хмуро выслушал, буравя немигающим настроженным взглядом, удивляясь про себя, до чего эти люди похожи на собак, котов, козлов, баранов. Выслушав, пообещал сходить, посмотреть следы, и даже сходил, не прихватив с собой незарегистрированное ружьё. Волки уползли в тайгу, волоча под собой по снегу вздувшиеся животы. Далеко уйти они не могли, лежали где-то рядом, переваривая воровскую добычу, но поднимать их с лёжек и беспокоить Васька не стал. Он вернулся и возле своего дома встретил молодого соседа агронома. Помявшись, тот нерешительно спросил:

— Хотели завести живность, а тут волки. Что безопасней разводить? Кур, гусей, свиней, коз?

— Да всё безопасно, если держать дома. Но кур надо беречь от тетеревиатников и норок, бывает, клюют и режут. Коз и свиней не запускать в тайгу. Поле рядом, можно завести корову: молоко и приплод, но придётся косить сено.

Агроном внимательно выслушал пастуха, поблагодарил и ушёл, а он получил по доверенности отцовскую пенсию, переночевал у Люси, накупил в бывшем сельпо, теперь частном магазине, которым заправлял Дачник, полный рюкзак продуктов, сладостей, бутылку водки и ушел на лыжах в отцовское зимовьё.

Услышав его шаги, отец вышел из избушки без шапки, всклокоченный и возбужденный. Васька понял, что-то случилось.

— Жеребенка волки задрали! — крикнул ещё издали, указывая рукой куда-то в сторону. Васька подошёл к зимовью, освободился от лыж, устало сбросил с плеч тяжёлый рюкзак, вскинул на отца глаза, его лысина пламенела от возмущения. — Водки принёс? — спросил сиплым голосом, и сын отметил про себя, что отец постарел.

— Принёс, одну, как ты просил.

— Помянём. Думал, добрый конь вырастет. Мой-то совсем стар. Зато хитёр, кастрат хренов: сунул башку в дверь конюшни и давай понужать копытами. А молодой кого? Ни подкован, ни спрятаться не может... Погоняли его вокруг и задрали, — сбивчиво жаловался отец. Васька понял, что жеребёнка уже нет, и овёс докупать не придется.

А случилось всё зимним солнечным днём. Отец открыл конюшню, чтобы его мерин с жеребенком размялись и проветрились. Волки набросились на них за светом, что случается редко, да ещё во время своего гона, когда им не до того. Конь бросился в конюшню, сунул голову в дверь и стал лягаться, перекрыв путь жеребёнку. Волки загнали малого в сугроб, облепили и завалили. Отец без ружья, с топором, пробовал отбить.

— Кого там! Оскалились: вали, старый, пока самого не кончили! И чо думашь? Я, старый волчатник, испугался! Видать, правда, стар стал. Волки слабость хорошо чувт. — Отец свесил бороду на грудь, хмуро допил водку из кружки и резко вскинул голову: — Обставил я останки капканами, думал, вернутся волки. И знашь, кто воротился и крутится возле туши?

Думая о своём, Васька уставился на отца исподлобья.

— Лисапед!

— Я же его убил! И петлю с лапы снял!

— Знать не убил! Твоё счастье, что он тебе глотку не порвал. У волков это хорошо получатся.

— Быть не может! Я пихнул его, потом петлю снял.

— Умён, падла! Его след ни с кем не спутаешь. Покажу! Обходит вываренное железо и пирует на остатках. Понятно, бирюк. Один. Сам по себе. — Отец с возрастом всё чаще чалдонил, особенно если волновался, отходя от общепринятого в деревне, поправленного временем языка.

Васька не поленился, в тот же вечер осмотрел следы волков: и стаи — старые, уже припорошенные, и свежие Лисапеда, который драл мясо с туши, лёжа на боку. Ни с кем другим спутать его было невозможно. Как такое могло случиться, что крепкий на боль волк был без сознания, когда Васька снимал с него петлю, ни он, ни отец понять не могли. Решили, что картечина угодила в какой-то важный нерв, не то глупый охотник остался бы рядом с раненым зверем. «Однако, я и правда, — Халбанур!» — хладнокровно усмехнулся сам себе Васька и постарался забыть про тот выстрел.

Между тем встреча с волками возле зимовья переменяла отца, будто звери убедили крепкого ещё мужика в его немощи. Охотничий сезон закончился, но выезжать из тайги пенсионер отказался. Продукты были, оружие при нём, одиночество его не томило, конь знал, как отбиться от волков. Васька наколол дров и отправился в село пешком с пустым заплечным мешком.

Входила в раж сибирская весна, пробивалась зелень, всё живое радовалось теплу и солнцу. А село ветшало: обнажился скрытый снегом мусор, бутылки, банки из-под пива и грязные пластиковые пакеты. Среди изб выделялся бывший Зинкин дом. Обшитый ярким покрытием, он выглядел каким-то нерусским, заграничным. К тому же, перед каменным крыльцом со стеклянной дверью нелепо торчала из кадушки зелёная пальма. В пастуховском же доме со стороны огорода была выломана оконная рама. Пропали топор, пила, старое бельё из шкафа и старый телевизор из чулана. Дров тоже ubyло. Васька растопил печку, затянул окно куском полиэтилена. В кладовке оставались шкуры волков, погубленных ни за понюшку табаку: заготконтора не приняла их, сославшись, что нет денег, а потом и вовсе закрылась. Завернутые в крапивный куль, они остались незамеченными среди разбросанных вещей или ненужными ворами. Васька развернул их и вывесил во дворе, чтобы подсушить.

Дым из трубы, звуки хозяина в доме и шкуры привлекли соседа. Он хлопнул калиткой и крикнул: «Эй!» Васька вышел на крыльцо. У ворот стоял Дачник в цветастой заграничной одежде, с выпирающим, вислым животом. Лицо его было выбрито, на затылке головы с глубокими залысинами красовался короткий хвостик.

— А! Это ты, хозяин?! Молодняк крутился возле твоей избы. Подождут, думаю, и на мой дом переметнётся... А это что? — заинтересовался шкурами.

— Волки!

— Что стоят?

— Раньше платили одну только награду по сто двадцать, за сортность сроду не давали, и без того директорская пенсия. Что сейчас стоят — не знаю!

— А что хочешь?

— Пять отцовских пенсий!

Дачник подёргал шерсть, протянул сквозь пальцы хвосты. Один оборвался.

— Первое дело — хвост, — заявил с видом знатока. — А так ничего! За три взял бы.

— Ну, давай за три! — согласился Васька. Оставлять шкуры в доме не было смысла, так же, как и нести их в зимовьё, а продавать он не умел.

Дачник по-хозяйски снял шкуры с забора, и направился к калитке.

— А деньги? — напомнил Васька.

— Сейчас принесу!

Он принёс. Васька пересчитал, сотни не хватало. Указал.

— Сейчас нет, потом отдам!

Васька язвительно усмехнулся:

— Понятно! Потом суп с котом! — И ушёл в дом, удивляясь скупости богатых.

Дом подсыхал. Надо было навестить друга Федыку, кобылу и почтальонку. Друг был в загуле третий день, то есть опохмелялся. Поигрывая крутыми бёдрами, с вызывающей ухмылкой на лице, из горницы вышла Федыкина жена в одной тунике на голом теле. Видно, она долго спала, но была при этом уже умыта и причёсана.

— Что выставила ляжки? — ревниво ругнулся Федыка.

— Нельзя что ли перед дружкой без сапог и фуфайки? — усмехнулась женщина и презрительно бросила: — Сельпо! — Затем отчетливо, по слогам: — Ретро-градство!

Федыка недовольно хмыкнул длинным кривым носом, просипел каким-то ругательством, будто застрявшим в горле, проследил тоскливым взглядом, как жена неторопливо прошла по кухне, что-то взяла, скрылась в горнице и тихо, со вздохом, пробормотал:

— Шалава!

Вскоре она опять вышла в юбчонке, колготках и кофточке, стала прихорашиваться перед зеркалом как ухоженная, избалованная кошечка: оглаживала юбку, задирала кофточку, оголяя спину, ощупывая застёжки бюстгальтера, делала это так долго и откровенно, что мужчины засмутились и вышли во двор. Кобыла была здорова, узнала хозяина, шумно втянула воздух влажными ноздрями и сунула их в Васькины руки, выскивая привычных угощений. Он дал ей сухариков, она осторожно смела их мягкими губами с его ладоней.

— Здорова и брюхата, — посмеивался Федыка. — Хорошая лошадка, послушная, не то, что мой урка-каурка. — По виду друга ему явно не хотелось расставаться с кобылкой.

Почтальонка вместе с пенсией отдала Ваське письмо от Зинки, чем его сильно удивила. Тут же разорвав конверт, он прочитал его. Зинка просила приехать к ней, в город, для оформления развода. Но удивила она не этим, а не свойственной ей уничижительной просьбой, и даже не намекнула на неоплаченные алименты. Васька прикинул, что пора бы поставить печать в паспорт, инициатива от Зинки облегчала хлопоты: она баба пробивная и проворная. Денег у него было много, и, слегка приодевшись в магазине Дачника, он решил съездить по указанному в письме адресу.

— Пойдёшь за меня законным браком? — опять спросил Люсю.

— Молодой ты! — ласково глядя на него, своим чарующим голосом, будто извиняясь, опять ответила почтальонка.

— А как постарею?

— Тогда я вовсе стану старухой, так и не узнаю настоящей любви.

Зинка встретила его в двухкомнатной квартире на втором этаже, была как-то необычно взволнована, подвижна, непривычно ласкова и походила на соболька или хорька. На стенах желтели старые обои, мебели совсем мало. Как-то всё это не походило на то, что она жила с мужчиной и собиралась замуж. Скорей всего квартиру купила или снимала. Васька наблюдал за её суетой спокойным и недо-

верчивым взглядом, но расслабился, когда дочка бросилась ему на шею со слезами: «Хочу домой!» Зинка же прежде, чем начать разговор, по-деревенски стала накрывать стол, бормоча:

— Сперва надо накормить с дороги! И не только! — Натянуто, принуждённо улыбнулась. — Поди, всю зиму при безбабье?! Сходи-ка к мальчику Серёже! — подхватила за руку упирившуюся дочь. — Её дружок-погодок у соседки, — пояснила.

Слова про безбабье насторожили Ваську пуще прежнего, он повёл строгими глазами по сторонам, стараясь понять, что затеяла Зинка, в чём её очередная хитрость? Ждал, когда она раскроет карты и припрятанного в рукаве джокера. Она вернулась одна, без дочки, спросила подрагивавшим голосом:

— Что выпьешь? Водки или шампанского?

— Шампанского! — ответил Васька.

— Ну и хорошо, вино оно полегче, вот только бокалов у меня нет, — опять засуетилась, — но мы люди деревенские, неприхотливые, можем обойтись простой посудой, — скрылась на кухне и вернулась с двумя старыми, пожелтевшими от времени гранёными стаканами.

Васька с хлопком открыл бутылку, разлил. Пена поднялась шапкой, он подождал, когда она оседет, долил до маруськиного пояска искрящийся напиток себе и ей.

— Ну, давай! За деревню, за школу! — Резко схватила один из стаканов Зинка.

Выпили по-деревенски, до дна. Васька поелозил вилкой по тарелке с закусью. Вино резко ударило в голову, он удивился, что пьянеет с одного стакана. Зинка смотрела на него выжидающе, так широко и испуганно открыв глаза, что ему от её взгляда стало жутковато. Потом он ощутил себя зверем, лежащим на земле без сил и ждущим выстрела от этих самых глаз. Надо было собраться с силами и ударить по ним, но сил не было. Он рвался, дёргался и никак не мог освободиться от пут, в какой-то миг понял, что это сон и успокоился с вывернутыми руками-лапами.

Приходил он в себя медленно и с такой лютой болью в голове, будто по ней пальнули картечью, увидел над собой потолок с облупившейся известкой, попробовал освободить руки, но они были привязаны. Превозмогая боль, он со стоном повернул набок голову, увидел узкую кровать с бьющимся на ней мужиком, и еще с десятков таких же, тесно поставленных в одной комнате с решётками на окнах. Васька закрыл глаза, стараясь понять, сон это или явь, и где он? Последнее, что помнил, Зинкины глаза и мысль, что она хочет получить?

Он не знал, сколько пролежал без движений, баюкая свою острую боль. Среди звуков, к которым начал привыкать, появился новый, будто кто-то уверенно вбивал гвозди в пол. Потом, скорей носом, чем слухом ощутил кого-то рядом с собой и открыл глаза. Перед ним стояла красивая женщина в ослепительно белом, отглаженном халате и накрахмаленном колпаке, она холодно и отстранённо улыбалась, её пристальные, змеиные глаза пытались засверлиться в глубину его боли.

— Очухался, зверь? — спросила строго и равнодушно.

— Голова! — прохрипел Васька. — Побили, что ли?

— Санитару руку прокусил!

Васька ничего не понял, но спросил:

— Где я?

— В буйном! — мимоходом обронила женщина, оборачиваясь к другой кровати.

Васька закрыл глаза и снова стал баюкать свою боль. И долго не было уже ничего, кроме неё. Потом, с той же холодной, красивой женщиной в белом, вби-

вавшей гвозди каблуками, у его кровати остановился чернявый мужик с волчьими глазами, ждущими от мира подлости и коварства, с проседью в двухнедельной щетине по щекам. На нём был старый застиранный халат и скособочившийся колпак. Ваське опять показалось, что и из этих глаз выползли две холодные змеи, попытались влезть в его больные мозги, но, поелозив у самого лица, скрылись в глазницах, за красными прожилками усталости. В один миг больной и мужик с волчьими глазами уловили друг в друге что-то своё, знакомое, если не родственное, и он коротко приказал:

— Отвяжите!

Женщина сунула журнал под мышку, переломившись в тонкой поясице, склонилась и освободила затекшие руки, привязанные к уголкам панцирной кровати.

— Как себя чувствуем? — равнодушно и холодно спросил мужик в халате.

— Голова болит?

— Что ему вкалывали? — спросил женщину в отглаженном халате.

— Только успокаивающее! — отстранённо ответила она всё с той же холодной улыбкой.

На этот раз они оба показались Ваське механическими куклами.

— Что случилось, молодой человек? — обратился к нему мужик, чуть потеплевшим голосом.

— Выпил стакан шампанского, дальше ничего не помню!

— С кем пил?

— С женой по паспорту. Приехал в город, чтобы развестись.

— Понятно! С ними надо разбираться ментам, не нам, — буркнул мужик стройной бабёнке. И к Ваське: — Есть хочешь?

— Поел бы, да голова болит!

— Не наш! — уверенно обронил мужик и отошёл к другой кровати.

Васька сел, растёр запястья и обхватил голову руками, чтобы как-то облегчить боль. Двое в халатах обошли палату, мужик уже от двери вернулся к нему, спросил:

— Идти можешь?

Васька поднялся на ноги.

— Могу!

— Иди за мной!

Они прошли тёмным длинным коридором. Пропуская их, два мужика в застиранных пижамах, с тупыми лицами испуганно шарахнулись к стенам. Мужик в халате толкнул дверь и пропустил Ваську в небольшой кабинет с крашеной решёткой. Белила на ней облупились, за запylёнными стеклами виднелся комель старого тополя.

— Садись! — указал на стул возле стола, на котором не было ничего, кроме графина с водой и гранёного стакана, точно такого, жёлтого от времени, из которого Зинка поила шампанским. — Всё понял? Или ещё ничего? — спросил мужик, и в его равнодушных глазах мелькнула снисходительная насмешка.

— Ничего! — коротко ответил Васька.

— Подсыпала тебе жёнущка в газированный напиток психотропного снадобья, кодеинчика или деревенского абсента. С газом они шибут круче, чем с водкой. Но буйствовал ты на редкость. — Открыто усмехнулся, о чём-то напряжённо сообщая про себя. — Санитару так руку прокусил, что на больничный отправили.

Что будем делать?

— Голова болит! Никогда так не болела!

Мужик достал из стола бутылку водки и стакан. Налил наполовину в жёлтый, который стоял на столе возле графина, придвинул Ваське:

— Пей! Если отпустит, скажу, чтобы накормили и дали поспать. После буйного положено месяц держать: анализы, то, другое, — холодные змеи снова стали выползать из его волчьих глаз, впиваясь в воспалённые Васькины мозги, ничего там не нашли и вернулась под брови. Мужик досадливо поморщился: — И буйное, и пограничное переполнены, свободных мест нет, а с тобой и так всё ясно! Пей давай! — приказал жёстким голосом.

— Ты кто? — настороженно спросил Васька. — Я уже выпил в гостях у жёнушки.

— Я — врач!

Васька, поколебавшись, выпил водку под тем же самым пристальным, изучающим взглядом. Сморщился, переводя дыхание. Мужик, назвавшийся врачом, подал ему печенюшку. Васька, ожидая резкого опьянения на голодный желудок, захрустел безвкусной галетой. Голова закружилась, но не сильно, а боль стала утихать. Он пошарил по карманам, вытащил паспорт и деньги. Всё было целым. Врач всё так же пристально смотрел на него, будто ждал чего-то, потом налил на треть в чистый тонкостенный стакан, который достал из тумбочки стола, выпил сам, не поморщившись, не поперхнувшись.

— Надо бы у тебя кровь взять, но шприцы украли, реактивов нет, да и не наше это дело.

Васька, пьянея, посочувствовал:

— У нас тоже совхоз разворовали: начальники машинами, механизаторы и доярки — что осталось.

— Договоримся так! — продолжил врач, никак не отреагировав на сказанное. — Ты на недельку подменишь травмированного санитаря. Ночлег и питание здесь. Потом езжай в свою деревню, разберись, зачем жена тебе это устроила.

Он нажал какую-то кнопку. Дверь открыла пожилая толстая женщина в белом халате, с головой, повязанной белой косынкой.

— Накормить! — распорядился. — Пусть поспит в служебке, в ночь пойдёт санитаром, хотя нет! Пойдёт уборщиком, а студент санитаром.

Слегка качнувшись, Васька встал. Головная боль стала легче, но ему продолжало казаться, что всё происходящее — дурной сон. Надо поесть и спокойно поспать, мысленно согласился с врачом, который, казалось, уже забыл о нём.

Ночью он мыл полы, покрытые старым линолеумом, на первом и на втором этажах, привыкая к дверям, которые свободно отпирались снаружи, но сами по себе запирались изнутри. По приказу толстой санитарки, переваливавшейся с ноги на ногу как маятник, туалет в буйном он домывал уже после подъёма больных. Здесь его и прижала к стене женщина лет тридцати пяти, да с такой страстью, против которой Васька устоять бы не смог. Он выпустил из рук швабру и уже запустил руки ей под халат, но вошла толстая санитарка, без брани и злости подхватила Васькину швабру и хлестнула больную черенком по спине. Та отскочила в сторону, одернула халат и вышла с гордым видом.

— Ни одни штаны не пропустит, — устало проворчала санитарка, — хотя есть хороший муж, два сына. Не бросили, навещают. А ты не щелкай клювом! Они хитры и изворотливы, если чего захотят.

Всё происходящее продолжало казаться Ваське сном, в лицах больных и белых халатов было что-то общее, те и другие представлялись ему заторможенными

в лёгком, но регулярном подпитии, но одни расслабленные, другие настороженные. Ему дали поспать днём, а после полудня отправили в пограничное отделение. Та самая стройная красавица, стучавшая высокими каблуками туфель как молоток по гвоздям, с не сходящей с губ холодной полуулыбкой показала, какие помещения он должен помыть до отбоя, что протереть, что почистить, и оставила одного среди больных.

Женщины и мужчины пограничного отделения жили по отдельным комнатам, но общались свободно, вместе прогуливались по фойе, сидели на стульях и подоконниках вокруг неработающего телевизора. Васька поздоровался с ними, отставил в сторону ведро со шваброй и начал чинить телевизор. После службы в армии у него осталась кое-какая память о радиотехнике. Телевизор заработал, это вызвало радостное оживление среди больных, Васька подхватил ведро, швабру, начал уборку с крайней комнаты и всё приглядывался к тихим степенным людям, населявшим этаж.

За неделю жизни в психушке он стал даже любим и уважаем больными. Приятной полноты женщина старалась помогать ему с приборкой, протирала пыль с пропущенных им мест, поучала и была редкостной чистюлей. Другая, молодая, улыбчивая, всегда забывала прибирать за собой постель и умываться, чем очень раздражала Чистюлю, поскольку их кровати были рядом.

Санитары привели под руки немощного мужика, который едва передвигал ноги. Увидев Чистюлю, он ожил, стал хватать её за коленки. Она пнула его, и Немощный, будто проснулся, стал делать физзарядку и спортивным шагом наворачивать круги по фойе. Васька с интересом слушал лекции пожилого профессора об истории России, пока тот сам или кто другой не упоминал имени Ленина. От этого старика несло, и Васька старался тихонько улизнуть. Все больные были разными, и в то же время в них было что-то общее, узнаваемое, напоминавшее ему Зинку, её выпады, взгляды, необъяснимые перепады настроения. Здесь, не то, что в деревне, здесь она могла быть как все.

Через неделю на работу вышел травмированный санитар с перебинтованной рукой. Им оказался студент мединститута, улыбчивый и добродушный, еще не похожий на постоянных работников психушки.

— Ну, ты зверь! — рассмеялся при встрече. — Я сразу понял — опоиلى психотропным, но чтобы так озвереть — не читал, и не слышал.

— Ничего не помню! — смущенно признался Васька.

— Бабенка заперлась на балконе и орала на всю улицу. Ты скалил зубы и метил мне в горло, я отделался рукой, потом тебя еле запеленали.

Васька сдал смену студентке медучилица, направился к врачу, устроившему на временную работу, в мрачном коридоре столкнулся со Стройной в белоснежном халате и накрахмаленном колпаке. Похоже, она ждала его. Он остановился, они вперились друг в друга, глаза в глаза, что в зверином мире означает вызов.

— Измененное состояние психики — заразно! — изрекла она, прижимая журнал к груди. — Но, на тебя это, вижу, не подействовало. — Из её глаз знакомо выскочили две змеи, поелозили у Васькиного лица и ни с чем вернулись в глазницы. — Либо ты совсем дурак с одной извилиной в мозгах, хотя не производишь такого впечатления, либо у тебя тоже изменённое состояние, но с противоположным знаком. Мощная защита! Мог бы работать у нас и учиться. У тебя ведь среднее образование?!

— Я пастух! — уклонился от разговора Васька и быстрым шагом направился

к главному врачу. На этот раз он не удивился его глазам и пристальным взглядам: здесь почти вся обслуга была такой.

— Не хочешь остаться? — спросил врач, все так же настороженно глядя на Ваську.

— Не могу, отец один в тайге!

— Тогда ступай к отцу и будь осторожен с женой. Уже приходила, просила справку, что ты больной и буйный.

— Вот стерва! — хмыкнул Васька.

В ближайшем магазине он купил бутылку водки, завернул в пакет и передал покусанному санитару в качестве возмещения за травму. Потом отправился на автостанцию, дождался автобуса и поехал домой.

К немалому удивлению во дворе его дома был народ, у ворот стоял грузовик с досками, лысый мужик с отвисшими щеками бульдога и красными глазами на нахальной морде командовал разгрузкой. Все Васькины вещи были вынесены из дома и кучей лежали в дровянике. Увидев подходившего соседа, с язвительной ухмылочкой вышел из дома Дачник, молча встал в стороне.

— И что это? — спокойно спросил Васька мужика с бульдожьим лицом. Тот обернулся, бросив на него презрительный взгляд.

— Дом купил! — ответил сквозь зубы. — Местный, что ли?

— Даже хозяин! — усмехнулся Васька, да так, что мужик внимательно всмотрелся в его глаза, и что-то в нём дрогнуло.

— Зинкин муж, что ли, из дурдома? У меня Зинкина долговая расписка, заверенная нотариусом, исковое заявление об утрате права проживания. Сельсовет подтвердил, что твой отец умер. Так что всё в порядке.

— А Зинка справку из дурдома не показывала?

— Обещала принести!

— Я-то в дурдоме работал санитаром, — со злым оскалом объявил Васька — а вот она при обострениях, каждую весну и осень лечится в пограничном отделении. Ну, ты лоханулся, мужик. Труднёхонько будет выбить долги из дуры со справкой.

— Будто я не предупреждал! — захихикал Дачник, и его вислый живот затрепыхал, как наволочка на ветру.

Бульдог не повёл ухом в его сторону, но то ли вид хозяина дома, то ли прояснявшаяся сомнительность сделки ошарашили мужика. Минуту назад самоуверенные презрительные глаза его пуще прежнего налились кровью, он побагровел и заорал с подвывом, как пес, отступающий перед силой.

— Да я порву её, суку, если не звездишь! Закопаю, блин! И секретаршу вашу: сказала, что отца тайком похоронил и получаешь за него пенсию... Разберись!

— Тебе надо, ты разбирайся. Мои документы в порядке, лежат в надёжном месте.

— Тогда поехали! — Схватил его за руку мужик. У него была легковая машина, и Васька непринуждённо развалился на переднем сиденье.

Сельсовет перебрался в дом библиотеки и обновился. Старый председатель ждал перевыборов, сдавал дела и редко показывался в кабинете. Его новая секретарша оказалась знакомой по школе. Не виделись они давно, и она с недоумением уставилась на Ваську Халбанура. Ничего не напоминало в нём прежнего улыбчивого пастушка-простачка. Мужик это её недоумение истолковал не в свою пользу и с порога стал орать.

— Что у вас тут за бардак! Ты же уверяла, что его отец умер!

— Мы проводили перепись, старика не было, уже с год никто его не видел, — теряясь, забормотала секретарша, бросая на Ваську виноватые взгляды. — А Зинка сказала, ты больной, на принудительном лечении, отца похоронил в тайге.

— Ты что, Халду не знаешь? Не знаешь, какая она мне жена?

— Но развод не оформлен, дочка записана на тебя. Законная наследница.

— А ты не догадывалась, что Халда на учёте в психушке?

— Откуда? Справок не приносили. Привези живого отца, всё будет ясно, — секретаршу бил озноб, голос её дрожал. Она понимала, что попала в плохую историю, а тут еще пастух с его спокойным и злорадным оскалом. Он даже не повышал голоса, будто издевался и мстил за что-то из прошлого.

Мужик-покупатель, выпучив круглые красные глаза, переводил их с Васьки на секретаршу и разевал рот, как рыба на суше.

— Старик — не хрен собачий, чтобы таскать его на проверки. Поедешь со мной в тайгу верхами на лошади, там и проведёшь перепись.

— Нет! — запищала секретарша. — У меня дети.

— А у меня деньги! — заорал мужик, и она виновато втянула голову в плечи. Видимо, сделка была проплачена. — Сам поеду! Завтра же! Если старик жив — всех порву, а Зинку первой. — Сдаваться из-за сомнений мужик не собирался.

Доски всё же разгрузили в Васькином дворе, он разрешил, но дом запер на новый, купленный у Дачника, замок. Прикупил и продуктов, мешок муки, мешок комбикорма, забрал у Федьки кобылу, оседлал и погрузил на неё всю поклажу. Груза было многовато, ехать ещё и самому на жерёбой кобылке невозможно. Васька привел её под уздцы к дому, там уже перебирал копытами сильный жеребчик председателя под жёстким кавалерийским седлом.

«Уже и этот в друзьях?! — удивился. — Или «новые русские» узнают друг друга, как алкаши и наркоманы».

Мужик, хлопнув дверцей машины, выхватил из салона пуховую куртку, небольшой рюкзак и карабин. На поясе у него висел преогромный нож. Рюкзак и карабин он привязал к седлу, подвел беспокойного жеребца к штабелю досок, с них неумело взгромоздился в седло.

— А ты чего? — спросил сверху Ваську.

— Я — пешком! Кобылка перегружена.

— Грузи на моего. А то когда ещё доберёмся, пеший и конный?

Васька не отказался от предложения, умело закрепил за седлом жеребца мешок муки, вскочил на свою кобылку, и двое отправились в тайгу едва заметной тропой. Кони шли быстрым шагом, не переходя на рысь. Жерёбая кобылка жеребца не интересовала, но он всё пытался вырваться вперед, недовольно фыркал, мотал головой и подталкивал кобылу в круп чубатым лбом. И всё же за день до зимовья они не добрались, пришлось оттащить и прорубать перегородившую путь упавшую лиственницу. Васька, сбросив бушлат, махал топором, Бульдог дожидался освобождения пути, не спешиваясь и сидя в седле бочком. Пришлось заночевать в удобном месте. Васька легко спрыгнул с седла, разгрузил и спутал свою лошадку. Мужик кое-как спешился, цепляясь длинным ножом за седло, встал нараскорячку, попытался сделать шаг, с испугом взглянул на спутника:

— Что это? Не могу идти!

— Бывает, с непривычки! — как о пустяшном обронил пастух, разгрузил, расседлал и спутал его жеребца.

Мужик всё стоял на месте, на раскоряченных ногах, с удивлением оглядывался по сторонам, затем, разворачиваясь всем телом и тихо матюгаясь, сделал несколько шагов, плюхнулся на пуховку.

— Пройдёт? Так не останется? — спросил с опаской.

— Пройдёт! — успокоил его Васька, без тени насмешки, про себя называя попутчика Бульдогом.

Лошади напились из ручья и захрустели свежей травой. Мужик сидел на пуховке, остервенело отмахивался от комаров и чесал сбитый зад. Васька натаскал валёжника на костёр, развёл огонь. Быстро стемнело. Пламя высвечивало поляну, деревья, контуры отдалившихся лошадей. Закипела вода в котелке, Васька снял его с огня, бросил горсть побегов смородины, выложил на потник булку хлеба и сахар: он был неприхотлив к еде во время переходов. Бульдог достал из рюкзака круг сухой колбасы и стал откупоривать бутылку водки. Васька от выпивки отказался. Спутник налил себе в кружку, выцедил, посопел, занюхивая колбасой, задумчиво пожевал, ожидая первую волну хмеля, уловил её, стал веселей работать крепкими челюстями.

— Что-то не сильно-то ты похож на дурака, — хмыкнул. — А говорили, будто с малолетства... Зинка справку обещала. Что справка? Сейчас всё можно купить. Продажный стал народишко.

Васька не стал ни спорить, ни поддерживать пьяный разговор, пожевал хлеба с предложенной колбасой, запил заваренным настоем, лёг на потник и завернулся в поношенный солдатский бушлат. Проснулся он от беспокойного храпа лошадей. Они жались к тлевшему костру, прядали ушами и оглядывались во тьму. Васька подбросил сушняка на угли, резко взметнулось пламя, осветило среди деревьев серой лентой промелькнувшего волка. Видение длилось один миг, но и этого хватило, чтобы узнать Лисапеда.

«Любопытство!» — подумал Васька. Напасть на лошадей калека не мог. Звать сородичей не стал бы: летом они скорей сожрут бирюка-калеку, чем нападут на коней при людях. Запыхтел проснувшийся попутчик с опухшим лицом. Его вислые щёки опутала сетка морщин от пролежней. Он сел, оглядываясь на лошадей, жавшихся к огню.

— Волки! — пояснил Васька. — Пальни на всякий случай.

Мужик нашарил карабин, передёрнул затвор, сидя, зажал приклад между ног, трижды выстрелил в небо, звякнули выброшенные затвором гильзы. Кони шарахнулись, боязливо заржали. Васька поднялся, потрепал по скуле свою кобылку, она быстро успокоилась. Только жеребец раздражённо поглядывал в темень и угрожающе храпел.

Подрёмывая, путники дождались рассвета. Васька почаёвничал, заседлал и загрузил лошадей, Бульдог, откинув голову, допил водку из бутылки, отбросил её в сторону, морщась от боли, вскарабкался в седло. До полудня они были возле зимовья. Отцовский мерин издали услышал коней и призывно заржал, кобылка весело ответила ему, побежала быстрее, стараясь перейти на тряскую рысь. Жеребец тоже зарысил, мужик завопил от боли.

Отец, услышав лошадей, вышел из избушки, дождался гостей, подхватил под уздцы кобылу сына, кивнул гостю.

— Вот, живой и здоровый! — спешившись, указал на него Васька и пояснил: — Зинка хотела наш дом продать, наговорила, будто ты помер, а я тебя тайком прикопал, чтобы пенсию получать по доверенности.

— Стерва, что с неё взять! — равнодушно проворчал отец. — И мать её не лучше. Жива ещё, старая?

— Не видел! Они в город уехали.

— Я им квартиру сделал за ваш дом и землю, — тяжело переваливаясь с ноги на ногу, вскрикнул мужик, уже совсем не похожий на сытого заласканного пса. Снял карабин, прислонил его к срубам. Васька расседлал жеребца.

— Ну, заходите, почаёвничаем, или чо ли! — пригласил в избу отец.

Прихватив нарубленного хвороста, он стал разжигать жестяную печку, обложенную камнями. На ней стоял черный от копоти чайник и такая же кастрюля, накрытая деревянной крышкой. Из-за трубы торчала ручка сковороды, поставленной боком, к нарам была прислонена дорогая, красивая двустволка, украшенная витиеватой насечкой.

Мужик взял её в руки и повёл стволами в сторону отца. Старик, чуть приподнявшись, схватил сковороду за ручку и с маху ударил гостя в лоб. Тот выронил ружьё и двумя руками схватился за лицо.

— Ты чего? — обиженно заорал. — Закопаю!

— А ты чего? — Отец поднял ружьё, Васька же, заглянув в избу, молча разрядил магазин карабина.

— Все сумасшедшие?! — со слезой в голосе вскрикнул гость.

Васька перешагнул порог, пристально глядя на него и слегка скалясь, стал членораздельно пояснять:

— Зачем схватил заряженное ружьё в чужом доме?

— Нельзя посмотреть?

— Дурак, или что? Зинка заявила в сельсовете, что отец помер, ты ехал убеждаться. Выстрелил бы в отца из его ружья и спёр на меня... Председатель — друг, секретарша куплена, — пристально глядя на стонущего мужика, процедил Васька с таким видом, что тот быстро понял: в тайге не он хозяин. Здесь можно исчезнуть бесследно, а выбраться отсюда без помощи он не сможет.

Старика, похоже, возмутила не столько наглость гостя, сколько продажа его дома и земли. Узнав от сына, что замок спилили, а вещи вынесли в конюшню, он набросился на побитого:

— Куда дел семенную картошку?

— Да не трогал я твою картошку. Где положил, там и лежит.

— И то!

— Зарою! — обидчиво пробубнил мужик и поспешно добавил: — Зинку! Стерва, что удумала?! Мужа объявила дураком, тебя покойником! — Он успокаивался, потирая то шишку на лбу, то стертый зад. — Как обратно ехать? — проканючил.

— Дам старую подушку! — раздобрился старик. — Привяжем к седлу, будешь сидеть, что в кресле. — Он накормил гостя, бросил ему одеяло, но карабин Васька, на всякий случай, сунул под крышу.

На рассвете трое оседлали отдохнувших лошадей, и налегке выехали пораньше, чтобы успеть в село к ночи. Добрались они до окраины уже в сумерках. Васька отдал мужику карабин и патроны. Тот чертыхнулся, не прощаясь, направил жеребца к председателю. Утром его машина, поднимая пыль, подъехала к выгруженным доскам под окнами пастухов. Лицо мужика не предвещало ничего хорошего.

Картошка в подвале, по большей части, оказалась свежей, лишь слегка проросшей. Отец с сыном перебрали её, старик пошел к Федьке, чтобы тот вспахал огород трактором. Старинный плуг у них был, но пастухи спешили. Они сняли

ветхий забор между своим огородом и огородом доярки Маши, жившей с дочкой. Боронили огороды сами на лошадях. Через неделю рейсовым автобусом приехала Зинка с дочкой и чемоданом. Васька думал, начнёт орать и возмущаться, что не дал ей продать свой дом, но Зинка понуро стояла против его калитки, глядела на пастухов жалостливо, Танюшка прижимала к груди полуслеплого щенка размером чуть больше кулака. Видимо подученная матерью, слезливо попросила:

— Папа, деда! Нам жить негде, пустите переночевать.

Старика от её просьбы прошибла слеза, покрасневшая было лысина поблекла, лицо умиловнилось, он присел и поманил девочку:

— Иди ко мне, милая! Мы тебя никогда не бросим. — Попытался снова сделать лицо строгим, но того, что было при первом взгляде на Зинку, не получилось: — Что? И остановиться уже не у кого?

— Не у кого, — смущенно призналась женщина. — И квартиру, и бизнес отобрали, даже мебель не дали.

— Зачем подлюшничала? — неприязненно спросил Васька.

— Все так! Время такое!

— Время оно всегда время! — проворчал Васька, смиряясь. Взял на руки дочку, она обвила его шею ручонками. — Поселим в горнице? — спросил отца. — Присмотрит за домом и картошкой. — Старик только махнул рукой, дескать, поступай, как знаешь.

— Но, чтоб завтра печать из паспорта вывел, и договор в сельсовете оформил: так и так, живет временно, без всяких прав.

— Выведем! — охотно согласилась Зинка, на глазах становясь всё той же Халдой и пройдой. Она прошла в горницу с чемоданом, нашла ведро и развела приборку во всём доме. Ночевала в горнице одна, дочка спала с дедом. Утром Зинка с Васькой поехали в сельсовет, перепуганная секретарша приняла их заявление задним числом и обещала отправить в город, в районную администрацию. Она тут же написала договор аренды, сама поставила председательскую подпись и заверила печатью. Вернулись они к полудню. Старик с внучкой мирно сажали картошку.

Вскоре Васька получил свидетельство о разводе и жирную печать в паспорт. Мужик, похожий на бульдога, с которым ездили в тайгу, вернулся в село, купил развалюху на другом краю возле дороги и начал строить кирпичный дом. Ему нужна была земля. Зинка стала крутиться возле Дачника, явно завлекая его передком. Нужно было косить сено в зиму и не здесь, а возле зимовья. В селе отцу с сыном делать было нечего. Среди лета и лютого гнуса они собрались в тайгу. Потянулся туда и разношерстный сельский люд, кто за прокормом, кто из-за того, что не в силах противостоять соблазну пьянства: водки в деревне было хоть залейся, без очередей, и даже давали в долг.

— Отпусти с нами дочку?! — попросил Васька Зинку. Та сначала сделала большие возмущённые глаза, но какая-то плутоватая мысль мелькнула в них, и сказала:

— Подумаю!

Она думала целый день и, к радости бывших пастухов, согласилась отдать дочь до школы. Васька купил ей сапожки и таёжный костюмчик. Магазин Дачника был богатым, не то, что прежнее сельпо. Продавщицей работала своя, деревенская женщина, одинокая, злая, с чёрными волосками усов в уголках рта. Скидала на прилавок вещи кучей, посчитала стоимость.

— Зинкину девчонку балуешь? — спросила, язвительно кривя губы в крапе морщинок. Принуждённо хохотнула:

— Тридцать три же мужика не желают знать сынка, а ты, значит, принял?

— Сколько мужиков старались не считать, а дочка досталась мне! — с такой же усмешкой ответил Васька.

— Дураком был, дураком остался!

— А ты сдохнешь злющей целкой, ни одного залетного кобелишку не прельстишь!

— Да у меня их было больше, чем у твоей Зинки, только ни одного путнего!

Едва они с землячкой обменялись любезностями, здесь же, в магазине, Васька столкнулся с соседом-Дачником, купившим дом у Зинки. Мужика с косицей на затылке потянуло на расспросы о таёжной жизни. Васька неловко стоял, двумя руками прижимая покупки к груди, неохотно отвечал. Сосед распорядился, чтобы продавщица принесла коробку и шпагат.

— Можете с отцом хорошо заработать! — наконец заговорил о деле: — Нужна медвежья шкура!

— На кой она тебе летняя? У них сейчас линька. Шерсть будет летать по всему дому.

— Зимнюю куплю! А пока ягоды, орех везите прямо сюда, буду покупать оптом.

Картошка была посажена, Зинка попросила земли под зелень, сделала грядки и что-то посеяла, она была работающей бабёнкой. Отец пропал где-то до полудня, вернулся в лёгком подпитии со своим старым разобранным ружьём, которое выкупил. Таня забавлялась с едва ползавшим щенком. Отец с сыном закупили продуктов, стали грузить лошадей. К дому напротив, с пластмассовой пальмой у крыльца, подъехал Дачник, остановил машину у ворот. Зинка переменялась в лице, отряхнула руки от земли, улыбаясь и поигрывая бедрами, выбежала за калитку:

— Семён Егорович! Мы теперь соседи! Помните меня? Это я вам продала свой дом, о чём теперь очень сожалею.

Дачник что-то буркнул в ответ и крикнул Ваське:

— Насчёт ягоды не забудь. Скоро уже. А там и орех.

— Не забудем!

Васька положил на шею кобылки перед седлом свёрнутый бушлат, усадил ребенка, сам сел в седло, располагаясь с удобством среди подвязанных мешков. Две лошади с всадниками выехали из села. Зинка, не оглянувшись, продолжала прельщать соседа.

Васька с отцом и дочкой прекрасно прожили таёжное лето с его гнусом, духотой и дождями. Девятилетняя девочка с отцом и дедом чувствовала себя хозяйкой: варила кашу, мыла посуду, прибиралась в бревенчатой избушке с широкими нарами, её лучшим другом был щенок, который заметно вырос и звонко тявкал, с ним она проводила всё свободное время. Едва подошла брусника, Таня с азартом стала собирать ягоду и набирала ведро наравне с мужчинами. Васька хвалил её и на глаз прикидывал, сколько денег она заработала, ей это нравилось. Девочка мечтала о платье для школы, рассуждала, как появится в нём среди одноклассников.

— А то? — подбадривал дед, скрывая усмешку в бороде. — Все ухажёрыпадают от такой красоты.

В конце августа Васька выехал в село на двух лошадях с дочкой и двумя четырёхведёрными горбовиками брусники. Дом был заперт на замок, внутри наведён порядок, хотя видно, что постоянно здесь давно не живут. Разгруженных лошадей он поставил на отдых в конюшню, ягоду в горбовиках занёс в сени. Наспех перекусив, отправились с дочерью по делам: получить пенсию отца за два месяца,

договориться о продаже ягоды. По пути им встретился подвыпивший Федька. На этот раз вместо аккуратного ёжика его голова походила на шар жёстких густых волос: жена не стригла. Гулял он обычно по три дня: первый для затравки, второй для веселья, третий — похмелялся. По его серому, усталому лицу видно было, что он завершает запойный кувырок. Федька пристально и тупо всматривался в лицо девочки, напомнил про жеребёнка.

— Месяца через три ждём приплод! Всё как договаривались! Не бракодел твой жеребец.

— Выпить хочешь? — спросил Федька мимоходом, посопел и неуверенно тряхнул головой: — Нет! Не моя! На тебя походит.

— Да уж теперь-то понятно, что не твоя, потому что моя! — усмехнулся Васька. Разговаривать с пьяным товарищем ему не хотелось, и дел было много, и дочь под боком. То, что Таня всё больше походила на него, уже говорили сторонние люди.

— А Зинка теперь в магазине работает! — сообщил Федька и, сутулясь, заковылял по пыльной дороге.

Зинка стояла за прилавком в белоснежном фартучке и наколке, с важным и процветающим видом. «Похоже, нашла очередного дурака, и слава Богу!» — подумал Васька, окинув её оценивающим взглядом. Покупателей было немного, все обернулись к вошедшим. Зинка раскинула руки и уточкой выплыла из-за прилавка:

— Доченька! Да что же ты в этих ремках и обносках? — не смогла не съязвить, но, видимо, обидела девочку, та стала уворачиваться от её поцелуев и объятий.

— Хозяин где? — равнодушно спросил Васька, будто они расстались час назад.

— Должен быть дома. Не видела, чтобы уезжал.

Денег не было. Считая, что сдал ребенка матери с рук на руки, Васька вышел из магазина, собираясь к почтальонке, но дочь выбежала следом, схватила его за руку:

— Что так быстро?

— Она на работе, ей некогда! — отмахнулась Таня и вкрадчиво напомнила: — А платье есть: с белым, и с чёрным фартучками, и туфельки чёрненькие. Но это ведь всё не мамино? Это хозяйина магазина?

— Да! Маме, как и нам, надо за всё платить.

— А вдруг купят платье, пока мы ходим?

— Могут! — Васька развернулся, и они вернулись в магазин. — Примерь платье, обувь к школе, что ей понравится, и отложи, — приказал Зинке. — Деньги у нас есть, только надо получить.

— И знаешь, сколько это будет стоить по нынешним ценам? — не сдержав обыденную неприязнь к Ваське, стала язвить и торговаться Зинка.

— На одежду заработали!

— Ну, смотри! — обычная беспричинная злоба уже кривила её губы, глаза знакомо блеснули как перед скандалом, и погасли, наткнувшись на Васькин пронизывающий волчий взгляд.

Первым делом он отправился к почтальонке и, к счастью, застал её дома, за швейной машинкой. Она вскинула глаза с гаснущим в них детским умилением.

— Всё кукол обшиваешь?

— Явился, не запылится, Халбанурчик! — Люся уже с обычным лицом поднялась навстречу гостю. При её голосе старая Васькина кличка прозвучала так ласково, что он потянулся к женщине. — Хотела сдать пенсию за прошлый месяц. Рискую из-за тебя работой. Что так долго не появлялся?

Легонько, не обидно уворачиваясь от его объятий, она достала из сумки бумаги, Васька расписался в указанном месте и крепче обхватил женщину за крутые бёдра. Тайную связь между ними Люся тщательно скрывала. Получив деньги, он сделал вид, что вышел из её дома, обогнул его дворами, пролез в тайную дыру забора и оказался на сеновале. Вскоре туда поднялась Люся, добрая безотказная душа, лучше всех знавшая деревенские новости, жалевшая Халбанурчика, при этом как-то умудрявшаяся работать с деньгами без растрат.

— Смешная ты! Вроде, баба в возрасте и в теле, и всё с куклами возишься! — удовлетворив первую страсть, откинулся на спину Васька.

— У тебя только мать пила! — со вздохом ответила почтальонка, — а у меня оба с отцом. Было так стыдно, я так плакала, так плакала. Одевали меня кое-как, и кукла была только одна. До сих пор храню её. — С болью в глазах всхлипнула и мотнула головой, отгоняя неприятные воспоминания, потом заговорила извиняющимся тоном: — Больше так не делай! Приезжай каждый месяц. Мне всё трудней покрывать вас.

— Постараюсь! — Потянулся Васька и в очередной раз завёл обычный разговор. — Бросала бы ты свою работу, да со мной в тайгу. Медведям всё равно кто старше, кто младше, лишь бы жить без споров и скандалов.

— В балагане, без зарплаты, без стажа, впроголодь?! Я так в детстве нажилась. И знала, что хороша собой, а другие не замечали, судили по одежке. И не было у меня как у них, ни первой любви, ни страстных поклонников. Да и ты... Пока дочке косички заплетаешь, жена тебе ни к чему.

— Напомнила! Танюшка ждёт в магазине. Нельзя обижать ребёнка.

— И я о том же. Нельзя! — смиренно вздохнула почтальонка Люся и встрепенулась вдруг от пришедшей в голову мысли: — А возьми-ка ты с собой мою сестричку?! Двадцать лет, а лицо как у прокуренной старухи. Вдруг там, на чистом воздухе поумнеет и выздоровеет. А что? Может у вас всё сладится. Она девка добрая.

— Свагачешь, что ли? — удивился Васька.

— Почему бы нет? С Зинкой жил?! Мать помнишь. Взять бы сестричку в жесткие руки, да в тайге, чтобы не бегала за дурью, может быть, и жена бы из неё получилась. И я замуж выйду, если спихну её с рук.

Васька озадаченно хмыкнул, ничего не ответил, ушёл, как пришёл двором и щелью в заборе. Дочка ждала, сидя возле магазина, с такой тоской в лице, что он устыдился долгого отсутствия, а она бросилась к нему:

— Сколько я заработала? Платье, туфельки, портфель... Мамка говорит, надо на зиму ещё куртку, шапку и валенки, а у неё нет денег.

— Губа не дура! — Встретила их Зинка в магазине с обычным раздражением. — Выбрала всё самое дорогое.

— Я деньги заработала! — слезливо вскрикнула дочка и обвела взглядом троих притихших покупателей.

— Вот и заплати, если заработала!

— Сколько? — хмуро спросил Васька.

Зинка с вызовом назвала сумму, чем слегка ошеломила бывшего муженька.

— Давай пересчитывать! — потребовал он, и стал выкладывать отобранные дочкой вещи, скинул на Зинку пристальный взгляд. Цифра уменьшилась почти на четверть.

— А зимой она в платье будет ходить? — вскрикнула.

— За зиму ты заплатишь!

— Ага?! Алименты за два месяца тоже я?

— Она жила со мной это время! — скрипнул зубами Васька, отсчитывая отцовские пенсионные деньги. Шлёпнул ими по прилавку, не требуя сдачи, подхватил под руку коробку с покупками, другой поймал дочкину ладошку и они вышли.

Машина Дачника стояла против его дома, возле ворот бывшего Зинкиного. Оставив девочку примерять обновки, Васька отправился к нему.

— Здорово, сосед! Бруснику привёз, как обещал. Восемь ведер. Забирай!

— Да её в этом году, что грязи! — тут же начал торговаться и сбивать цену сосед.

Васька постоял молча, буравя его глазами, затем развернулся.

— Ты куда? — окликнул Дачник.

— Продавать! — не оборачиваясь, равнодушно буркнул Васька.

— Да погоди! Я же не отказываюсь. Надо бы уступить против договора.

— Сколько?

Сосед назвал сумму.

— Деньги сразу? — Обернулся Васька.

Тот замаялся было, и он затворил за собой калитку.

— Выручку в магазине заберу и расплачусь. Давай ягоду посмотрим!

Ягода соседу понравилась. Измеряя вёдрами, они пересыпали её в пластиковые бочки, Дачник неохотно выложил деньги, напомнил про орех и медвежью шкуру, на том они расстались. Дочь встретила Ваську принаряженной, радостно улыбавшейся, лицо её розовело от счастья.

— Красавица! Жаль дед не видит! — Он подхватил её на руки. — Сама заработала, молодец! — Наугад вытянул из кармана несколько купюр. — Твои! Спрячь, мамке не показывай. Не отберёт, так выманит.

Дочь убежала показаться подружкам, но вскоре вернулась в слезах: у туфельек оторвалась пряжка.

— Блестящее дерьмо! — выругался Васька, рассматривая туфельку. — Ничего, починим, будет лучше, чем новая.

Вечером в его дом ворвалась Зинка, явно подученная кем-то, и стала требовать алименты за два месяца. Васька наотрез отказался дать деньги, тогда она, язвительно кривя губы, спросила дочку:

— Как мылась в тайге?

— В ручье и в бане! — с недоумением ответила девочка.

— И кто же тебя мыл в бане?

— Папка с дедом!

— Слышишь, что ребёнок говорит? Мыли в бане два мужика, конечно же, хватали за интим, развратники! За это теперь знаешь что?

До Васьки и дочки не сразу дошло, в чём их обвиняют. А когда дошло, он только плюнул и выругался:

— Дура припадочная!

Дочка в голос закричала:

— Они меня только намыливали, а все остальное я сама мыла.

— Ага! И причиндалами трясли при ребёнке. По нынешним законам за это знаешь что?

— Что? — неприязненно вскрикнул Васька. — Искони вся деревня парилась и мылась семейно. Что несёшь, стерва?! Не дам я тебе денег, не пугай.

Зинка выдернула дочку из-за стола, схватила за руку и перевела через дорогу.

— Вон с кем теперь живёшь?! — пробормотал вслед Васька. — Понятно, откуда ветер дует.

Ночь он провёл у почтальонки. Её сестры дома не было, и впервые случился у Васьки с Люсей откровенный душевный разговор, да таким ласковым голосом, что у Васьки млела душа.

— Не обижайся, Вася! Ты хороший, но не мой. Мне нужен мужчина постарше: и отец, и муж, и любовник, чтобы любовался мной, а я себя чувствовала рядом с ним девочкой... Ну, не было у меня этого в жизни, а ещё не поздно. Понимаешь?

И Васька увидел вдруг знакомую женщину доброй, наивной телушкой, ищущей ласки, которой бывший пастух ей дать не мог. Морща лоб, обиженно сопя носом, он хорошо подумал и с болью ответил:

— Понимаю! — На душе его даже полегчало.

И они, чуть отодвинувшись друг от друга, уже всерьёз стали обсуждать, как увезти в тайгу молодую алкоголичку и наркоманку. Другого спасения для неё старшая сестра не находила, а Ваське её предложение уже не казалось глупостью. На рассвете он тайком покинул свою полюбовную забаву и, наверное, первым в деревне, взялся копать картошку. Провозившись с ней три дня сряду, просушил, спустил в подвал. В последний день августа сбрил отросшую бороду, приделался в городское тряпье, купленное для развода, проводил в школу нарядную, довольную собой дочку. Был солнечный день, Таня стояла в ряду одноклассников на торжественной линейке. Васька любовался ею, и почти прежняя, но с грустинкой улыбка играла на его выбритых губах. Махнув дочери, он вернулся домой, переоделся и стал собираться в тайгу.

Рано утром, на кобыле, с отцовским мерином в поводу, грузённым продуктами, он открыто подъехал к дому почтальонки. Её двадцатилетняя сестра была в состоянии овоща: с разинутым ртом, мутными невидящими глазами, растрёпанном мочалом волос она полулежала одетой в кровати. Вдвоём с Люсей они подхватили её под руки, выволокли из дому и забросили на круп удивлённо затоптавшейся кобылы. Пока почтальонка придерживала сестру, Васька вскарабкался в седло, подвизал девку ремнями к своей спине и под насмешки встреченных земляков направил коней к зимовью.

Добрался он к отцу только на третий день, через две ночи, вымотанный, еле держался в седле. К его кобылке была привязана волокуша, на которой тряслась и стонала растрёпанная пьяная девка. Из-под крыльца выскочил подросток щенок и закрутил пышным лисьим хвостом, как вертолёт лопастями. Он уже оформлялся в вид мешаных домашних собак маломерок.

— Чо за чудо-юдо? — удивился отец, уставившись на полуживую девицу.

— Да вот, дурная голова! Связался! — сквозь зубы выругался Васька, спешиваясь с прядавшей ушами кобылки. Он освободил привязанную к волокуше девку, поставил на ноги, подхватив под руку, доволлок до нар в зимовье и разул. Постанывая, она улеглась носом к срубам и засучила босыми ногами с чёрными, потрескавшимися пятками.

— Упростила почтальонка увезти подальше от блатной компании. Сперва болталась у меня за спиной как мешок с дерьмом, потом орала, царапалась, после и вовсе помирала, хотела зарезаться. Напою водкой — немного успокоится, дольше стояли, чем ехали, литру дорогой выжрала.

— Мне-то осталось? — хмуро спросил отец и неодобрительно качнул головой: — На кой связался?

— А спроси дурака? — опять выругался Васька. — Загрузил сонную, думал такую и привезу, здесь отойдёт, очухается, глядишь, выживет, да ещё нормальной бабой станет.

— Я тоже так думал, когда с твоей матерью возился. Не ждал, что и ты на ту же мякину клонешь. Видать судьба у нас.

— Ну уж, судьба?! Насмотрелся я на неё! На такую домкратом не поднимешь. Пусть поживёт, там посмотрим. Увезу обратно и все дела.

Отец с сыном распрягли и отпустили коней, распили бутылку: один с устатку, другой от радости встречи, Васька с кряхтением влез на нары, лёг рядом с девкой и укрылся армейским бушлатом. Вскоре он проснулся. Ещё не стемнело, отец мажугался, а Лизка бегала вокруг зимовья и орала.

— А ну её! Никуда не денется! — Васька заткнул уши и снова уснул.

Спал он до утра, проснувшись, удивился странной тишине: поблизости не было ни отца, ни девки. Поднялся, раздул очаг за порогом, повесил чайник над огнём. Отец вернулся едва ли не к полудню, за ним понуро брела Лиза.

— Ушла в тайгу среди ночи, заплутала. Едва нашёл! — проворчал отец, устало опускаясь на колоду.

Лиза от пробежки по тайге не покрасивела, лицо было таким же одутловатым, но в глазах появилось что-то вроде мыслей и совести.

— Отпустите меня! — жалобно всхлипнула. — Я — беременная. Зачем вам такая?

— Кашу варить, в избе прибирать! — строго глядя на неё, учительским тоном объявил Васька и добавил: — Насиловать тебя никто не будет.

Отец поддержал сына:

— Коли беременна — рожай! Я у кобыл роды принимал, тебя как-нибудь выхожу... Вот, набьём ореха и отвезем обратно. Поможешь шелушить, денег дадим, не обидим.

Уверения мужчин, кажется, немного успокоили Лизу. Она посидела, болезненно морщась и обхватив голову руками, попила воды и улеглась на прежнее место. Утром отец с сыном верхами уехали в кедрач, вернулись вечером с мешками шишек, притороченными к седлам. В избе было прибрано, в чёрной кастрюле стыла пшённая каша. На веревке висели выстиранные рубахи. Да и сама девушка выглядела приличней: на макушке хвостик, по вискам два крылышка волос, вздёрнутый задиристый носик.

— Во, вижу бабу в дому! — похвалил её отец. — А то крики да вопли. Будешь орех шелушить, получишь четверть с выручки. У нас всё честно.

С неделю всё шло как по расписанию. Мужчины приезжали вечером с шишками. Ужин был готов, чистый орех ссыпан в ларь, срубленный охотником рядом с зимовьём. Руки девки были черны от смолы, но она посвежела и даже покрасивела.

— Хозяйка! — хвалил её отец, и лицо Лизы розовело от удовольствия. Она перестала бояться бывших пастухов, уже не шарахалась от них, не глядела со страхом и мольбой, без опаски мылась в бане, а после того с мокрой головой в одной рубахе щеголяла перед ними стройными ногами. А мужчины стали оставлять в избушке ружьё с патронами, научили стрелять, чтобы защититься от зверя, злого человека, и дать сигнал им, работающим в кедраче. Все были довольны друг другом, но случилось несчастье.

Упала сухостойная лесина. Обычное дело в тайге. Падала она в десяти шагах от отца, сидевшего на коне, верхушкой в сторону от него. Он сразу не понял, от-

чего его подбросило вместе с конём, а потом шибануло о землю. Огромная, в три обхвата, лиственница с маху рухнула на хлыст, прятанный в траве, он подскочил с неожиданной силой под брюхом мерина, швырнул коня и всадника, да так, что мерину сломал хребет, а старик оказался под ним.

Когда Васька подбежал, конь жалобно ржал и скрёб землю одним копытом, отец не подавал признаков жизни. Вытащить его из-под туши сын не смог, пришлось прирезать коня, чтобы не мучился, при помощи жердины он перевернул тушу с боку на бок, освободил недвижимого отца, ноги его оказались под хлыстом. Пришлось повозиться и с ним, прежде чем Васька убедился, что отец жив. Старик пришёл в себя. На торопливые расспросы сына пробормотал: «Всё болит! Похожони у зимовья!» Но везти его в зимовьё не было смысла. «Надо в больницу!» — подумал Васька и стал торопливо соображать, как погрузить отца на кобылку, и можно ли? Вдруг переломлен позвоночник?!

Верёвка была. Он быстро соорудил волокушу из молодых осинок, потника и мешков, осторожно уложил на неё больного, повесил отцовский зауэр на сучок сосны, взял кобылку под уздцы и повёл в сторону села. На фельдшерский пункт он привёз старика живым. Сестра уколола его обезболивающим, распорол штанины, сказала, что нужно делать рентген, и позвонила в городскую скорую помощь. Васька оставил свою кобылу у Федьки. Не заходя домой, в чём был, хотел ехать в город на скорой помощи, но врач, окинув взглядом разбитые сапоги, штаны, испачканные смолой, посоветовал сперва переодеться.

Машина с отцом ушла. Васька кинулся домой, переоделся и уехал в город на автобусе. Отец был жив, его готовили к операции. Только тут Васька понял, что ему придется задержаться не меньше чем на неделю. Денег от брусники оставалось только на хлеб, город требовал их в непомерном количестве за всякую мелочь. Пришлось вернуться в деревню. Дачник под набитый, но не везенный орех денег не дал, Зинка на его просьбу только злорадно посмеялась: не те, мол, времена, чтобы давать займы, теперь каждый за себя. У Люси денег не было, она жила скромно от зарплаты до зарплаты, которые постоянно задерживали. Федька жил хозяйством, менял урожай на продукты и вещи. Его жена постоянно жаловалась и корила мужа за безденежье.

— Нынче бедность не только порок, но и признак тупости! — изрекла она в спину Ваське, уходившему от друга ни с чем.

Ничего не оставалось, как воспользоваться намеком Дачника и продать ему кобылу. Но Васька не продал её, а заложил за полцены до возвращения долга. Знакомая волна мурашками пробежала по телу, едва он взял в руки деньги и обернулся к лошадке. Ему показалось, что на её глаза навернулись слезы. Но город не тайга, одинокий старик был там беспомощен. Васька побежал к остановке автобуса и только через неделю привез загипсованного отца. Тот скрежетал зубами и матюгался от зуда под гипсом. Едва лёг на свою выставшую кровать, вскрикнул:

— Васька! Ташшы топор, руби эту гадину!

— Терпи, батя, терпи! — утешал его сын, а сам мучился одной думкой: как там, в зимовье, Лизка?

Когда случилось несчастье с отцом, продуктов оставалось с натягом дня на три, но было с полмешка муки в лабазе и орехи. С тех пор прошло почти две недели. Жива ли? Васька договорился с дочкой, чтобы навещала деда, оставил ему деньги на житьё, купил продуктов, две бутылки водки, уложил всё в рюкзак и, с холодком под сердцем, ушёл в зимовьё пешком. Была середина сентября, желтели

берёзы и осины, пламенели лиственницы, чуть приметную тропу выстилала листва и сухо шелестела под ногами.

На подходе к зимовью залиvisto залаял Тузя. Пёс ещё больше стал походить на лисёнка с длинным пушистым хвостом, всё откровенней в нём вырисовывалась беспородная мешанина мелких домашних собак. Дверь была подпёрта посошком, девчонки не было. Васька со страхом вошёл в избу. Она была прибрана, постели свёрнуты и покрыты спальным мешком. Печка оказалась теплой, в кастрюле из жирного отвара торчала лапа глухаря. На столе, прикрытые чашкой, — пресные лепёшки. Если Лиза и ушла в село, то не раньше чем в полдень. Васька разгрузил тяжёлый рюкзак, устало откинулся на нарах и задремал.

Вскоре послышались шаги. Он протёр глаза, сел. Вошла Лиза, окинула Ваську разъярённым взглядом, молча сбросила с плеча старую отцовскую двустволку. Дальнейшее он почувствовал, схватил со стола две бутылки водки и прикрыл ими грудь. Стволы дрогнули и медленно опустились.

— Всё объясню! Только успокойся. Выпей! — свернул пробку с бутылки и налил водки в кружку.

Она резко поставила ружьё в угол.

— Ну и мудаки, ну и сволочи! А я то, дура, думала, первый раз встретила нормальных мужиков. — Шевельнув чуткими ноздрями, понюхала водку, затем, зычно клякая, выпила, и резко стукнула по столу пустой кружкой: — Весь мир дерьмо, все люди сволочи!.. Дай закурить!

— Ты сначала выслушай, что случилось! — Васька плеснул в свою кружку пару булек, выпил и стал рассказывать об отце.

Девчонка слушала, подливала себе, добрела, потом расплакалась, растирая по лицу пьяные слёзы.

— Думала, нарочно бросили!

— Зачем нам тебя бросать с добытым орехом?

— Думала, сестра заказала. Я ей жизнь портила. Она красавица, а я уродина! Это справедливо, да?

— Кто тебе сказал, что ты уродина? Трезвая очень даже ничего, — Васька попытался утешить разговорившуюся девицу. Она зарыдала громче и отчаянней, уткнувшись ему в плечо. Язык её заплетался, она быстро опьянела и стала мотаться ко сну. За стенами темнело.

«Вот и славно!» — подумал Васька, зажёл керосиновую лампу, вышел, умылся у ручья. Ныли ноги, ныла спина, стёртая рюкзаком. В избе было прохладно. Он пожевал принесённого хлеба, запил холодным отваром глухаря, раскинул матрас, укрылся одеялом и с удовольствием вытянулся после трудного дня, радуясь тому, что все его заботы кое-как уладились.

Лиза разбудила его при первых признаках рассвета в оконце. Она уже приложилась ко второй бутылке, была весела, насмешлива и желала поговорить.

— Очухался, Халбанур! Отчего тебя так прозвали?

— История давняя и глупая! — зевая, потянулся Васька. — Когда-нибудь расскажу.

— Чудные вы с отцом! Отчего вчера пьяную не трахнул? Противная, да? Четвёртый месяц с вами, и хоть бы что. Знаю, некрасивая. Противная, да?

— Я одну по пьянке трахнул, до сих пор деньги с меня тянет! — отмахнулся Васька, не желая вступать в скользкий пьяный разговор.

— Знаю! В деревне говорят, чужой дочке лучше родного отца, а я своего и не видела. А от меня не хочешь ребёнка?

Слова эти так напомнили Ваське пьяные перебранки матери с отцом, что он невольно скривился и мотнул головой, но надо было что-то ответить и при этом не обидеть.

— Был бы рад и двойне, но чтобы зачаты и выношены по трезвянке. Не так!.. Может, хватит, с утра на старые дрожжи? — Кивнул на початую бутылку.

— Четвёртый месяц в лесу, как кикимора в обнимку с Тузей... Душа просит веселья, — девка явно подначивала Ваську.

Он понял, что завтрака не дожждётся, растопил печку, поставил чайник, вышел осмотреть хозяйство и резко остановился возле ларя, срубленного отцом. Его брёвна были подогнаны так, что в щели не могли пролезть мыши и бурундуки, дуреющие от запаха ореха. Но кровлю явно пытались взломать. На ней остались следы медвежьих когтей и кровь.

Васька быстрыми шагами вернулся в зимовьё. На печке кипел чайник, пьяная Лиза спала сидя, облокотившись на стол. Бутылка была недопита. Васька убрал её, подменив вчерашней порожней, приготовил завтрак, переломил старое отцовское ружьё, остававшееся у Лизы. Стволы были черны от нагара. Васька почистил их, смазал замок и стал ждать, когда проснётся юная алкоголичка. Наконец, она подняла голову, потянулась к бутылке, уставилась на неё и удивлённо заморгала:

— Неужто всю выжрала, алкашка хренова?!

— Я не помогал! — смешливо пожал плечами Васька и спросил в упор: — В медведя стреляла?

— Стреляла! Тузя лаял ночью, я вышла, пальнула, он убежал!

— Повезло дуре! Рядом ходит подранок, а ты шляешься по тайге.

— Так я же с ружьём!

— Ему твоё ружьё, что соломина. По нужде ходи в конюшню и дверь запирай.

— Щас, пойду! — приподнялась девка. — Пусть сожрёт уродину, стыдобина такой жить даже в лесу, не то, что с людьми.

К вечеру Лиза протрезвела, Васька узнал, что она стреляла наугад, с испугу, не разглядев, толком не зная в кого. Утром посмотрела, ларь был цел, больше к нему не приближалась, по лесу ходила без боязни.

— Зачем напоил? — вдруг набросилась на Ваську с упрёками. — Так хорошо было. Как спала! Утром радовалась: похмелья нет, дыхание без табачной вони...

— Застрелила бы меня сдуру, ни за что, — отшутился Васька. — Те, что сперва стреляют, потом думают, обычно сидят по тюрьмам. Тебе это надо? Переболеи последний раз. Больше не принесу.

— Может быть, мне в самом деле остаться здесь? Придём в село, сдадим орех, алкаши узнают, что у меня деньги, будут приставать, — печально рассуждала. — И сестру жалко. Из-за меня холостякует.

— Решай сама! — соглашался Васька. — Орех я и один вынесу. Правда, без лошади не быстро... Схожу к бичу-соседу, у него есть нарта. Снег выпадет, выведу, расплачусь за кобылу, привезу продуктов, тебе вместо водки сладостей всяких, таёжную одежонку.

Наказав не выходить из зимовья, Васька с отцовским ружьём отправился в кедрач. Шёл осторожно, опасаясь медведя подранка. На подходе к месту среди кустарника серой лентой мелькнул знакомый покалеченный волк. Отцовский мерин был изрядно погрызен, брошенные мешки с шишками пусты. Кедровки, бурундуки, белки и мыши опорожнили их. Погрызена была и кожа на седле. Васька перекинул через плечо отцовский заур, висевший на прежнем месте, с двумя ружьями и седлом направился обратно к зимовью.

В избе было чисто. Лиза, получив наказ не выходить за дверь, видимо, маялась от скуки и отчистила до блеска кастрюлю, чайник и кружки.

— И жена из тебя могла бы быть хорошая! — похвалил её Васька. — Всего ничего, брось пить, курить, травить себя дурью, и всё в жизни наладится.

Лиза зарозовела и похорошела от похвалы, похмельная одутловатость прошла. Васька отметил про себя, что она не такая уж и дурнушка, как ему сперва показалось.

— Завтра схожу к соседу за нартой. Снег выпадет, нагрузимся и пойдём в село. — Повторился: — Даст Бог, выкуплю кобылу и вывезу остальную орех. Приоденем тебя, выдадим замуж.

— За кого? Там одни алкаши! — огрызнулась Лиза и бросила на Ваську прищёпленный ласковый взгляд.

— Тогда за себя возьму. А что? Проверенная таёжница, не какая-нибудь стерва вроде Зинки.

Ночью он мучился, что сказал очередную глупость. Она тоже долго не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок. Но потянуться друг к другу они так и не решились. Утром редкий снежок припорошил местами еще зелёную траву, рассвет был прохладным. Васька сунул в рюкзак выпеченную булку хлеба, сахар, надел поверх рубахи старый, дырявый на локтях свитер. Подумал, возможно, придется ночевать у костра, надел поверх него меховую жилетку и солдатский бушлат, накинул на плечо отцовский зауэр. Наказав Лизе не отходить от зимовья, оставил её со старой двустволкой и ушёл за нартой к соседу, такому же таёжному бичу Серёге. Вернуться он обещал на другой день к вечеру.

Выдался ясный денёк. Желтый лист был сырым, перемежался островками раннего, не стаявшего снега и не шуршал под ногами. Гнуса не было, воздух сладко припахивал прелью листвы. Васька настороженно прислушивался к звукам тайги, неспешно шагал с тихой радостью в душе. В полдень он перекусил возле холодного ручья с ледком у берегов. После полудня увидел издали, что над Серёгиной избушкой курится дымок. К счастью, сосед был дома, чему Васька очень обрадовался. Он вошёл в сумерки жилья и после солнечного денька со снежком сначала услышал, только потом разглядел хозяина за столом. Серёга страстно резался в карты с каким-то незнакомцем, который сперва показался Ваське тощим безбородым юнцом. Серёга, азартно хохоча и повизгивая, обернулся к неожиданному гостю:

— Васька?! — мимоходом ответил на приветствие. — Чайник на печке, отдохай или садись с нами третьим.

Играть в карты Ваське несколько не хотелось. Он сбросил рюкзак и шапку, распахнул бушлат и жилетку, приставил ружьё к стенке, внимательней рассмотрел незнакомца, сухощавого, как юнец, светло-русого мужика лет тридцати пяти с гладким безбородым лицом и тонким носом. Поймав его мимолётный взгляд, отметил про себя мутные от ярости глаза и что-то крысиное, наверное, чуть оттопыренные уши. Он уже привыкал, что после выстрела по Лисапеду люди напоминают ему зверей и животных. От шуток и подначек Серёги и без того бледное лицо Крысы то еще больше бледнело, то наливалось кровью. Что-то знакомое было в нём, напоминавшее кого-то из пограничного отделения.

— Бита! — вскрикнул сосед. — Что у тебя? Пятью картами по носу или по ушам?

Васька подошёл к печке, выискивая глазами свободную кружку, хотел налить чаю, слышал, как за спиной с восторженным хеканьем сосед лупил картами го-

стя. Вдруг внутренняя дрожь нехорошего предчувствия мурашками пробежала по спине. Он резко обернулся. Смешливое лицо Серёги наливалось недоумением и испугом, Крыса держал в руках Васькин «зауэр». Васька бросил в него горячий чайник, выскочил в дверь и услышал приглушённый выстрел.

Пригибаясь к земле, он со всех сил бежал к деревьям под их защиту. Оставалось совсем немного. Второго выстрела не слышал, только почувствовал удар по спине такой силы, что ему показалось, будто он на несколько метров взлетел над землёй. Боль ощутил позже, а в тот самый миг в голове мелькнула только одна глупая мысль: «Так вот, что чувствует подстреленный заяц!» Спину охватило огнём, он кувыркнулся, но вскочил на ноги, добежал и скрылся среди деревьев.

Патрона в ружье было только два редкого двадцатого калибра, остальные в кармане бушлата. У соседа — мелкашка. Его ружья в избе Васька не заметил. Лихорадочные мысли проносились в голове, вычисляя степень опасности. Помогли армейский бушлат и жилетка. По ощущениям Ваське достался заряд картечи. Значит Серёге — пуля. Шапка и рюкзак остались в доме, нож на поясе. Васька нащупал его и, цепляясь руками за ветки, стараясь не оставлять следов, претерпевая жгучую боль в спине, продолжал уходить в сторону своего зимовья.

Где ползком, где на четвереньках, он пробирался всю ночь, полагаясь на полнолуние и своё чувство направления. Путь от ориентира до ориентира казался ему непомерно долгим. Полежав на животе до озноба, он снова поднимался и несколько раз встречался с пристальным взглядом Лисапеда. Может быть ему так казалось, но калека преследовал его, не решаясь напасть. Стоило Ваське прилечь на сырую землю, он подходил ближе, скакал кругами, шурша листвой, подмороженной ночной стужей. На рассвете, чуть живой от боли и усталости, Васька услышал беспокойное и залиvistое тьякванье Тузика. На этот звук он и добрался до своей избушки. Дверь была заперта. Без сил полежав у порога, Васька заколотил в неё лбом, услышал испуганный голос и щелчки курков:

— Кто там?

— Я это, я! — просипел сухим языком.

Дверь приоткрылась, он перекинул руку за порог, вполз и вытянулся на тесовом полу между печкой и нарами.

— Кто тебя? Медведь? — испуганно вскрикнула Лиза.

— Раздень! — простонал он.

Она стала больно выворачивать ему руки и стягивать одежду. А он, то и дело теряя сознание, радовался, что добрался до жилья и теперь не один.

— У тебя свитер в крови! Кто тебя так? — хлюпала носом Лиза.

Васька приподнялся на четвереньки, подполз к нарам.

— Всё снимай! — Подождал, когда она оголит спину, стянет сапоги и мокрые штаны, вполз на матрас и на некоторое время потерял сознание.

— Дура я дура! — услышал её стоны. — Выжрала водку. Сейчас бы протереть. — Стала стягивать с него трусы. — Замочить надо, всё в крови.

— За печкой, под камнем полбутылки! — подсказал Васька, куда спрятал недопитое.

Она нашла, зажгла лампу, намочила какую-то тряпицу, склонившись и подсвечивая себе, стала протирать спину, раны защипало.

— Одну дробину хорошо видно! Чем бы зацепить?

— В аптечке на полке бинт, вата, йод и пинцет для клещей. Можно ножом, чем ещё? — подсказал он. — Сполосни в водке. Сколько там дырок?

— Восемь!

— Кучно! Одна только мимо.

— Вот! Ещё одну вижу!

— Тяни! Или попробуй выдавить!

— Это же больно. Не могу, мне плохо! — Лиза разрыдалась. Никогда не могла видеть чужую боль.

— Выпей водки!

— Нет! — резко вскрикнула. — Лучше ты! Может и мне станет легче. Я наюхалась.

Она налила в кружку, Васька выцедил её как воду, оставив на примочки.

— Потроши, давай! Не жалей!

Она, со слезами и стонами, вытащила половину угодившего заряда. Важные органы выстрел, похоже, не повредил. Двигаться Васька мог. Лиза прикрыла его одеялом. По-волчьи, часто просыпаясь, он даже поспал на животе. К утру одни ранки стали затягиваться и сохнуть, другие воспалились. Лиза опять ощупала спину, выковыряла с гноем еще одну картечину. Потом натопила баню, нагрела воды, привела туда Ваську под руку, и помогла ему помыться. Мокрый и чистый, он снова лёг на выстиранный вкладыш спального. Едва обсох, вернулась она в одной мужской рубашке, накинутой на плечи, с мокрыми висюльками волос, сквозь которые просвечивали жалостливые глаза. Сбросила рубашку, обнажённая растянулась рядом и пожаловалась:

— Почти совсем нет груди, даже на первый размер не тяну: доска два соска как у мужика. А у Люськи хоть на обложку журнала. В детстве, когда мылись в бане, смотрела и думала, что у меня такие же будут. Кого там?! За что меня так?

— Зато попочка классная! — Васька шлёпнул её по ягодичкам. Она всхлипнула, ткнулась носом в его плечо, потом просунула руку ему под шею, припала своими теплыми мягкими губами к его выстывшим, напряжённым от претерпеваемой боли, и как змея вползла под него...

— Ну, вот! Давно бы так! — освободилась и перевела дыхание. — Одни учёные пишут, что секс — лучшее лекарство, другие — что вредная перегрузка.

— Ты же говорила, что беременна!

— Врала! Боялась, будете насиловать. А вы с дедом хорошие, я таких не встречала... Тебе хорошо было со мной? — Вскинула голову.

— Хорошо! — пробормотал Васька носом в подушку. — Только зачем так кричать? Всех зверей распугала и Тузю.

— Ну, ладно, не буду, — она удивлённо пожала худенькими девичьими плечиками. — Говорят, мужикам это нравится.

Васька задремал, Лиза оделась, подкинула дров в прогоревшую печку, наспех залатала иголкой следы выстрела на бушлате и свитере, потом застирала кровь, стала сушить одежду над печкой. Васька провалялся на нарах ещё день, раны ныли и нестерпимо чесались, пришлось собираться в село. Шапки не было, он надел отцовскую. Не надеясь добраться до дома за день, связал и приспособил лямки к спальному мешку, примерил его на спину спутнице, спрятал отцовскую двустволку и патроны. Едва забрезжил рассвет, они подперли дверь посошком и отправились к людям. Тузик увязался было следом, но в сотне шагов от зимовья озадаченно остановился, опасливо повёл по сторонам лисьим носом и развернулся в обратную сторону.

— Тузя! Пойдём с нами! — поманила его Лиза. Пёс обернулся, вильнул длин-

ным хвостом, дескать, я домашней породы, мне шляться по тайге не положено, и засеменял под крыльцо, где у него была нора со старой телогрейкой.

Болела спина, кружилась голова. Наверное, из-за потери крови Васька быстро уставал и вис на ветках деревьев, чтобы перевести дух, потом снова шагал впереди спутницы. В сумерках они были километрах в десяти от села. Посидели у костерка, отдохнули, вздремнули, снова побрели. Приволоклись домой перед утром. Окно отцовского дома светилось, дверь была не заперта. Васька с Лизой ввалились в теплое протопленное жильё и попадали без сил на топчан.

— Слава те Господи! — Приподнялся на кровати отец. — Заждался. Что так долго?

— Подстрелили Васю! — со слезами пролепетала Лиза.

— Кто так? — встрепенулся отец.

— Утром расскажу, сил нет, — тяжело дыша, пробубнил Васька.

Лиза, полежав рядом с ним на узком топчане, сползла на пол, разделась и стала стаскивать с него сапоги, потом бушлат.

— Поди, голодные? — спросил отец. — Хоть чайник поставь.

— Потом, всё потом! — Лиза вытянула из-под Васьки одеяло, укрыла его и стала моститься рядом. Отец насмешливо хмыкнул:

— Тесно же там! Ложись со мной.

— Нет! С Васей лучше.

Вскоре она поднялась и растопила печку, а из соседского дома прибежала Таня, уже одетая в школу.

— Только собралась деду печку топить, кашу варить, гляжу дым из трубы, — бросила на кашеварившую Лизу ревнивый взгляд.

— Садись с нами завтракать! — та ласково пригласила девочку к столу, но Таня с портфелем в руке продолжала стоять у порога, переводя недоуменный взгляд с отца, неловко поднимавшегося с топчана, на Лизу и деда.

— Подранился батька! — кивнул ей он. — Ничего, одыбает!

— Медведь? — испуганно спросила девочка.

— Вроде того! — принуждённо улыбнулся ей Васька. — Проходи, что стоишь?! — Сам подошёл к умывальнику, неловко присел, не сгибая спины, застучал соском.

Завтракали молча. Едва дочка ушла, Васька рассказал отцу, что случилось.

— Ты, егоза, никому ни слова, если не хочешь, чтобы Ваську посадили.

— За что? — вскрикнула Лиза, удивлённо вскинув светлые с рыжинкой брови.

— А за то! Стреляли из нашего ружья, в избе остались Васькина шапка и рюкзак. Участковый мент новый, пришлый, разбираться не будет, ему надо план выполнять, спихнуть всё на первого подвернувшегося и получить премию. Меня уже три раза пытал, отчего да как ноги переломал, и всё копал под Ваську... И ты! — строго наказал сыну, — влез на кедрину, какой-то дурак попутал с медведем, пальнул и убежал. Ничего не видел, ничего не знаю. Всё! Оклемаешься, сходишь к Серёге, приберёшь всё. Пока ещё хватятся... И хватятся ли?!

Местная фельдшерица наотрез отказалась вынимать картечины.

— Это операция, у меня нет разрешения!

— Ты же заканчивала училище! Что стоит вспороть рану и вынуть. Будь они у меня на животе, сам бы сделал.

Но женщина только мотала белым колпаком и водила по сторонам испуганными глазами. Потом позвонила в городскую больницу:

— Скорую за тобой не пришлют, езжай на автобусе, а хирург примет без очереди.

Ехать Ваське пришлось стоя, на тряской дороге сидеть было нестерпимо больно. И к хирургу пришлось выстоять очередь. Молодой, весёлый, но уже лысый мужик поцокал языком, рассматривая и прощупывая спину, спросил:

— За обезболивающее заплатишь?

— Сколько? — настороженно спросил Васька. Названная цена была ему по карману.

Врач тут же на кушетке обколол раны, недолго повозился. Одна за другой в склянке звякнули картечины, которыми не так давно Васька сам заряжал патрон.

— Повезло тебе, парень! Позвонок цел, ни один нерв не задет. Тут вот только что-то неладно, — постучал холодной железкой возле лопатки. — Потерпишь? Или ещё обезболивающее?

— Потерплю! — согласился Васька.

Хирург расшевелил рану, которая сильно чесалась. От боли лицо пациента покраснело испариной, но длилось это недолго.

— Вот! — врач сунул под нос Ваське окровавленный пинцет. — Нитки или вата. Кто эти дробины вытягивал?

— Жена, ножом выковыривала.

— Оно и видно! Кто тебя так?

— Один дурак попутал с медведем.

— Бывает хуже!

Хирург залепил раны пластырем и, к удивлению Васьки, отпустил его.

— Что? Можно домой?

— Езжай, если сможешь, или в городе ночуй. Если что, обращайся.

Ещё можно было успеть на вечерний автобус. Наркоз проходил, раны ныли, но это была уже другая, легче переносимая боль. Вот только вечерний автобус обычно набивался до предела, а толкаться за место Васька не мог. К счастью на остановке оказался Федька с сумками. Увидев осторожно подходившего Ваську, он хохотнул и шмыгнул длинным носом:

— Ты чего, кол проглотил?

— После операции. Помоги влезть!

Он все-таки доехал до деревни, на этот раз сидя: Федька вытребовал ему место.

— Ну и как? — спросил, помогая высадиться.

— Чуть не уссался!

На остановке стоял молодой участковый в форме, с погонами старшего лейтенанта, с синей папкой в руке, пристально, с начальственной важностью высматривал прибывших. Местные жители испуганно шарахались от него. Федька с сумками, бросив дружка, зарысил к дому против магазина Дачника. Васька почувствовал, кого поджидает участковый, и не ошибся. Тот взял его за локоть, назвал фамилию и потребовал паспорт.

— Пройдём в участок! — приказал.

— Не могу! После операции и автобуса мне бы добраться до ближайшей лавки, — потянул милиционера к крытой остановке, с кряхтеньем улёгся на отшлифованную штанами сидуху.

— Могу лежать только на животе. Чего тебе?

— Придешь утром, в девять ноль ноль, — участковый положил в папку Васькин паспорт, который держал в руках.

Васька отлежался, пока не стало знобить. Предоктябрьский вечер был сухим, но прохладным. Потом он поднялся и осторожно зашагал к дому.

Дочка выбежала на крыльцо, кинулась к калитке, едва заметила его на улице. Она была всё в том же школьном платье, видимо, после занятий оставалась у деда и делала здесь уроки: на столе были разложены учебники и тетради. Лизы в доме не было.

— Думали, заночуешь в городе! — радостно приподнялся с подушки отец. Он всё так же лежал на кровати. — Как? Подлечили?

— Вырезали! — Васька осторожно снял куртку, разулся и с облегчением вытянулся на топчане.

Из кастрюли на печи шёл мясной дух борща. Только тут Васька вспомнил, что не обедал: как перекусил утром, так и провёл день.

— А Лизка где? — спросил.

— Сварила вкусный борщ, — дочь присела на край топчана. — Я вернулась из школы, дед дал ей денег, пошла в магазин... — Помолчав, смущённо добавила: — А она хорошая!

Васька с пониманием промолчал. Отец, оправдываясь, пробубнил:

— Сам-то, кого там?! На костылях до нужника и обратно.

— Вольному воля! — Васька осторожно перевернулся на бок и поморщился от боли. — Доченька, налей-ка мне в чашку, я лёжа поем.

Уже в сумерках, возвращаясь с работы, в дом зашла Зинка. Вид у неё был усталый. Она окинула равнодушным взглядом лежавших мужиков и приказала дочке:

— Собирайся! Пойдём домой.

Девочка нехотя стала складывать в портфель книги и тетради.

— Поговори со своим! — попросил её Васька. — Пусть даст кобылу вывезти орех. Пара центнеров чистого. Вам прибыль, мне облегчение.

Зинка ничего не ответила, взяла дочь за руку, и они вышли. У Васьки поднималась температура, его знобило. Он с трудом поднялся, накидал на топчан одежды и завернулся в неё. Ночь прошла в кошмарах. Утром ему стало жарко, на теле выступила испарина, и он с облегчением уснул.

Проснулся от того, что участковый тряс его за плечо, а отец в голос ругал милиционера, призывая к совести. Васька приподнял голову, с трудом сел, спустив ноги на пол.

— Уже десять! Обещал в девять! — пристально вглядываясь в его лицо, будто выискивая на нём следы пьянки, объявил участковый.

— Болею! — коротко ответил Васька.

Милиционер придвинул табурет, сел напротив, достал лист бумаги из папки, паспорт, авторучку из кармана и стал писать. Потом, вскинув голову, спросил:

— Давай по порядку! Был в заключении?

— Нет!

— Что произошло?

— Влез на кедрину, сбивал шишки, как долбанёт по спине, в глазах потемнело, чуть не слетел вниз, но зацепился за ветку. Гляжу, браконьершишка бегом от меня. Всё! Спустился и на карачках пополз к селу.

— Смог бы узнать стрелка?

— Видел издали, мигом... Тощий, на пацана похож, — вспомнив Крысу, пожал плечами. — И добавил. — Видел только со спины.

Участковый вытянул из папки фотографии мужчин: фас и профиль. Васька сразу узнал картёжника-стрелка по худощавому лицу, тонкому носу и длинной шее, подумал: «Скажу, затаскают!» Неуверенно покачал головой:

— Говорю же, со спины только видел.

— Ну, а кто из них больше похож?

— Пожалуй, этот! У этого шея короткая, — ткнул пальцем, — у этого голова большая.

— Этот самый бежал из СИЗО, и его видели в соседней деревне. Возможно, скрывается в наших местах.

— И за что упрятали? — равнодушным тоном спросил Васька.

— За убийство!.. Рецидивист. Встретишь, мочи.

— Ага! — зловеще усмехнулся Васька. — Тебе звезда на погоны, мне — десятка, а то и пятнашка?!

— Тогда он тебя замочит за пару сухарей... Распишись, — подвинул наполовину исписанный лист.

— Под расстрельную статью подводишь, начальник?! — язвительно ухмыльнулся отец.

— Расстрелы заменили пятнадцатью годами, — мимоходом ответил участковый. — Теперь права человека соблюдают в соответствии с международными нормами.

— А ещё что поменяли по международным нормам? — язвительно хмыкнул Волчатник.

— 121-ю отменили.

— И что, теперь пидорам полная воля?

— Получается так! Тоже люди.

— То коммуны, то колхозы, то совхозы, и всё-то нашей власти не так, — заворчал отец при насмешливом молчании милиционера. — Теперь, значит, решили сделать страну пидорасником?!

Не слушая шутовой перебранки, Васька прочитал исписанный лист, расписался. Участковый отдал ему паспорт и, не прощаясь, вышел.

— Тот? — спросил отец.

— Он! — ответил Васька. — Надо ехать за орехом, избу соседа проверить.

— Надо! — согласился отец. — Но не одному.

— Как одному? Коней без присмотра не оставишь. Из тебя какой помощник? Тогда с кем?

Разговор прервал топот на крыльце. Вошла почтальонка Люся с сумкой на животе, за руку, чуть не волоком она втянула Лизу со следами похмелья в лице. Та вскинула мутный взгляд на Ваську, стыдливо всхлипнула:

— Прости, Вася! — И разрыдалась: — Так хорошо жили! Увези меня! Нельзя мне здесь.

— Сколько у вас взяла? — строго, но ласково, как клёкот родничка, спросила почтальонка, ни взглядом, ни улыбкой не показывая, что их с Васькой связывает не только отцовская пенсия. А у него от её голоса заняла душа.

— Пустяки! — с пониманием усмехнулся отец. — Дал на хлеб, крупы.

Почтальонка отпустила руку сестры, полезла в сумку за ведомостью и деньгами пенсии. Когда почтальонка ушла, Лиза виновато присела в угол.

— Вася! Я даже похмеляться не буду! — виновато шмыгнула носом.

— Да уж это мы знаем, что такое сто грамм с утра. Потом неделю не догонишь, — хмыкнул отец. — Видать судьба! — вздохнул и, помолчав, добавил: — С ней и поедешь.

Острая, чешущаясь боль в спине, тыкающая шилом при неосторожных движе-

ниях, менялась на тупую, постоянную. Васька умылся, звякая соском умывальника, оделся, налил в миску вчерашнего борща.

— Отлежись! — указал Лизе на неприбранный топчан. — И поедем домой.

От завтрака она отказалась, послушно улеглась в одежде поверх одеяла.

Между тем, в селе спорили и толковали о молодых студентах-агрономах, собравших неслыханный урожай. Завистливые селяне вспомнили о старой конюшне, покрытой полуметровым слоем испревшего навоза. Не остались в стороне и конторские сидельцы, завопившие вдруг, что старая конюшня — традиционное место детских игр, и там надо построить детскую площадку. Громче всех разорялся бывший землемер, вспоминая своё детство.

Трудяги и середняки агрономов защищали, пьяницы и богатеи осуждали и злословили. Но молодые специалисты оказались людьми грамотными и предусмотрительными, правильно и своевременно выправили все документы. Дело дошло до суда. Отобрать землю у них не смогли, но кровушки попили и нервы помотали.

Гудело село и от другой неожиданной новости: клуб закрыли, полуразрушенное здание бывшей церкви передали молодому бородатому попу, на которого удивлённо глазели молодые селяне и пугливо шарахались дети. Особо недовольные закрытием клуба донимали председателя Сельсовета, уставшего от перемен и ждавшего замены. Он раздражённо отвечал, что дело решено на высоком уровне, бузить бесполезно, кому нужен клуб — стройте сами. Председатель ждал пере выборов, спокойной жизни на пенсии, да вот беда, подходящего кандидата на его выборную должность не было: выдвигали же себя самые подлые людишки, ненавидимые селянами.

Иван Волчатник, узнав о закрытии клуба, злорадно посмеялся:

— Клуб им подавай! Бум-бум! Одно и то ж, будто сваи забивают. Мерикианшшы на хренова. Может, потише будет?! Мой прадед колокол заташшыл на нашу церкву. Знаменитым помер. Дед ходил молиться в лес — попов сильно не любил. Мать всю жизнь молилась и тёща. Да вот ведь, тёщу отпеть не получилось. Ты спроси-ка молодого попа — не поздно ли? Отец до войны — ни в Бога, ни в чёрта. На войне, наверное, все верят. По себе знаю, когда смертушке в глаза-то заглядывашь.

Васька пообещал отцу поговорить с попом, но в спешной суете осени сделать этого не смог и попросил соседку Машу. Он достал лошадей: свою кобылку неохотно, но дал Дачник под скидку на орех, Федька — жеребца, несмотря на вопли жены. На рассвете Васька с Лизой стали седлать лошадей. Кобылка радовалась хозяину и всё норовила ткнуться мокрыми губами в его щёки. Лиза тоже радовалась возвращению в тайгу. Он посадил её на кобылу, с недоумением поглядывавшую на любимого хозяина, сам сел на жеребчика. Приторочил к седлам мешки с продуктами, и они двинулись знакомой тропой к зимовью. Жеребец, хоркая, быстрым шагом бежал впереди, то и дело стараясь перейти на тряскую рысь. Васька морщился от боли, сдерживал его. Кобылка с Лизой поспешала за ними.

Октябрь выдался ласковым. Снежок выпадал уже несколько раз, но вскоре таял и оставался только в тени. День был солнечным, суетились птички, изредка гудела дурная, сонная муха, перегревшаяся на солнцепёке. Только в одном месте конную тропу завалила упавшая ель. Превозмогая боль, Ваське пришлось помахать топором, чтобы убрать дерево с пути. Лиза пыталась помогать ему, когда он отдыхал, но лесоруб из девки был плох, и она сидела на пне, улыбалась ласковому осеннему солнцу. Осёдланные лошади гулко щипали поникшую траву и позвякивали уздечками.

Наконец, ель была убрана, всадники оседлали коней и на закате дня услышали заливной лай Тузи.

— Живой! — Чуть приметно, одними уголками глаз улыбнулся Васька. — А ты боялась.

Вскоре они были в зимовье. Изба цела, орех не тронут. Васька расседлал лошадей, Лиза завела их в конюшню, подбросила свежего душистого сена, дав выстояться, сводила на водопой. Виноватая улыбка не сходила с её лица с тех самых пор, как они выехали из села. Она очень красила молодую женщину. Васька с грустью иногда даже любовался ею и, слегка лукавя, назвал красавицей.

— Давай затопим баню и смоем с себя помойку?! — предложила она, вернувшись из конюшни.

— Поздно уже! — Обернулся Васька, подбрасывая дрова в печку.

— Воды только погреть, чтобы сполоснуться?!

— Ну, топи, а я сгношу ужин.

Вдвоём они быстро приготовили ночлег, ополоснулись, с влажными ещё телами упали на нары, застеленные Лизой чистой простыней, прижались друг к другу. Потом снова полоскались в бане остатками тёплой воды, ужинали, лежали в теплой избе при свете керосинки.

— Я знаю, ты к сестре бегал, — глядя в потолок, набранный расщепленными полубрёвнами, сонно бормотала Лиза, — тебе с ней было хорошо?

— Хорошо, — так же полусонно ответил Васька и опять солгал, — но с тобой лучше!

— У неё красивая грудь, не то, что у меня. Чем я лучше?

— Горячей! Она просто добрая и безотказная.

Лиза тихо хохотнула:

— Безотказная, это точно. Не только тебя пускала, но и начальника почты... И не зря. Он выдал замуж дочку, развёлся и теперь живет с Люськой в нашем доме. Раньше я им мешала, теперь не мешаю.

— Дай Бог им счастья, она хорошая, с ней можно жить, — тайком вздохнул Васька, вспомнив простые ласки своей бывшей присухи.

— Ага, добрая и безотказная сельская почтальонка! — не удержавшись, съязвила Лиза. — А какая она в постели?

Разговор начинал раздражать Ваську, но он не показывал этого.

— Лежит, улыбается и дарит радость, — подавил тайный вздох.

— И ты бы с ней жил?

— Звал за себя, не захотела, сказала, молодой для неё. Зато для тебя в самый раз, — легонько шлёпнул Лизу по круглой попке. — Красота! Бросила бы пить, от женихов отбоя бы не было, — осторожно перевернулся на спину и с удовольствием вытянулся. Острой боли не было, только лёгкая тупая по всей спине. — Хорошо-то как?! Так бы и жить сто лет.

— Давай будем так жить! — вкрадчиво, с покаянной слезой, прошептала Лиза, погладила его ладошкой по груди, тихо попросила: — Возьми меня завтра, не оставляй одну!

— На конях туда не проехать, только пешком. — С лёгким раздражением в голосе и чуть громче ответил Васька, не первый раз объясняя и оправдываясь. — Оставить лошадей без присмотра нельзя, сама понимаешь, ты же не городская фифа. Если всё нормально, только раз переночуешь одна.

Лиза послушно вздохнула:

— Нельзя! А если волки? Я без ружья.

— Днём, вряд ли! Если бы зимой?! Им сейчас жратвы хватает. На ночь запрёшься... Идти ночью, как в прошлый раз, мне сильно не хочется. Да и небезопасно.

Он ушёл ранним утром, с заряженной старой отцовской двустволкой и четырьмя патронами в кармане. Хлеб и сахар тоже растолкал по карманам. К Серёгину зимовью подошёл засветло. День был пасмурный, небо в низких тучах. Из жестяной трубы курился дымок. «Или Серега жив, или охамевший убивец здесь так и живёт, — подумал Васька и жёстко усмехнулся. — Уверенный, что я до людей не добрался».

Прячась за деревьями, он издали обошёл избушку, скинул сапоги, в носках, по холодной земле, с ружьём наизготовку, подошёл со стороны глухой стены, тихо вытащил полено из поленницы и забросил на двускатную крышу. Оно загрохотало, задело жестяную трубу. Дверь в зимовьё распахнулась, вышел беглый рецидивист, тощий, с длинной шеей, в накинутой на плечи Серёгиной телогрейке, вскинул голову вверх на крышу, задрал тощенький пучок волос на середине подбородка. Их взгляды не успели встретиться. Васька выстрелил ему в голову прямо из-за угла. Выстрел откинул убивца на раскрытую дверь, он скользнул по ней и упал на спину, раскинув в стороны руки. Слетевшая с плеч телогрейка прикрыла его ноги в Серёгиных опорках. Картечь снесла ему полчерепа, земля под ним густо заливалась кровью.

Васька быстро перезарядил простреленный ствол, подождал. Никто из двери не высовывался. Тогда он осторожно заглянул в избушку, в ней никого не было. Спустил взведённые курки и осмотрелся. У нар стояла знакомая Серёгина малокалиберная винтовка, на столике — картонная коробочка с патронами. Стена под окном у стола, где сидел Серёга в последний раз, и пол под ней, были выскоблены и светлели по сравнению с другими местами избы. Увидел Васька и заткнутую дырку от пули, вошедшей в бревно сруба. Под нарами он нашёл свою двустволку, обрадовался, переломил стволы. Стрелянные гильзы не были даже вытащены из патронников.

Беглый рецидивист вёл себя в чужом зимовье как соболь, сожравший белку и устроившийся в её дупле. Васька вышел со своим ружьём и патронами в кармане, бросил взгляд на тело. Вечерело. Перед закатом выглянуло солнце и окровянило затянутый облаками запад. Васька прикрыл за собой дверь, обошёл зимовьё, обулся, стал осматриваться и вскоре нашёл присыпанную жёлтой листвой землю, где, скорей всего, и был прикопан Серёга. Откапывать его он не стал, сунул ветку в мягкую ещё землю. Она уткнулась через десяток сантиметров, и явно не в камень. Васька бросил ветку и пробормотал:

— Отмщён! Кровь за кровь!

Он снова вернулся в тёплую избушку, даже не взглянув на тело. Сел возле печки, налил в кружку горячего берёзового отвара из чайника, который Крыса приготовил для себя, запивая, жевал свой хлеб и думал, отправиться обратно в ночь, или ночевать тут, а уйти утром? Бросил взгляд в запыленное оконце — темно, решил переждать ночь в зимовье. Лежавшее за дверью тело его ничуть не смущало. Только отцовская двустволка, из которой убил рецидивиста, вызывала брезгливость, будто была испачкана мертвечиной. Когда сморил сон, он даже перебрался на нары и уснул. Переворачиваясь с боку на бок, просыпался, снова засыпал короткими волчьими снами. В очередной раз бросил взгляд на оконце, оно светлело.

Васька поднялся, приоткрыл дверь, чтобы убедиться, что вчерашний вечер ему не приснился и подстреленный беглец на месте. Завтракать в избе он не стал. Взял свой рюкзак, шапку. Остальное оставил как есть. С двумя ружьями за плечами поверх пустого рюкзака: с зауэром и мелкашкой, с отцовской двустволкой в руке он двинулся было в обратную сторону, но почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Вздрыгнул, обернулся. Против избушки на животе лежал волк. Взгляды их встретились, Васька узнал Лисапеда, и будто обменялся с ним мыслями: волк был на расстоянии верного выстрела, уверенный, что Васька его не сделает. И человек послал калеке мысленное дозволение подкрепиться человечинкой.

Возвращался Васька к вечеру, ничуть не мучимый в пути покаянными мыслями. Лиза, услышав залиvistый лай Тузи, высмотрела его среди деревьев, подбежала, кинулась на шею, забыв про раненую спину. Лошади были целы, никто женщину не беспокоил, кроме дурных мыслей, которыми она маялась в одиночестве. Васька спросил:

— Истопи баньку! На этот раз мне обязательно надо помыться.

Он разделся и первым делом стал чистить ружья. На камнях, у печки стояла кастрюля с теплой кашей, на плите чайник. Васька поел, вытянулся на нарах, подремал до бани. Помывшись, они с Лизой бросились в объятья друг друга, еще страстней, чем перед расставанием.

Утром Васька хорошо смазал малокалиберную винтовку, обернул её промасленным тряпьем и спрятал в стороне от зимовья вместе с зауэром, затем оседлал лошадей. Вдвоем с Лизой они загрузили на них мешки с орехом, повели в поводу в село. К ночи домой не успели, переночевали у костра, почаёвничали и двинулись дальше.

Васька рассчитался за заем под кобылу и с облегчённой душой отвел её в свою конюшню, рассчитался орехом и с Федькой, чтобы скандальная жена не корила. Чистых денег оставалось совсем мало. Отец от своей доли отказался, Лиза попросила купить ей только зимнюю одежонку для тайги. Зимовать в селе она не хотела.

— И я с вами! — заявил отец. — Сидеть в седле уже могу, и в зимовье сгложусь.

Васька рассказал ему всё, что случилось в тайге. Отец похвалил за прибранную винтовку, посоветовал не говорить об убийстве даже Лизе и поддержал сына:

— Кровь за кровь! Иначе мир озверееет. Нехрен всё на Бога валить, Ему без наших разборок дел хватает. Если на душе тошно — напейся!

— Нет надобности, да и Лизку сбаламучу.

— Знать, правильно всё сделал!

Всё шло удачно: спина подживала, Лиза сидела дома с отцом, Васька закупал продукты, получал паевой овёс, Таня приходила каждый день и только к ночи возвращалась в дом Дачника, да и то, если этого требовала мать. С Лизой у неё складывались добрые, и даже приятельские отношения: вместе готовили уроки, о чём-то тихо спорили и смеялись. Узнав, что все собираются в тайгу, Таня сказала отцу, что будет следить за домом и топить печку.

— Картошка в подполье, на хлеб и масло денег оставлю. Только матери не показывай. Хозяйствуй! — поддержал её Васька. — Большая уже.

Федька охотно согласился дать им жеребца.

— Пусть побудет в тайге! — процедил, гоня желваки по скулам. Он опять был не стрижен и походил на ежа. — Моя дура хочет перебраться в город, грозит разводом через суд, надеется прибрать половину не ей нажитого. А я что там не видел? — Федькины губы обиженно подрагивали, глаза смотрели тупо и холодно.

— Мой овёс другим разом увезёшь. Если что, хоть жеребца не буду с ней делить. Скажу, продал.

После несчастья с отцом жеребчик в тайге был совсем не лишним.

За окнами совсем по-зимнему падал снег и не таял. Продукты были закуплены, утром Васька с Лизой собирались выехать на двух лошадях. Вдруг, ни свет ни заря, к воротам подошли трое молодых, но уже изрядно спитых парней, стали кричать Лизу.

— Знаем, ты здесь, у Халбанура! Выйди!

Девка заволновалась, бросая на мужчин растерянные взгляды. Вместо неё к воротам вышел Васька с кнутом за голяшкой. Спросил, что надо?

— Лизку надо! Она при деньгах и должна нам.

— Сколько должна? — растянув губы в оскале, угрожающе блеснул зубами Васька.

Гости были то ли пьяны, то ли обкурены, начали бестолково вспоминать, кто и когда кого раскумаривал, толклись на месте, как щенки в вольере.

— Пусть выйдет! С ней будем договариваться.

— Не выйдет! — Васька вынул из кармана несколько купюр, выщипнул на пару бутылок водки. — Свободны! — Договариваться о чем-либо с ними не было смысла, бить тоже.

Алкоголики ушли, но выезжать в тайгу было поздно. Васька сходил к Маше, так, на всякий случай, спросить о своей просьбе. И вдруг оказалось, что молодой поп отпел землю с могилы приснопамятной бабушки. Маша дала Ваське завёрнутую в бумажку землю и предложила сходить с ним на кладбище. Лицо её было каким-то просветлённым и даже красивым. Васька частенько навещал могилы бабушек, дедов, матери, чувствовал их души рядом с собой, просил помощи, и они помогали. Вдвоём с отцом они тоже приходили сюда по Родительским дням и датам, поправляли могилки и кресты, поминали покойных винцом и водкой, но это было не так душевно, как одиночное посещение кладбища.

На этот раз всё случилось иначе. Произнося нараспев: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», Маша крестообразно посыпала покрытый снегом холмик отпетой землёй и тихо запела: «Помяни, Господи, Слава Тебе, помяни...» И Ваське показалось, что ранним тёмным ещё утром в своём уголке тихо поёт бабушка. Воспоминания детства прошибли скупую слезу, которую он тут же стыдливо смахнул с глаз.

Другим утром при звёздах и поздней луне они с Лизой навьючили на жеребца посильный груз, посадили отца на кобылу, взвалили на плечи рюкзаки и отправились к зимовью с лошадьми в поводу. Путь случился не трудным, и к ночи они уже слышали лай Тузи.

— Живой, урод! — обрадовался отец и заёрзал в седле.

Две лошади в поводу, двое пеших подошли к запорошенному снегом зимовью. Тузя выскочил из-под крыльца, узнал своих, скакал, извивался лисьим телом и носился вокруг прибывших. Васька с Лизой помогли отцу спешиться, стали разгружать лошадей. Отец вошёл в отсыревшее, выставшее зимовьё, чиркнул спичкой, запалил растопку в печке и, не раздеваясь, присел на нары. Он был счастлив.

Васька с Лизой перенесли весь груз в избу, наполнявшуюся живым теплом и дымком, расседлали проголодавшихся лошадей, разгребавших снег копытами, хватавших зубами сухую траву, завели их в конюшню и бросили свежего, душистого сена. Не сговариваясь, Васька пошёл разбить прорубь в ручье, Лиза — в

дом. Всё у них получалось слаженно и быстро. Отец с удовольствием лежал на нарах. Она стянула с него ичиги и поставила на плиту кастрюлю. Васька на крыльце обмёл от снега сапоги, вошёл с оцинкованными ведрами воды, поставил их в угол на лавку. Тузя под крыльцом неспешно грыз привезённые ему подарки.

— Хорошо-то как втроём, — прокряхтел отец, шевеля бородой, и добавил: — Особливо в старости.

— Какой же ты старик? — озорно блеснула глазами Лиза. — Так и норовишь ущипнуть за холку.

— Да это ж я так, по-родственному, — бросил на Ваську смущённый взгляд, но сын, занятый хозяйскими делами, никак не ответил на шутку, и отец продолжил со вздохами:

— Эх! Мне бы — старуху, да вы, да внуки и зажить бы на заимке подальше от людской дури.

— Дело говоришь, дед! Но как делать детей у тебя под боком? — не унималась, подначивала Лиза, улыбаясь, радуясь, что добрались и зимовьё целое.

— Как-то раньше жили вместе, и детей был полный дом, — рассуждал отец. — Неужто та жизнь уже не вернётся? В новую, которую сулят по радио, как-то сильно не хочется. Помню, покойный дед, которого большевики обобрали, лежит, бывало, на спине на нашем топчане, слушает колхозный брехунок и посмеивается: «Всё равно, — говорит, — всё вернётся к старому!» Ещё помню: «Знашь, говорит, Ванька, чо тако старость? Это когда ты идёшь вроде быстро, а тебя обгоняют, ты, вроде, ишшо быстрее, а тебя обгоняют и обгоняют. Вот, Ванька, это старость!» — С тоской взглянул на свои ноги в шерстяных носках.

— Как после перехода? — прервал его воспоминания сын.

— Болят, стервы ломаны, но терпимо!

— И то ладно! Поешь и отдохай. Я коней напою, принесу двадцатку. Ты где патроны спрятал?

— Волков близко нет — видел лисий след. Разве Лисапед круги наворачиват?! — сильней зачалдонил отец от воспоминаний. — Так ему коней не взять. Тузю задрать может, но пёс шибко умный, хоть голова маленька. — Затем стал наставлять сына: — Настреляешь рябчиков, обдерёшь на приман, после обойдёшь саймы и насторожишь капканы. На зайцев петли выставь: следов много. Нынче только собо́ль в цене, остального губить не надо.

— Дачник медвежьё шкуру просил! Будем добывать?

— А ну его! Разве шатун под выстрел подвернётся.

— Я вам рябчиков так запеку, за уши не оттащишь! Меня Люська учила, — весело пообещала Лиза.

Уже на другой день началась обычная таёжная жизнь. Отец с самодельными костылями обошёл зимовьё и конюшню, показал Ваське тайники. Сын пробежался по тайге, пока ещё без лыж, поставил петли на заячьих тропах, настрелял с десяток рябчиков. Лиза натопила баню, сварила лапшу. После бани отец с сыном с пониманием взглянули друг на друга и ограничились чаем из листьев смородины. Две бутылки водки остались припрятанными, чтобы не дразнить девку. И потекла своим чередом спокойная и размеренная таёжная жизнь.

Несмотря на внешние перемены, охотничьего азарта у Васьки не прибывло, удачливым в промысле он не стал. Отец удивлялся после его возвращения с путика, переспрашивал, как ставил капканы, как клал приман, порывался идти на костылях и долго чесал затылок, когда Васька принёс рыжую лису, на шкуру кото-

рой спроса не было. Попалась она в заячью петлю за хвост, Васька не додумался отстрелить его и убил зверушку. Дома он привычно ободрал, отмездрил, вывесил шкуру на мороз, мясо сварил для Тузи. Тот поглядел на хозяина долгим, удивлённым взглядом и обидчиво заполз под крыльцо на старую телогрейку.

— Ишь, чо удумал? «Я не такой как вы, своих не ем!» — посмеялся отец и выбросил мясо воронам.

Прошёл месяц, окрепла зима, пора было ехать за отцовской пенсией и продуктами. Васька в стареньком тулупе стал седлать застоявшегося Федькиного жеребца, он весело крутился и нетерпеливо перебирал копытами, однако брюхо надул, чтобы ослабить подпругу. Но пастуха не провести, он надёжно закрепил седло, привязал к нему рюкзак с мешками и верёвкой, погладил жеребца по морде, перекинул через плечо старую отцовскую двуствольку, обернулся перед тем, как вскочить в седло. Лиза, которая ещё пять минут назад была весела, смотрела на него со скрытой обидой. Васька понял:

— Ну, иди, поцелую! — позвал.

Она просияла, заулыбалась, с готовностью подскочила к нему и повисла на шее. «Дитё, хоть и на третьем десятке! — подумал он. — Избаловала её Люська. Надо привезти сладостей». Две бутылки водки с прошлого приезда так и лежали в тайнике, раздражая отца. Даже после бани они не решались выпить, чтобы не дразнить бывшую алкоголичку.

Жеребец, скалясь и заворачивая набок морду, побежал по чуть приметному следу, сам выбирая путь, Васька то и дело сдерживал его, не давая перейти на рысь. Взошло солнце, зарозовел снег. День обещал быть погожим. Седок даже задремал в седле, мотая головой. Почти на середине пути жеребец резко остановился, чуть не налетев на пешего человека с ружьём, и радостно заржал. Васька вскинул голову и увидел Федьку. Друг двумя руками обнял конскую морду, ткнулся в неё лицом и всхлипнул.

Васька спешился, с недоумением разглядывая дружка. Лицо у него было мрачной и печальной человека, выходящего из долгого запоя.

— Куда? — коротко спросил Васька, предчувствуя что-то недоброе.

— К тебе, больше некуда! — глубоко вздохнул Федька. — Присядем, что ли? — Скинул с плеч ружьё и солдатский заплечный мешок, бросил на него шапку. Густой жёсткий волос тут же встал дыбом.

Они сели.

— Хана мне, Вася! — снова вздохнул Федька и замотал головой, обросшей густым шаром волос, обхватил её руками. — Мента убил, нашего участкового. — Вынул из кармана и показал чёрный пистолет. — Уж лучше самому застрелиться, чем ждать, когда тебя поставят к стенке...

— Да погоди ты! Что случилось-то? — Васька пытливым взглядом всматривался в лицо друга, пытаясь предугадать, что он задумал.

— Побил я свою дуру первый раз в жизни, потому что подала на развод и написала на меня такую хрень, хоть стой, хоть падай, даже судья смеялась: пью, насилую, истязую, извожу ревностью. Как не пошлёпать? Не сильно, пьяный был, так, слегка. Она побежала к участковому, тот приволок меня к себе в кандейку, приковал наручником к трубе, стал бить дубинкой. Я свободной рукой, локтем ему в дых. Он согнулся. Ну, думаю, распрямится — убьёт. Ударил по затылку и убил! — глядя на пистолет, всхлипнул Федька. — Лучше бы свою дуру кончил. Ну, отсидел бы десятку, а то и меньше. Чего он в семейные разборки сунулся?

Отстегнулся, забрал вот это, — качнул на ладони пистолет, — оделся, прихватил из жрачки, что было и к тебе. Найдут ведь по следу?!

— Найдут! — согласился Васька, торопливо соображая, чем можно помочь другу. — Поедем к отцу. Он тайгу знает лучше, посоветует, где укрыться. Времена нынче непонятные, пахивает гражданской войной. Вдруг пересидишь и выкрутишься. Что ещё? В город? Так там быстро найдут.

— В город никак нельзя. Да и не к кому.

В обратную сторону жеребец вынес двоих, но устал, взмок, покрылся куржаком. Звонко залаял Тузя, высунув из-под крыльца лисью морду. Лаял без зла и опаски, на всякий случай. Вышла Лиза в накинутах на плечи солдатском бушлате, удивлённо взглянула из-под руки против солнца на возвратившегося муженька.

Гостя накормили, напоили чаем, отец молча выслушал его, подумал, посоветовал:

— Со дня на день к нам приедут. Уходи в Серёгино зимовьё. Серёга с каким-то бичом перестреляли друг друга. Васька Серёгу прикопал, бич валялся у зимовья. Ну да тебе теперь не до костей, уберёшь. В зимовье должны быть кое-какие продукты, мы дадим, что можем. На конях туда не проехать, надо тропу прорубать. Разве на вертолёте прилетят. Да нынче их не слышно, разворовали, наверное. Если и прилетит — издали услышишь, спрячешься под деревьями. Там, повыше зимовья, на марьяне, старая землянка. Доберутся до зимовья — уйдёшь туда и пересидишь. А Ваське обязательно надо в село завтра же. Придут к нам, скажем, был, ушёл. Иначе никак!

Старый таёжник всё продумал: ни спорить не с чем, ни переспрашивать.

На рассвете Федька ушёл в указанную сторону по засечкам, Васька снова сел на жеребца, но уже без ружья отправился в село. В том месте, где он сидел и разговаривал с Федькой, замел следы, потоптался, дал круг по тайге и вернулся к жеребцу, со скучным видом разгребавшему снег копытом. К дому добрался в сумерках. К его радости он был цел, печка тёплая, на столе лежали учебники и тетради, под столом портфель, значит, дочка ушла недавно и бывает в доме постоянно. Васька подбросил дров в печку, поставил на плиту ведро с водой на поило, кастрюлю — сварить картошку для себя. Спать лёг поздно. Утром его разбудила дочка, одетая в школу. Он сбросил тулуп, которым был укрыт, сел на топчане.

— А у нас тут такое! — вместо приветствия затараторила Танюшка, скинула пальтишко, села рядом с отцом, стала ластиться к нему. — Милиция из города приехала, всех допрашивают, говорят, участкового убили.

Васька сделал вид, что слышит об этом впервые, проводил дочку в школу, насыпал овса жеребцу, подкинул свежего сена, растопил печку и отправился к почтальонке Люсе. Она встретила его приветливо и радостно, доставая ведомости и деньги, стала расспрашивать о сестре с таким счастливым лицом, что Васька подумал было, не возобновятся ли их тайные отношения. Но в дом вошёл коренастый мужик с густой проседью в волосах. Он жил на центральной усадьбе, прежде они встречались, но не пересекались и не здоровались.

— У нас гость? — спросил, отвечая на настороженный кивок.

— Это Вася! Я про него говорила, — улыбаясь, ответила ему Люся, и Васька понял, что все её улыбки, ласка во взгляде не для него, а для этого мужика. «Ну и ладно!» — подумал с облегчением.

— Хорошо живёт! — продолжил рассказывать о Лизе. — Ей нравится в тайге. Хозяйка хорошая, отец её любит. Только мы с ним из-за Лизки совсем бросили выпивать. Боимся совратить на прежнее.

— Она хорошая и добрая, — всё так же ласково заворковала Люся. — Ей бы мужа надёжного и заботливого, глядишь и вылечилась бы.

Васька покивал, сгребая деньги со стола:

— Вылечим! — уверенно объявил, вставая, кивнул мужику. Люся проводила его до двери, ни словом, ни намёком, ни взглядом не показывая, что помнит о тайных ночках.

Васька зашёл в магазин Дачника, за прилавком стояла Зинка. Увидев бывшего муженька, знакомо язвительно сощурилась:

— Явился не запылится! А тебя разыскивают!

— Кто? — Васька вскинул на неё настороженный взгляд и всё понял без слов.

— Будто не слышал, что твой Федька учудил?

— Такой же мой, как и твой! — хмыкнул Васька. — В одном классе учились, — и добавил: — Слышал от Танюшки. Заходила утром перед школой.

— Из-за вашей избы домой только ночевать приходит, — проворчала Зинка.

В магазин зашли видимо выгодные покупатели, она переменялась в лице, заговорила с ними.

— Ты товар-то мне отпусти! — сдержанно потребовал Васька, — а то пойду в другой магазин. «Таперича не то, что давеча» — когда одно сельпо на всю деревню.

Зинка раздраженно поджала губы, стала выкладывать на прилавок продукты. Васька расплатился, сложил всё в рюкзак. Пока Зинка торговалась и разговаривала с покупателями, он долго перебирал одежду для Лизы. Выбрал, положил.

— Для алкашки? — фыркнула Зинка. — А водки что не берёшь?

— Для жены! А эту отраву, — кивнул на ящик с бутылками, — пей сама.

Он успел донести рюкзак до дома. Вскоре к крыльцу подъехал милицейский «уазик». Двое в форме вошли в дом, не здороваясь, уселись за стол. Один, мохнатые брови, нос картошкой, окинул хозяина неприязненным строгим взглядом, другой, молодой, рыжеватый, веснушчатый, добродушно улыбался.

— Колись: где дружок?! — уставившись в Васькину переносицу, сипло спросил бровастый.

Ничего другого он от них не ждал, к такому вопросу был готов.

— Откуда мне знать?! Вчера вечером только приехал, утром узнал про убийство.

— Значит, ничего не видел?

— Федьку не видел!

— И в вашей избушке он не укрывается?

— Когда выезжал — не было, — уклончиво отвечал Васька.

— И следов в лесу не видел?

— Ну, почему же? Видел!

Выяснив, где он заметил следы и в какую сторону, Хмурый всё записал с его слов на чистый лист бумаги, приказал Ваське прочитать и расписаться.

— Он и твоего отца с сожительницей может кончить за булку хлеба, — сказал, поднимаясь. — Не выезжай никуда, вместе поедим!

— Машина туда не пройдёт, — с серьёзным лицом дурачился Васька: — только на конях, и выезжать надо на рассвете, а то придётся ночевать в тайге.

Гости снисходительно ухмыльнулись и вышли, а он нашел в чулане четыре крепких мешка, открыл подполье, в пару мешков насыпал по два ведра картошки, в другие — овса. Затем сходил в магазин и на оставшиеся деньги докупил

продуктов, конфет и печенья. Половину сладостей оставил на столе для дочери, остальное упаковал.

Милиционеры подъехали к его дому на следующий день утром. Они были на оседланных лошадях, прибранных у местных жителей, одеты в долгополые черные тулупы и валенки. У бровастого за спиной висел автомат. Васька оделся, вышел на крыльцо, вынес рюкзак, картошку и овёс, стал седлать отдохнувшего жеребца, навесил на него всю поклажу из перемётных мешков и повел в поводу через заснеженное поле по своему, местами уже заметённому, следу. Двигались они медленно, в том была Васькина хитрость. Вскоре милиционеры предложили погрузить часть мешков на их коней.

Васька умело закрепил свой груз, сам сел в седло. Жеребец пошёл впереди быстрым шагом, кони, следом за ним, то и дело переходили на тряскую рысь. Уже поздно в темени раздался залиvistый лай Тузи. Трое подъехали к избушке, на крыльцо вышли отец с Лизой и сделали удивлённые лица.

— Встречайте гостей! — спешился Васька и стал снимать мешки. Лиза с отцом унесли их в дом.

Дальше всё повторилось, как некогда с мужиком, обманутым Зинкой. Милиционеры, не привыкшие к верховой езде, нараскорячку вошли в избушку, один скинул с плеча автомат, отстегнув обойму, поставил его в угол, оба сняли тулупы. Гости были в милицейской форме при офицерских погонах, с оттопыренными кобурами пистолетов на боках. В пути по тайге они заметно очеловечились и подобрали, поздоровались с пенсионером, с женщиной, и даже не потребовали у них документы.

Васька завел жеребца в конюшню, рассёдланным милицейским коням бросил свежего сена под стенкой, они весело захрумкали, позвякивая вынутыми удилами, а он принес два ведра воды и поставил на горячую плиту. Лиза налила гостям в миски суп с зайчатинной, они достали из рюкзака колбасу, хлеб, бутылку водки. От её вида глаза молодой женщины тоскливо помутнели, она вышла и затопила баню. Отец выставил на стол три кружки и на вопросительный взгляд гостей ответил:

— Они закодированные!

Сообщение было принято безоговорочно. Трое выпили и стали есть. Васька тоже поел и вышел. Вдвоём с Лизой они протопили баню, перенесли туда матрас с одеялами и уединились на ночь: ночевать впятером в избушке было тесно, да и не хотелось. Отец же просидел с гостями до полуночи.

Поднялись в избе поздно, милиционеры подкрепились колбасой, хлебом и чаем, надели свои тяжёлые тулупы и ушли по Фёдкиному следу: как предупредил их отец, лошади сквозь бурелом и валежник пройти не могли.

— Указал след? — спросил Васька.

— Указал, сказал, что Фёдка переночевал и ушёл с одностоволкой двенадцатого, вроде на охоту, куда не говорил, когда вернётся — помалкивал, про убийство тоже ни слова. Мы с Лизкой его ни о чём не пытали. Продуктов у него в мешке килограммов десять, ещё пару булок хлеба забрал у нас.

Хотели тебя взять проводником, я отказал. Коли Фёдка убийца, подставлять под его пулю единственного сына не согласный, да и ты не пойдёшь против дружка, а по следу и сами его вытропят.

Ничего лишнего отец не говорил, и, как они с сыном предполагали, измотанные походом милиционеры вернулись вскоре после полудня. Бегать по тайге им было не по силам. Старик тайком посмеивался, Васька с Лизой опять ночевали

в бане, ссылаясь на то, что надо присмотреть за лошадьми, и не солгали. Среди тёмной, безлунной ночи навзрыд залаял Тузя, кони шумно шарахнулись и заржали. Васька закричал: «Волки!» Милиционеры выскочили в подштанниках, один с пистолетом, другой с автоматом. Бровастик дал очередь в небо. Кони, похрапывая, стали успокаиваться. Только Тузя ещё долго потягкивал, воротя лисью морду куда-то в сторону Федыкина следа.

Утром Васька пошёл смотреть волчьи следы. Стаи не было, к зимовью подходил Лисапед. Что ему нужно — не понять: разве потешиться сладостным запахом коней?! Гостям же Васька сказал, что подходили волки стайей, и держать коней под небом небезопасно. Они согласились, что оставаться в тайге им нет смысла, опять исписали чистый лист со слов пенсионера, дали ему на подпись. После завтрака двое уехали в село по своему следу.

— Подстрекали кончить Федыку! — желчно усмехнулся отец, кивнув сыну. — Дескать, или он вас за горсть сухарей, или вы его... Ну-ну! Нам превышение самообороны, им медальки и звездочки. Уверяли, прикроют. Кого там?! Среди ментов не бывает кентов. Служил в ГУИНе, знаю и уголовный кодекс, и безвинно осуждённых.

— Ну-ну! — поддакнул Васька, глядя вслед удалявшимся лошадям.

Зиму трое пережили спокойно. Федыка приходил два раза с добытыми соболями, брал под них муку, сахар и снова уходил. Последний раз он навестил пастухов по тонкому мартовскому насту. Отец с сыном не выспрашивали, где тот скрывается. Сами тоже добыли десяток соболей. Васька в очередной раз съездил в село на двух лошадях, получил отцовскую пенсию, продал соболей Дачнику, дал денег дочке, присматривавшей за домом, взял хороший припас на весну и уже собирался возвращаться в тайгу, но вечером к нему пришла Федыкина жена и попросила отвести к мужу. От бывлой стати заносчивой городской красавицы не осталось и следа: красные глаза, лицо как с глубокого похмелья то напряжённое, то рассеянное, и говорила она, воротясь в сторону.

— Соскучилась по Федыке! — сказала и стала тереть лоб ладошкой.

— Я и сам не знаю, где он! — пытливо высматривая гостью, пожал плечами Васька. — Ну, доведу до нашего зимовья. Разве дальше сама, по его следам, если они ещё остались.

— Найду как-нибудь! Ты только направь, — со вздохами и болью в голосе попросила женщина.

Утром она пришла одетой по-дорожному с котомкой, в которой позвякивало стекло. Васька отнёсся к этому с пониманием: в их супружеских отношениях без бутылки не разобраться. Подумал он и о том, что вдвоём скрываться будет легче, а тайга прокормит.

Всю дорогу женщина молчала, горбясь в седле. Не дремала, морщила лоб, всё думала о чем-то своём. Понятно о чём: как подставила мужа под расстрельную статью, хотя, говорят, её отменили, и если менты не убьют Федыку в тюрьме в отместку за своего, он может отделаться пятнадцатью годами. Васька же, обращаясь к своей кобылке в поводу с мешками и женщиной в седле, всё гадал, на что она надеется: то ли разделить одиночество мужа, то ли уговорить сдать. Но это уже их дело.

В зимовье женщина тоже вела себя странно: будто спала на ходу, время от времени просыпаясь, не понимая, где находится. Переспрашивала, если задавали вопрос, снова впадала в свои навязчивые мысли. Утром молча поела, поблаго-

дарила, оделась, наверное, впервые подняла на Ваську мутные невидящие глаза, звякнув стеклом, накинула на плечи свою котомку. Он понял её без слов, пару часов вёл по раскисшему следу до ложбины, по которой и след был чётче, и сворачивать никуда не надо. Показал зарубки, она покивала, но, похоже, не слышала и не понимала, о чём он говорит.

«У них своя судьба! — подумал он, отпуская в тайгу то ли полоумную, то ли настолько опечаленную своей виной женщину. — Тот самый случай, когда не предугадаешь, поможешь или навредишь».

Прошло три дня. Отец, опираясь уже на один костыль, пошёл проверять, как сын прибрал на лето капканы. Васька с Лизой остались наедине. Вместо того, чтобы попользоваться уединением, она, глядя Ваське в глаза, со странной, ласковой и застенчивой улыбкой сообщила:

— Васенька! А я, кажется, беременна.

— Кажется или на самом деле? — грубовато переспросил он.

— На три недели задержка и солёного хочется: прямо за тарелку квашеной капусты всё бы отдала. У Люськи и капуста, и огурцы всегда вкусные...

Вернулся отец, стал ворчать на сына за неправильно прибранные капканы. Васька рассеяно слушал и не слышал его упрёки, вскинул голову, перебил:

— Лизка, вроде, беременная, квашеной капусты просит.

Отец покряхтел, покачал облысевшей головой, сдержанно посоветовал:

— Раз просит, надо ехать! Чо бы раньше не сказать? Только из села. Да чо там, езжай уж!

В тот же день в сумерках звонко залаял Тузя. Вскоре среди деревьев показалась Федькина жена. Она моталась из стороны в сторону, будто брела против ветра. Не доходя до зимовья, повесила на дерево заплечный мешок. Вид её был хуже прежнего: «Баба явно подвинулась умишком», — подумал Васька и спросил:

— Не помирились?

Она рассеянно кивнула, не поднимая глаз. А когда ему удалось мельком заглянуть в них, окатило такой тоской и безнадёгой, что он внутренне содрогнулся. А Тузя всё лаял и лаял без злобы, но со страхом и обидой. Едва женщина приблизилась к двери — забился под крыльцо и продолжал оттуда брехать, так что Васька подхватил батожок, похлестал по ступеньке. Тузя понял и перешёл на раздражённый рык.

От ужина Федькина жена отказалась, скинула сапоги, вытянулась на нарах, уткнувшись носом в стенку. Понятное дело, устала, отец с сыном решили, что она не уговорила Федьку сдать власть. Поднялась рано утром вместе с Васькой. Отец с Лизой поворочались, каждый под своим одеялом, укрылись поплотней и снова уснули. Васька пошёл седлать жеребца, чтобы он двоих вывез в село. Федькина жена, не поднимая мутных глаз, попила остывшего отвара, пожевала хлеб, глядя в одну точку.

— Поедем, что ли? — поторопил Васька.

— Поедем! — кивнула, обулась, накинула куртку и пошла за своим мешком, висевшим на дереве.

Едва она подошла с ним к крыльцу, Тузя залаял во весь голос, завсхрапывал, заперебирал копытами и покосился на неё жеребец. Васька хотел посадить женщину за седло на старый армейский бушлат, но жеребец шарахнулся в сторону и даже взбрыкнул копытами. Васька выругался, ткнул его в морду кулаком, потом взглянул на заплечный мешок с большим засохшим пятном крови:

— Медвежатина что ли? — спросил раздраженно.

Она кивнула.

— Выбрось! Иначе придётся идти пешком.

— Пойду пешком! — пробормотала, накинула на плечи мешок и, сильно сутулясь, побрела по конной тропе.

Васька с руганью сел на всхрапывавшего, топтавшегося жеребца, он опять взбрыкнул, закусив удила, завернул морду в сторону, не желая приближаться к бывшей хозяйке. Когда Васька поддал ему пятками под бока и направил в сторону женщины, кинулся с места в галоп. Всадник не стал его удерживать. Промчавшись минут пять, конь стал успокаиваться и перешёл на быстрый шаг. Так, то и дело переходя на рысь, они выбрались из тайги и галопом пересекли поле.

Васька остановил жеребца возле дома. На двери висел замок, но ключ лежал на месте. Он расседлал коня, завел в конюшню, только потом отпер двери и вошёл в дом. Здесь всё было чисто и прибрано. На столе лежала стопка книг и тетрадей, печка ещё хранила тепло. Васька затопил её, принёс воды из колодца. Не успел погреть поило для жеребца и сгношить ужин, к воротам подъехал милицейский «уазик», из него вышел Бровастик, видимо, служивший теперь участковым вместо прежнего. Вид у него был вполне доброжелательный.

— Ну, как там, в тайге? — спросил мельком. — Федька не появлялся?

— Не появлялся, жена его приходила! — ответил Васька, понимая, что скрывать это бессмысленно.

— У вас отсиделась или как?

— Ходила к Федьке одна, вернулась черней тучи. Хотел подвезти, но она с медвежатинной. Конь на дыбы, ни в какую её не подпускает. «Брось!» — говорю. Не захотела, дура. Прётся пешком.

Сообщение обрадовало участкового. Он заулыбался, задёргался, спросил, где оставил бабу и выскочил из избы. Заурчал под окном и отъехал уазик. А Васька сыпанул крупы в кастрюлю, подбросил дров в печку и побежал к Люсе за капустой.

— Ты уж не бросай её, — обрадовалась она за сестру. — При тебе, может быть, и сложится всё, — пропела своим чудным голосом, едва не роняя слезу. — Ты — мужик крепкий, надёжный, даст Бог, сможешь обуздать строптивую. — И громче окрикнула мужа в другой комнате: — Слышал? Лизка тоже беременна.

Она наложила полное ведро капусты и соленых огурцов.

— Постой! — Кинулась в комнату и вернулась с какими-то таблетками. — Пусть пьёт! Ей полезно.

Дочку Васька так и не увидел, в магазин не ходил: не было денег. Переночевал, на рассвете стал седлать жеребца и к немалому удивлению увидел, что к его дому на оседланном коне подъехал участковый с оттопыренной кобурой на боку. На этот раз на седло под зад был положен ватник.

— Опять к нам? — спросил Васька.

— Будем искать бабу. Бросил в тайге одну. Статья 127 Оставление в опасности, повлекшее смерть, — до полугода лишения свободы.

— Что мне, пешком с ней идти? Может, назад вернулась, отсиживается в зимовье.

Они проехали больше половины пути и заметили дым костра у тропы. Скорчившись, у огня сидела Федькина жена. Она медленно обернулась к всадникам с замороженными глазами, из них текли слёзы.

— Езжай, давай! Сами разберёмся! — поторопил Ваську участковый и спешился.

Васька пожал плечами, ткнул каблуками в бока всхрапывавшего жеребца, и зарылся дальше.

Прошли март и апрель, Федька за продуктами не приходил. Какое-то нехорошее предчувствие мучило Ваську после встреч с его женой, некогда бойкой горожанкой, выставлявшей напоказ свои прелести и завлекавшей мужиков просто так, для форсу. Пока не вошёл в полную силу гнус, он решил сходить в Серёгино зимовьё. Собрал в рюкзак килограммов пятнадцать продуктов и отправился с отцовским дробовиком на случай встречи с весенним голодным медведем.

Распускаясь лист, зеленела трава, но, не поднявшись в полную силу, ещё не мешала ходьбе, и дошёл Васька до знакомого зимовья, как в последний раз, часа за три до заката. Дверь Серёгиной избушки была распахнута, чувствовалось, что она пуста. Васька осторожно приблизился: возле порога пробилась трава, подсказывая, что Федька не был здесь давно. Не было возле неё и останков Крысы.

Васька осторожно заглянул внутрь. Ничто не подсказывало о поспешном бегстве Федьки. Кастрюля и чайник на печке, охалка дров, замызанное красное одеяло поверх матраса — всё Серёгино на месте. Даже кое-какие продукты, укрытые от мышей, всё-таки были. Васька оставил рюкзак, обошёл окрестности зимовья. Место, где Крыса прикопал Серёгу, оказалось разрытым, явно медведем, но костей поблизости не было.

Васька стал подниматься по марьяне к старой землянке, про которую говорил отец, принимавшая к запахам, дыма не было. Среди камней едва виднелась крытая дёрном крыша. Дверь из тёсаного лиственничного дранья тоже распахнута. Это Васька увидел снизу. А когда поднялся вровень с ней — увидел обезглавленное Федькино тело в знакомой телогрейке, простреленной между лопаток, рядом валялась его одностовка, в землянке ватный спальный мешок, три пустые бутылки из-под водки, две кружки.

— Федька, Федька! — пробормотал Васька над телом, мысленно винясь, что навел на дружка его продажную жёнку. Больше некому было напоить и убить. Видимо, проплаченную ментами голову муженька она и несла в мешке. Оттого так лаял Тузя и шараялся жеребец. — И сюда тебя спровадил тоже я. Но, кто мог знать?

Хотелось поскорей уйти со страшного места, где нашли свою кончину уже три человека. Но бросить как есть тело товарища Васька не смог. Он подобрал заржавевшее ружьё и спустился к зимовью. Уже темнело. Всё, что успел до ночи, это отыскать лопату и приготовить ужин.

На другой день он провозился до полудня, раскапывая могилу среди камней. Углубился почти на метр. Этого было мало, но копать глубже не хватало ни сил, ни возможности: дальше шёл сплошной гранит. Васька уложил обезглавленное тело, покрыл его спальным мешком, присыпал землёй, заложил камнями, поставил крест из сухостоя. Надежды, что его не раскопают медведи, не было. Но это всё, что он мог сделать для товарища.

Васька посидел рядом с холмиком, остывая от выступившего на теле пота, смахнул его с лица шапкой, встал, подхватил дробовик и, не оборачиваясь, стал спускаться к зимовью. Решив, что возвращаться домой поздно, он снова переночевал и на рассвете с тяжёлым рюкзаком и двумя ружьями отправился домой.

Лизка встретила его ласково, балуясь, повисла на шее, отец тоже был весел.

Пока Васька разоружался и раздевался, оба шутливо перебранивались вместо того, чтобы затопить баню.

— Старый-то без тебя клинья бил, прельщал.

— Кого там! Дай, говорю, внучка пошшупаю, пора уж с дедом познакомиться, а она — про клинья...

Был тёплый вечер, благоухал май отопретой землёй, из-под желтых листьев и прошлогодней травы лезла новая буйная зелень. Наконец-то складывалась в Васькиной жизни добрая семья, о которой он всегда мечтал. Ему так не хотелось портить этот радостный вечер, но отец уже раз и другой спросил про Федьку, кивая на принесённый дробовик, и надо было отвечать: не врать же для сиюминутной радости встречи. Он опустил свои волчьи глаза и тихо сказал:

— Похоронил, оттого и задержался! — Лицо отца резко посуровело, Лиза раскрыла недавно лучившиеся вприщур глаза и разинула рот. — Жена напоила, грохнула и отрезала голову. Наверное, менты вынудили за прежние грехи или проплатили.

— Стерва! — тихо выдохнул отец.

— Как могла, сучка? — всхлипнула Лиза.

— Вот так! — со вздохом ответил Васька. — Прихватил его одностволку, что ей валяться. А пистолета не было: скорей всего она же и забрала. Подучили... Ну, что? — Тряхнул головой. — Баня будет?

— Так со вчерашнего заряжена, — хлопая носом, выбежала из зимовья Лиза.

Отец сел рядом, переломил ржавую одностволку, заглянул в нечищенный ствол.

— Может так и лучше для Федьки! А место там плохое, и до Серёги всяко далеко было. Землянку на марьяне строил беглый из раскулаченных — расстреляли. После войны там скрывался дезертир, вроде как сам застрелился уже после амнистии... Да чо там! Завтра напечём блинов, помянём всех и ладно... А жеребец, получатся, теперь наш. Надо как-то бумагу на него выправить.

Пора было братья за огород. Хотя в зимовье картошки возили мало, но она давала семье заметный доход, покрывала расходы на муку и сахар. Последнее время перекупщики стали скупать её даже за деньги. Всё портили и сбивали цены алкоголики, отдававшие мешки за палёную водку. Волчатники спрятали в тайге ценные вещи, на рассвете сели на двух лошадей: отец на кобылу, Васька на жеребца, посадив Лизу за спину. Позвали за собой Тузю. Он отбежал от дома на сотню шагов, смущенно повилял пушистым хвостом, но за лошадьми не пошёл.

— Не пропадёт! — буркнул в бороду отец. — Мышей много, вода рядом.

Робкая весна уже переходила в буйное лето. Попискивали, щекотали лица комары, весело носились пташки, отовсюду лезла новая зелень. К обычным звукам тайги примешивался какой-то непонятный, прерывистый рык. Отец с сыном, прислушиваясь к нему, вертели головами. Наконец определили, что звуки доносятся со стороны села, но до него было ещё полдня пути. После полудня выяснилось, что это за звуки, а к вечеру они выехали на страшное поле с торчавшими пнями, брошенным вершинником и растерзанной гусеницами и колёсами землёй. Где-то неподалёку валили лес, стрекотал трактор, урчали машины. Всадники остановились на краю вырубки, ошарашенные открывшимся видом, приглушённо и опасно матюгнулись. Было ощущение, что воры перевернули и обезобразили их дом.

— Как жить-то дальше? — всхлипнул с виду вмиг постаревший отец. — Мне-то ладно, своё прожил по-людски, как вам?

К селу они подъезжали в поздних весенних сумерках. Здесь тоже были неприятные перемены. Возле дома Дачника стояли лесовозы, дорога под окнами разбита глубокими колдобинами. Но скромно светило окно родного дома. Заслышав лошадей, на крыльцо выскочила Танюшка, завизжала, запрыгала от радости, повисла на спешившемся деде, тот поморщился, застонал:

— Ты чо, мила? Удумала поломать старого? У меня ж спина больна. — Ткнулся бородой в румяные щеки внучки. — Ну, здравствуй!.. А я тебе гостинец от тайгуна привёз, — полез за пазуху. — Говорил, помню Таньку, понравилась...

Но Таня уже висела на отце, потом по-свойски расцеловалась с Лизой.

Распрягли усталых лошадей, завели в конюшню, вошли в прибранный дом.

— Хозяйка! — похвалил внучку дед. — Живёшь здесь или чо ли?

— Ночую, когда мамка на работе или в Фёдкином доме. Они с Семёном Егоровичем взяли его в аренду, под склад. Здесь лучше, — с мимолётной грустью во взгляде кивнула на дом Дачника, заулыбалась: — Я без троек год заканчиваю!

— Молодцом! — похвалил её Васька. — А я был матёрым троечником.

Лиза уже гремела кастрюлей и чайником, Васька принёс дров и разжёл выстывшую печку. Дел хватало всем: приготовить ужин, дожидаться, когда остынут лошади, напоить их. Только дед, огорчённый разбоем лесорубов, умылся и прилёг с дороги, отказавшись от ужина:

— Сёдни с нами останешься или к матери? — спросил внучку.

— С вами!

— Тогда ложись со мной. Эти не скоро угомонятся.

Дед первым лёг и первым встал по давней привычке. Таня тоже поднялась рано и стала собираться в школу. Молодые, провозившиеся едва ли не до утра, ещё досыпали, обнявшись, когда под окнами остановился колёсный трактор. Васька зевнул, потянулся, подумал, что отец уже договорился о вспашке огорода, но трактор недолго потарахтел, газанул и ушёл в обратную сторону. Вошёл отец, весёлый и возбуждённый, увидел, что сын со снохой проснулись, просипел приглушённым голосом:

— Я плуг нашёл, старинный, Машка хотела сдать на лом за копейки. Забрал. Сами будем пахать на конях себе и ей. А Фёдкин трактор отчего-то у бухгалтерши.

— Какая Машка? — Протёр глаза Васька.

— Кака, кака?! Твоя бывша, котору Зинка с под тебя турнула.

Маша с дочкой жила по соседству, их огороды примыкали один к другому. Забор между ними был плохонький, Васька убирал его, когда заказывал на вспашку трактор, иногда, чем мог, помогал своей бывшей, неудавшейся невесте.

— Это хорошо! — Опять зевнул. Разговор с отцом разбудил Лизу, она высунула голову из-под одеяла, протирая глаза, улеглась на мужнино плечо. — Добрая женщина, с такой что не жить, да отчего-то не складывается у неё судьба.

— Вдруг и сложится! — в полный голос рассмеялся отец, скинул ватник и кепку, мурлыча что-то под нос, густо намылил бороду и, загадочно глядя на себя в зеркало, стал править опасную бритву: вжик да вжик по старому кожаному ремню.

— Ты чего это, батя? Решил побриться?

— Надо подмолодиться, чо-то скис, а хороша жизнь на пенсии тока начинатся. — Он снова замурлыкал, выводя носом какую-то мелодию. — Ну, как? Помодел? — обернулся к сыну. — Лизка! Подстриги!

Лиза взглянула на свёкра и прыснула, ткнувшись носом Ваське подмышку:

— Будто кто сидел на роже всю ночь!

— Ну и дура же ты?! — ничуть не обидевшись, отец ополоснул лицо под умывальником, вытерся полотенцем, любясь с одного, с другого бока, выматривал себя в зеркало.

— Чо жену-то не воспитывашь? — упрекнул Ваську, продолжая выводить носом одному ему понятную мелодию.

— Хорошо, что жить стало хорошо! — пристально глядя на отца, пробормотал Васька и спросил в упор. — Жениться надумал, что ли?

— Что бы и не жениться, коли девка хороша?

— Скажи хоть кто?

— Машка с дочкой парник ладят и жалятся — тяжело без мужика. Говорю, так иди за меня, я — справный. А она: «Возьмёшь, пойду, трудно одной».

Лиза снова подняла нечесаную голову, часто заморгала, пристально разглядывая свёкра, восторженная улыбка стала расплываться на её пухлых губах.

— Она же лет на тридцать моложе?! — оживился Васька, стряхивая остатки сна.

— Так уж и на тридцать? Всего-то лет на двадцать пять, а то и меньше. Родилась, я уже был женат. Что с того?

Лиза снова прыснула, уткнувшись носом в Васькино плечо, прокашлялась, сквозь смех запела с хрипотцой: «Как надумал старый дед, надумал он жениться, Думал, думал, думал, думал, дело не клеится».

— Чёй-то не клеится? — так же в смех спросил свёкор, уперев руки в бока. — Да я ишшо в полной силе. Бывает, заткну уши, чтоб не слышать, как вы тискаетесь, а у самого ого-го, хоть об стенку трись.

Васька с Лизой громко рассмеялись, в лице сына мелькнула прежняя беззаботная улыбка, стёртая выстрелом в калеку. Лиза выскользнула из-под одеяла полуголая, в одной сорочке, залепила свёкру поцелуй в бритую щеку, кривляясь, допела:

«Коли стару бабу взять, работать не будет,

Коли молодую взять, так не поцелует».

— Ишшо как поцелует! — И снова вскинулся: — Васька, воспитывай жену, по годам — баба, а по уму, что коза недоросля, дитё ещё.

Всё начиналось хорошо в самое нехорошее время. Отец с сыном поправили заборы себе и Маше, изгородь между огородами убрали, вспахали землю на лошадях старинным плугом, не потоптав её шинами трактора. Начали дружно сажать картошку. Лиза то и дело толкала Ваську в бок локтем:

— Смотри-ка, какие счастливые, помолодевшие!

Отец и Маша во время работ переглядывались с радостными лицами. Смеялись Машина дочь Лена и Таня, перехватывая их взгляды. Все были счастливы. И тут над тайгой поднялось облако дыма, да ещё в стороне зимовья.

— Ехать надо, спасать добро, — забеспокоился отец. — Ружья, припас, инструмент... Как без них? — Он старался уже выговаривать слова по-дикторски, не так, как говорили его отец и дед. Тане это не нравилось. Она передразнивала деда, но тот молодился перед молодой женой.

— Надо! — Бросил лопату Васька. — Вы сажайте, я — один!

— Я с тобой! — Схватила его за руку Лиза.

— Сиди дома! Куда тебе, — указал глазами на живот Васька.

— Не-ет! С тобой. Рожать рано, даже не видно толком, — обернулась ко всем и покрутила бёдрами, показывая талию.

А Лена вдруг заплакала.

— Ты чего? — Кинулась к ней мать.

— Тоже ребёночка хочу!

— С ума сошла, девонька? — обеспокоенной пташкой застрекотала Маша. — Я тебя родила аж в двадцать четыре. Поздновато конечно, но не в пятнадцать же?!

Лиза с пониманием засмеялась, стала целовать соседку в солёные щёки, успокаивать.

Но спорить было некогда, она все-таки настояла на своём. Они с Васькой побежали готовить лошадей, собираться в тайгу. Через час уже выехали. Поле пересекли галопом. На тропе Васька резко остановил жеребца.

— Стой! Не дело рысить беременной!

— Да я хорошо себя чувствую! — заспорила было Лиза. Лицо её от быстрой скачки весело румянилось.

— Пойдём шагом! — Натянул уздечку Васька. Жеребец задрал голову и оскалился с недовольным видом, заскрежетав зубами по удилам.

Всё острее и едче становился запах дыма. Вот они въехали на чёрную гарь. Пожар был низовым, прошёлся по траве, сухим листьям и кустарнику, дымились пни и валёжины, стала пропадать из виду тропа, менялось представление о расстоянии. Вблизи зимовья Васька закрутил жеребца на месте, разглядывая пепел под его копытами, потом спешился, подав повод Лизе.

— Гляди-ка, волки! Уходят парочкой! — Прошёл по волчьим следам, оставляя глубокие отпечатки сапог в пепле. — Чудно! Один, похоже, Лисапед. Неужели калека обзавелся семьей? — Прошёл еще по следу и вернулся к топтавшемуся на месте жеребцу. — Уносят щенков. Видимо логово сгорело. Да и что им в этой пустыне?!

К зимовью они подъехали засветло. Бог милостив, ручей защитил от пожара избушку и баню, пал прошёл мимо, но в направлении тайников, где были спрятаны инструменты, оружие и охотничий припас. В той стороне полыхало пламя. Васька бросил повод жеребца Лизе, спешился, срубил молодую березку, кашляя и морщась от дыма, стал сбивать пламя с сухой травы. Радовался, что успел и есть надежда сохранить в целостности припас.

Горел ствол валёжины, в которой была спрятана малокалиберная винтовка убитого Серёги. Сбить с неё пламя ветками не удавалось. Он нашёл почерневшие вёдра, бросился с ними к ручью. Краем глаза увидел, как Лиза управляется с лошадьми. Прибежал с водой, залил пламя валёжины с выгнувшей серединой, вытянул винтовку с обгоревшим прикладом, бросил ружьё в безопасное место, кинулся отстаивать дробовики, спрятанные в камнях, порох, капсюля, дробь.

К нему подбежала Лиза с лопатой в руках. Хлюпая носом, стала сбивать пламя. — Тузя-то где? — крикнула.

Только тут Васька вспомнил про собаку, которая должна была встретить их радостным лаем. Тузя молчал.

Пожар обошёл места с припрятанными вещами и в надвигавшейся ночи яркой полосой подался вглубь тайги.

— И кони в конюшню не идут, — кашляя, продолжала жаловаться Лиза. — Храпят, на дыбки становятся.

Васька взял её под руку, они вернулись в зимовьё. Кони стояли возле избы, тревожно похрапывали и прядали ушами. Васька достал из рюкзака фонарик, пошёл посмотреть конюшню. В свете луча из угла блеснули звериные глаза. Он подошёл ближе, увидел двух жавшихся друг к другу волчат. Вышел, не запирая

дверь, дал круг возле избы, высвечивая под ноги, нашел пышный Тузин хвост. Видимо волчья семья челночила щенков от сгоревшего логова в иные места. Волк с волчицей оставили двух новорожденных в пустой конюшне, подкрепились Тузей, ушли дальше и должны были вернуться.

— Пусть здесь отстоятся! — кивнул на лошадей, присаживаясь на крыльцо. — Надо что-то поесть. Чаю бы заварить, да не хочется идти за чайником.

— Что там? — спросила Лиза, тревожно указав глазами на конюшню.

— Волчат оставили. Скоро вернутся за ними. Не ходи туда. — Он долго молчал, глядя, как Лиза режет хлеб и сало, потом, хмыкнув под нос, пробормотал: — Интересно, Лисапед кобель или волчица? Наверное, всё-таки волчица.

— Как у людей! — грустно улыбнулась Лиза, жестом приглашая мужа к столу. — Не ты меня выбрал, я — тебя! Тоже калеку взял.

Васька заметил вдруг, что у неё обгорели пряди волос, крылышками свисавшие с висков до подбородка. Посветил в лицо. Она неприязненно зажмурила глаза.

— Да ты и брови опалила, волчица! Когда и где успела?

Ночью забеспокоились, захрапели лошади. Васька выскочил из зимовья с ружьём наперевес, поводит по сторонам фонарём, ничего не увидел, лошади стали успокаиваться, он вернулся в тёплую постель, под бок к Лизе и подумал, что волчья парочка, должно быть, забрала своих волчат. Но беда с пожаром оказалась предтечей другой. Утром Лиза торопливо скинула одеяло, села с изумленным лицом, сунула руку в пах и с виноватой улыбкой показала окровавленную ладонь.

— Неужели выкидыш? С чего бы? Не сильно-то перегружалась.

Васька резко вскочил на ноги, выругался:

— И правда, Халбанур, башка еловая! Надо срочно выбираться, но как? — Стал тереть щетину на щеках. — Только верхами. Сделать носилки между лошадьми — не пройдут по тропе парой. Придётся лечь на круп. Постелем матрас. Кобылка ходит мягко.

Завтракать они не стали, привезённый хлеб взяли с собой. Васька быстро оседлал жеребца, на хребте кобылы закрепил матрас, заставил Лизу лечь. Прихватил отцовские двустволки и вскочил в седло. Лошади шли шагом. Жеребец то и дело порывался перейти на рысь, грыз удила, задирает голову.

— Как ты? — Время от времени Васька оборачивался к Лизе. Покачиваясь в такт шагам кобылы, она лежала на спине, пустопорожними глазами смотрела в небо.

— Нормально! Ничего не чувствую, — отвечала, не поднимая головы.

А вокруг была безмолвная чёрная гарь с чадящим валежником. К вечеру они добрались до дома. Васька бросил повод дочке, снял с крупа Лизу, занёс в избу, снова спросил: как ты?

— Больно! — всхлипнула она, кусая пухлые губы. По её щекам текли слёзы.

Васька побежал к Дачнику, его машина стояла во дворе под пластмассовой пальмой. Сосед вышел на крыльцо в майке, из-под которой свисал рыхлый живот, с укором и неприязнью зевнул, поскрёб затылок под косицей, выслушал и отказался ехать ночью.

Васька не стал его уговаривать, бросился к Агрономам, которые возделывали свою землю, на зависть всему селу собирали неслыханные урожаи и торговали овощами на рынке райцентра. Третья машина была у Бульдога, который выстроил двухэтажный кирпичный дом и держал свой магазин, как Дачник. «Москвич» Агрономов стоял во дворе, но в окнах не было света. Молодой мужик, младше

Васьки, вышел на стук с заспанным лицом, видимо они тоже ложились рано. Выслушал, кивнул:

— Сейчас оденусь! — Через минуту они уже ехали к дому волчатников.

Машина Агронома была приспособлена под перевозки: задних сидений не было. Это и лучше. У дома их встретили Таня, отец с Машей и её дочь, Люся с мужем. Положили Лизу на тот же матрас, на котором Васька вывез её из тайги, укрыли одеялом. Как ни уговаривала Агронома Люся, он отказался взять её в салон: из-за этого могла случиться задержка на посту ГАИ. Фары высветили разбитую лесовозами дорогу, «Москвич» тронулся, переваливаясь на колдобинах, как корабль в бушующем море. Лиза стонала, Васька дёргался, старался её разговаривать, рассказывал Агроному о выгоревшей тайге, спрашивал, можно ли выжить в селе огородом.

— Выживаем! — отвечал тот. — Разбогатеть трудно, но жить можно. Вырастить урожай полдела, даже меньше. Продать сложнее.

— Что? Горожанам не нужны картошка, капуста, свёкла?

— Ещё как нужны! Но на рынке рэкет перекупщиков, драка за места. Милиция ни во что не вмешивается, дескать, свобода, демократия, общечеловеческие ценности.

Так, перебрасываясь фразами, они добрались до города на рассвете. Районная больница была закрыта. Васька стал стучать в дверь, из-за неё подал голос сторож.

— Уходи, ментов вызову!

— Вызывай! Женщина на крыльце умирает.

— Вызывай скорую!

— Так пусти к телефону?!

Сторож оказался при совести, внести больную в фойе не разрешил, но сам вызвал скорую помощь. Ждать пришлось долго, но она пришла. Лиза уже поскуливала и сучила ногами от боли. Врач с медсестрой осмотрели больную, положили на носилки и разрешили Ваське сопровождать жену. Агроном махнул ему рукой, сел в машину и отправился домой.

Лизу внесли в дежурную клинику. С чужим, отрешённым лицом она даже не взглянула на Ваську. Его остановили в фойе. Он просидел там до полудня. Вышла медсестра, назвала фамилию, он кинулся к ней с места, она сказала сухим голосом, что ребенка сохранить не удалось, но больная жива, утром выпишут. Васька шумно выдохнул, кивнул и пошёл на вокзал, доспать и дожидаться утра.

Лиза вышла к нему с отчуждённым лицом среди распущенных по плечам волос. Молча они пришли на автовокзал, дождались своего автобуса, заняли места, ехали сидя. И лишь на подъезде к селу, когда машина стала мотаться на колдобинах, Лиза тихонько расплакалась, прильнув к его плечу:

— Может так и лучше? Расплата за свои и родительские грехи. Что бы там родилось после моих улётов?! — Помолчав и похлопав носом, она приглушённо вскрикнула с отчаяньем и мольбой: — Ты меня не бросишь? Врач сказал, у меня всё в порядке, ещё смогу рожать.

Васька прижал её к плечу, стараясь казаться ласковым и улыбочивым, судя по лицу Лизы, это у него получилось плохо, и он смущённо прошептал ей на ухо:

— У нас ещё будут дети, — заговорил громче: — я рос один и всегда завидовал многодетным.

Лиза недолго ходила расстроенной и насупленной, дел было много, и она с виду отвлеклась от своего горя, породнившись с Таней и Леной. Хоть и замужня

женщина, но она больше ладила с ними, чем с Машей, и те относились к ней, как к равной. Все жили и работали дружно, Маша готовила еду на всех, девчонки и Лиза пололи и поливали грядки, мыли посуду, поили и купали лошадей. Васька исподтишка наблюдал за женой и чувствовал, что всё больше привязывается к ней. Женщины из его прошлой жизни проходили, не задевая сердца, одна только Люся вызывала душевное влечение, и оно постепенно переходило на её сестру. Васька иногда даже любовался женой, опять с хвостиком на затылке и крыльями прядей с висков, снисходительно поучал, как дочку. Ни Таню, ни Лизу это не раздражало, будто обе были его дочерьми.

Двое мужчин, две женщины и две девчонки засадили огороды. Проклюнулась из пашни картофельная ботва, пора было готовиться к покосам. А сена на двух лошадей и жеребёнка надо было не меньше двух стогов. Понимая, какая работа предстоит мужчинам, Маша, вздыхая и смущаясь, как-то сказала, что завела бы корову, если будет сено, а Вася с Ваней поправят разваливающийся скотник. Отец с сыном переглянулись и не ответили женщине.

Подходило время заготовки сена. Многие селяне уже не держали скот, но требовали свою долю в дележе покосов. Волчатник спорил с ними за лучшие места, Васька отбивал и затачивал косы, далеко по улице разносился их звон. Мимо калячки его дома, кряхтя и упираясь, два матёрых алкоголика из бывших принудительных поселенцев тащили по ухабам старинную конную жнейку. Проржавевшие железные колёса громко скрипели, то и дело переставали вращаться.

Васька услышал их сквозь звон косы, перестал колотить молотком, резво выскочил на дорогу.

— И куда же вы волочите такую тяжесть?

— Магази́нщик лом собирает! — задыхаясь и смахивая пот с лиц, неприязненно ответили собутыльники.

А Васька уже осматривал колёса, зубцы и цепь косилки, выпытывал:

— Где скомуниздили экспонат? — Ему было досадно, что, прожив жизнь в селе, он не видел этой жнейки, а пришлые алкаши вдруг нашли её. Комья земли и много ржавчины указывали, что её откопали.

— Там другой нету! Не твоё, отойди!

— Может, я перекупить хочу для музея?!

— Ставь ящик и расходимся!

Что-то заметив в непроницаемом Васькином лице, другой тут же вякнул:

— Полтора!

— А не упьётесь?

— Осилим! Не сами так помогут.

— Надо отца позвать, пусть посмотрит! — Васька побежал к соседскому дому.

Отец осмотрел жнейку и решил, что наладить её можно. Денег на полтора ящика водки у них не хватило. Собрали, что могли, и Васька пошёл к Агроному, просить в долг: выпрашивать водку у Зинки или Дачника он не хотел. Агроном снова помог. Васька принёс деньги, все разошлись, довольные сделкой. Отец с сыном заволокли жнейку во двор, весь следующий день возились с техникой, и не напрасно: смазали, расходили детали, заточили зубцы.

— Правду говорил дед, нутром чуял, — самодовольно бубнил отец. — Всё равно всё вернётся к старому. На века делали, — уважительно похлопывал по железу. — Не то что нынешние.

Вечером они запрягли в жнейку Федькиного жеребца, опробовали, техника

работала. По такому случаю Иван захотел выпить, но денег не было. Маша раздобрилась, достала заначку, сама сходила в магазин. Здесь Зинка бойко торговала стеклоочистителем. Маша попросила бутылку с наклейкой.

— Дура баба! — попытался вразумить её алкоголик с похмельным лицом и ловко выщипнул из Зинкиной руки флакон вроде одеколонного. — Это дешевле и спирт чище, чем в катанке.

Маша настороженно выслушала его, но потребовала водку, попробовала пальцами пробку, она елозила по горлышку. Попросила другую бутылку. Зинка, презрительно хмыкнув, поменяла товар.

Ваське тоже хотелось выпить по случаю удачи, но пришлось воздержаться из-за Лизы.

— Так ведь и вовсе стану трезвенником, — посмеялся, но компании отцу не составил.

В летний зной покосов на конечной остановке из рейсового автобуса вышел молодой человек в джинсах, словно испачканных известью, мода на которые ещё не дошла до села, в цветастой тенниске и кроссовках. На его плече висел потёртый солдатский вещевого мешок, под мышкой — свёрнутая телогрейка, что никак не вязалось с его щеголеватым видом. Бросались в глаза короткая стрижка и пристальный, будто немигающий взгляд, не вызывавший желания разговаривать и знакомиться.

Молодой человек некоторое время постоял на месте, неторопливо оглядываясь по сторонам, плотней прижал к боку телогрейку, уверенно направился по ходу автобуса на другой конец села и толкнул калитку Маши. На крыльце её дома в одной майке сидел Иван-волчатник с поблёскивавшими на лысине каплями пота. На скрип калитки из сеней выглянула Маша, испуганно вскрикнула и окликнула дочь. Вышла Лена, взглянула на гостя, засмуцавшись, стала одёргивать платье.

— Ну, будьте здоровы, что ли! — настороженно проговорил тот.

— Север или чо ли? — Поднялся навстречу Иван.

— Ой, да что это я?! — Засуетилась Маша. — Проходи, давай! — И Ивану: — Ленка весь срок писала ему письма. — И к дочери: — Что стоишь-то как столб? Встречай жениха!

Лена засмуцалась пуще прежнего, со стыдливой улыбкой поглядывая на гостя.

— Ну, чо?! Проходи, давай, — Иван снял с плеча Севера мешок, подхватил телогрейку. — Амнистия или по УДО? Накрутили тебе тогда по полной.

— Амнистия! Расщедрилось новое правительство! — Просветлел лицом и даже улыбнулся Север. Как-то виртуозно легко вытащил свой мешок из рук Ивана, распустил затяжной узел и вынул две пуховые шали. Одну протянул Маше, другую Лене. Обернулся к Ивану: — Извиняй, батя, про тебя не знал.

За три года он мало изменился: был таким же невысоким и худощавым, как до суда, только среди русых волос чётче обозначились залысины. Маша приняла его как брата и поселила у себя, Иван этому не препятствовал. Зато соседи, узнав, кто к ней приехал, восторженно ждали смешной развязки со скандалом и дракой.

После обеда Север отметил у участкового, тот пришёл к Маше, спросил, добровольно ли поселила и собирается ли прописать у себя освобожденного по амнистии? Позыркал глазами по закоулкам двора:

— Работы в селе нет. В батраки, значит, определился Северьянов?

— В мужики, гражданин начальник, в му-жи-ки! — помётывая искры из-под прищуренных век, неприязненно оскалился Север.

— Что вяжешься к парню? — заворчал Волчатник. — Может, он мне родня...

— Ну-ну! — С каким-то намёком прогнусавил участковый, пошевеливая густыми бровями, и ушёл не прощаясь.

Вечером Маша устроила маленький праздник. Васька с Лизой отметил, познакомился поближе, посидел за столом, почуяв запах спиртного, потащил жену домой.

В лёгком подпитии Волчатник с Севером пришли в магазин за второй бутылкой. Здесь царила Зинка в ярком цветном костюме и собирала селян не столько товарами, сколько рассказами об удивительной стране Турции, где побывала в отпуске, о морских пляжах, солнце и песочке, невиданных сибирячками.

Увидев вошедших мужчин, она осеклась на полуслове: уже слышала о возвращении Севера. Её восторженное лицо насупилось, она громко спросила бывшего свёкра:

— Как жить-то будете с Машкой: по очереди или скопом?

— Скопом! — ответил старый волчатник и рассмеялся.

У Севера дрогнули губы и чуть обнажились зубы в презрительной усмешке. Двое взяли бутылку водки и вышли, не удовлетворив Зинкиного любопытства. Она же чертыхнулась им вслед и продолжила рассказ о прекрасной Турции.

Уже на другой день Север с удовольствием работал на покосе. Задружная семья сгребала просохшее сено и смётывала его в копны. Агрономы работали на своей земле. Любопытство разбирало и Лизу. Она с вилами в руках вертелась возле свёкра, так и эдак намекая, что Север для Маши слишком молод, а для её дочери староват: школьнице всего-то шестнадцать.

— Оказывается, я знал его отца! — ответил свёкор. — В одном учреждении мотали срока: только я — служил, а он отбывал. Достойный был зек и помер красиво, за правду... А Ленка после суда писала Северу письма и собирается за него замуж.

— Куда этой малявке? — удивилась Лиза. — А зека Бровастик посадит, если станет жить с малолеткой.

— Посадит! — согласился свекор и ухмыльнулся, скривив выбритые губы. — Если докажет. Зато в селе её уже никто не обидит, помнят, как Север наказал пидора. Его опустили уже в крытке, а в лагере сдали бараку: есть ещё правда на свете, хоть бы и в местах исполнения наказаний.

Участковый через день-два приходил к Маше, всякий раз видел Севера трезвого и работающего, и всё гадал, отчего его кормят в чужом доме.

После распада совхоза Маша работала уборщицей в школе. Зарплату ей подолгу задерживали, а добиваться её она не умела, поэтому жили они с дочкой бедно, перебиваясь огородом. Едва вошёл в их семью сосед Иван-волчатник, зажилось легче и сытней. Повеселела Лена, прежде такая же замкнутая и стыдливая, как мать. У Севера деньги быстро кончились, они обесценивались едва ли не каждый месяц. Ваське с Лизой тоже пришлось думать, как жить дальше без тайги и отцовской пенсии. Она предложила поработать почтальонкой вместо сестры, пока та в декретном отпуске. Васька прикинул, чем может кончиться её хождение по селу, и отверг такой заработок. Сам же подумывал, не податься ли к староведам в их крепкую деревню, которую ничуть не сломала перестройка. Без вмешательства партийных властей она зажила даже привольней. Но староверы не то, что сбродные селяне, чужаков не принимали. Васька слышал, что надо лет десять прожить поблизости, чтобы войти в их общину, а это значит заново строиться на голом месте, распахивать целину, при этом как-то добывать пропитание.

Селяне предлагали ему пасти частный скот. Он подумал и отказался:

— С вас деньги надо выбивать: платить не любите! Мне это не подходит.

Надо было обзаводиться своим скотом, но денег на это не было. Север тоже искал заработки. Выбор был: строить дачи горожанам или свинарник, птичник и баню Агрономам. Решили пойти к Агроному. Люся родила двух мальчишек, ничем не похожих друг на друга. Лиза ожила, повеселела после выкидыша. Сестра боялась потерять работу и вскоре опять ходила по селу с сумкой. Лиза с Таней охотно водились с её младенцами, с восторгами рассказывали о проделках малышей. Каждое утро Лиза сама забирала их у сестры и степенно, с важностью несла до дома на краю села. По пути, обычно, её несколько раз останавливали вопросами:

— Лизка! Родила, что ли, от Халбанура?

— Не от вас же алкашей! — презрительно отбrehивалась она, задрав задиристый носик. — И ещё рожу пятерых.

— А не треснешь, без бутылки-то?

— Заштопают!..

Тёплая августовская ночь случилась тихой без рокота лесовозов, потяга из тайги накрывала село запахами выстывших пожарищ. Ещё в сумерках рассвета кто-то тревожно застучал в окно. Васька в одних трусах высунул голову из двери.

— Всю капусту ночью вырубил! Что делать? — отчаянно вскрикнул Агроном.

— Буди отца! — Халбанур указал на соседский дом и через минуту выскочил одетый.

— Берите двустволку, езжайте, перекрывайте дорогу! — распорядился Иван. — Машин ночью не было слышно. — И стал одеваться. Начал было одеваться и Север, ночевавший в сенях.

— Сиди и не высовывайся! — Приказал Иван. — Без тебя управимся.

Он всё понял, кивнул, оделся, аккуратно заправил кровать и лёг поверх одеяла.

Васька с Агрономом уехали на «Москвиче» к выезду из села, Иван пешком отправился к пограбленному хозяйству. Агрономша сидела на крыльце и плакала, закрыв ладонями лицо. На вопрос только махнула рукой, указывая место за домом с торчавшими рядами кочерыжек. Волчатник обошёл его вдоль забора, поманил женщину.

— Не реви! Полсотни кочанов бесследно не утащить. — И распорядился: — Беги к участковому! — Склонив голову, как ищейка пошёл по следу. Остановился он возле дома местных пьяниц, высланных в совхоз до перестройки и успевших урвать кое-какую долю после его раздела. Там ещё спали. Иван присел на лавку на другой стороне улицы, поелозил ногой по вытопанной земле, усеянной окурками и пробками. Село ещё только начинало просыпаться. Сонно взлаивали собаки, порёвывали коровы, орали петухи. Вдали заурчала машина. К дому пьянчужек подъехала «газелька» перекупщиков, часто навещавших здешних жителей. Одновременно к Волчатнику подошли бровастый участковый с оттопыренной кобурой на боку и молодая Агрономша, причитавшая:

— Месяца полтора могла бы ещё расти. Не дали.

Перекупщики испуганно закрутили головами, но выезд им преградил «Москвич». Они быстро оценили ситуацию, успокоились и, посмеиваясь, посигналили.

На крыльцо вышел хозяин, зыркнул на «газельку», на «Москвич», на другую сторону улицы, с сидящими на лавочке, и тоже всё понял. Участковый поднялся, не спеша, с лентой, как кот с тёплого места, направился к нему.

— Здесь, в сенях всё, — осклабился пьянчужка. — А что? Помог буржую снять урожай.

— Помог...?! — выругался Агроном, выбираясь из машины. Хлопнул дверцей. — В середине сентября, а то и в конце, могли бы снять, — безнадежно махнул рукой, переговорил с участковым и перекупщиками. Пожаловался на упущенную прибыль.

— Грузи давай, помощник! — Указал бровями на «газельку» участковый.

Потея и хоркая, пьянчужка стал выволакивать из сеней мешки с кочанами.

— Больше бы не выросла, — съязвил, пытаясь сохранить бравый вид. — Ни у кого таких кочанов нет, а цена сейчас ого, не то, что перед посолкой.

Васька с Агрономом стали помогать грузить ворованную капусту, к ним присоединились перекупщики. За последний мешок ухватилась жена пьянчужки, прокуренная бабенка с чёрными пеньками зубов за впалыми губами:

— Это наша! Не дам!

— Не ори! — прикрикнул на неё муж, сел на крыльцо, стирая пот с лица: — Раскумарил, начальник! — скривил губы, заискивающе поглядывая на участкового.

— Этот мешок — на себе в участок, в качестве вещественного доказательства. — Приказал тот, хмурая мохнатые брови. — И колись, с кем капусту рубил. Одному за ночь столько не снять.

Газелька ушла, Агроном пересчитал деньги, вырученные за капусту, выщипнул и протянул несколько бумажек Ваське, тот мотнул головой, отказываясь брать плату за помощь. Пьянчужка с мешком на плечах, сутулясь и кашляя, семенил следом за участковым.

Бровастик не дал ход делу о капусте, но заставил алкоголика с поделником пилить ему дрова на зиму. Окончательно протрезвев, двое неспешно ширкали ручной пилой под окнами милицейского участка, затем по очереди кололи чурки. Как-то окликнули проходившего мимо Ваську:

— Ты скажи Агроному, что ему эти дрова даром не пройдут. Заплатит!

Васька презрительно усмехнулся. Это была скрытая угроза и волчатникам, напрямую они угрожать опасались.

— Ты всё-таки скажи! — неприязненно глядя, поддакнул другой, затушил окурок о голяшку резинового сапога и взялся за пилу.

Лиза была одна на кухне, когда к воротам Дачника подъехали две иномарки, и в доме с пальмой заорала Зинка. Почуввав недоброе, Лиза заперлась в избе, раскрыла окно в огород и стала звать мужчин. Вскоре в дверь заколотила пятками Зинка.

— Помогайте, люди добрые, убивают!

Страхивая с себя сенную труху, со скотного двора подошли трое мужчин с вилами.

— Что орёшь? — угрюмо спросил Васька.

— Грабят среди дня! — взвыла Зинка, бросаясь к нему.

Север с Иваном, рассматривая иномарки, прислушивались к воплям Дачника и звону разбиваемой посуды в доме напротив.

— Беги к участковому! — посоветовал Васька.

— Не открывает, говорит болен!

Двое молодцов спустили с крыльца Дачника с заломленными за спину руками и растрёпанной косичкой. Следом вышли ещё двое в кожаных куртках.

— Охтенки! — хмыкнул Север и вышел за калитку. — Фока, что ли?

Один из бомбил обернулся, оскалился золотыми фиксами:

— Север? Когда откинулся?

Дачника затолкали в салон, машины тихо заурчали двигателями, Север с дружком мирно говорили о своих делах, Зинка с перепуганным лицом с недоумением крутилась возле них, ничего не понимая из тарабарщины, на которой они общались, дёргала за рукав Фоку и что-то тараторила. Не оборачиваясь к ней, он брезгливо стряхнул руку, качнул ухом в её сторону:

— Рычи мочалке, её фраерок не по чину хвост задрал! — Затем, хлопнув дверцей, сел за руль. Другой автомобиль развернулся, и обе машины, западая на колдобинах, разбитых лесовозами, направились к выезду из села. Вступаться за соседа никто не собирался. Зинка, поойкав и покрутившись возле мужчин, поняла, что помощи не дожждётся, засемила в дом с распахнутой дверью. Таня, прибежав с огорода, хотела пойти за матерью, но Васька остановил её.

— Не наше дело, сами разберутся!

— Лесорубов крышевал начальник РОВД, а барыга перестал платить. — Помолчав, пояснил Север: — Я с Фокой в одном отряде... И раньше пересекались по малолетке.

Теплыми вечерами после работ Север с Леной сидели на лавочке под окнами её дома и тихо разговаривали, бывало, до полуночи. Эти посиделки очень беспокоили Машу.

— Чует моё сердце — добром их разговоры не кончатся! — жаловалась Ивану, прислушиваясь к приглушённым беседам под окном. — Он хороший парень и Ленку спас от позора, но ведь зек и детдомовец.

— Среди зеков хороших людей не меньше, чем на воле, — сонно всхрапывая, пробормотал Иван. Недовольно покряхтев, изрёк как о пустяшном: — Ну, станешь бабушкой, страшной ничего не случится. А может, добрая семья сладится. Парень-то хороший.

— Если бы так! — вздыхала Маша, беспокойно ворочаясь прохладной ночью. — Но детдомовец, семьи не знал... И моя выросла без отца.

Лена же с Севером, сидя на лавочке, шепотом насмеялись над Зинкой, которая в ночи таскала на себе мешки из дома Дачника. Не спала она и другую ночь, перетаскивая товар из магазина в дом пропавших Федьки и его жены. Зинка заняла его, якобы спасая от разорения соседей, и пыталась оформить в собственность. Но о хозяевах не было никаких сведений, участковый о беглом убийце помалкивал.

Как-то резко и сразу возле дома Дачника перестали останавливаться лесовозы, и теперь портили воздух возле кирпичного коттеджа Бульдога, а народ потянулся в его магазин на другом краю села.

Зинка же старалась не зря. Вскоре на грузовике приехала дочь Дачника, ничего не рассказывая об отце, предложила Ваське с Севером погрузить вещи за плату. Они с охотой согласились поработать, денег не хватало ни тому, ни другому. По ходу погрузки узнали, что Дачник в село уже не вернётся, а его дочь продаёт бывший Зинкин дом. Север спросил: за сколько? Бабенка заломила неслыханную для села цену, напирая на то, что дом обшит сайдингом и оборудован евродверьми.

Во время этого разговора к Ваське подошёл Агроном. Север же оживлённо торговался, предлагая женщине забрать обшивку и двери, чтобы сбавить цену. Не спрашивая новую хозяйку, мужики втиснули в кузов грузовика и пластмассовую пальму. Им стал помогать Агроном. Спросил, что стоят сайдинг и двери, вошёл в дом, осмотрел их, предложил свою цену. Сторговался с новой хозяйкой и Север. Видимо, женщина очень спешила, и согласилась на условия покупателей.

— Где же ты возьмёшь такую кучу денег? — проводив машину, спросил дружка Васька.

— Деньги всегда есть, не у нас так у других, — как-то отстранённо и неуверенно пробормотал Север.

— Будешь воровать?

— Никогда не воровал, — со злой усмешкой в лице обернулся к нему Север. — Баклан по судьбе! Всю жизнь мечтал иметь свой дом!

— Тогда как?

— В долг... — Помолчал, гоня желваки по скулам: — Очень не хочется подсесть на братву.

— Агроном хочет строить новый дом, — кивнул Васька в сторону удалявшегося соседа. — Отчего не подрядиться? Может, даст деньги вперед?

— Работать где-то надо! — согласился Север. — Не сидеть же на халяве у Маши с Иваном...

Они оба были очень удивлены, когда Агроном без колебаний согласился дать Ваське большую сумму в долларах, но только на три месяца. Свои деньги дешевели с каждым днём. Втроём они сняли со стен дома сайдинг, вынули из косяков стеклянные двери, вставили прежние, вынесенные в коровник, и дом обрёл былой сельский вид. Север был счастлив, он резко помолодел и стал похож на мальчишку. Новоселье праздновали своим кругом: семья Агронома, семьи Волчатника и Васьки, новый хозяин.

Закончив строительство свинарника и птичника на участке Агронома, Север с Васькой взялись за баню. Работали они по двенадцать часов, Лиза с Леной приносили им обед. Уходили с рассветом, возвращались вечером, а потом чуть ли не до полуночи Лена с Севером благоустраивали свой будущий дом.

— Ой, боюсь, боюсь! — всхлипывала Маша, уткнувшись в плечо Ивану. — Он же зрелый мужик, ему баба нужна: понесёт девка, не закончит школу. Ничего плохого про него не скажу, хороший, работающий, обходительный...

— Сама-то во сколь родила? — проворчал Иван.

— Поздно! На меня никто не смотрел аж до двадцати двух. Появился ухажёр, бросилась ему на шею как перестарка, и ни о чём не жалею: всё-таки не одна, доченька у меня.

— Правильно говоришь, Север — мужик, не щегол, ему нужна семья, дом, а не развлекалово. Говорил ему, кабы не пришел тебе Бровастик 119-ю?! А он мне: «Власть меняет статьи под себя. Сейчас, по 134-й, связь с шестнадцатилетней — богатенькому штраф. Предел до года. Мне, без базара, меньше трёшки не дадут»... Он умный! Умней нас!.. Глупость не сделает.

Север с Васькой уже подняли сруб из бруса и на другой день собирались класть балки. Но среди ночи в окно волчатников опять заколотил Агроном.

— Сруб горит!

Все трое мужчин и женщины с девушками бросились тушить пожар. Прибежали соседи Агронома, опасаясь за свои дома. Ночь была безветренной, недостроенную баню потушили, огонь не перекинулся на другие строения.

На другой день строители с Агрономом осмотрели и разобрали обгоревший сруб. Обуглился он только с одного боку. Сам по себе вспыхнуть не мог: сырой брус ни окурком, ни спичкой не поджечь. Явно, плеснули на стену ведро солянки или бензина. Кто? Следствие проводить не было смысла. После кражи капусты алкоголики грозили отомстить и отместили.

— Заявить участковому? — неуверенно спросил Агроном.

— И чо? — рассерженно возразил Иван. — Чтобы опять менту дров попилили? Больше с них взять нече.

— Не надо заявлять, — скрипнул зубами Север. — Сами накажем!

Волчий оскал мелькнул и на Васькином лице:

— Кончить алкашей, чтобы людям жизнь не портили!

— Давно пора! — поддакнул Иван.

— Да вы что, мужики! — испуганно водя глазами с одного на другого, заспорил Агроном. — Побить для острастки и ладно!

— Побить? — Усмехнулся Иван. — Они тут же побегут к Бровастнику, опять дрова ему попилят, а нам хулиганка, а то и тяжёлые телесные!

— Мне-то не меньше пятёрочки впарят, — растирая пальцами лоб, скороговоркой пробубнил Север, взглянул на руку, испачканную сажей, и стал вытирать лицо рукавом.

— Бог терпелив, всё видит, — глубокомысленно изрёк Иван. — Но нельзя Его без конца грузить. Всяка мразь так расплодится, жизнь не в жизнь станет.

Агроном из рассуждений своих строителей ничего не понял, вздохнул с тоской в лице:

— Если бы только это! — Кивнул на обгоревшие брусья. — На рынке пресуют. Чурки вытолкали жену в самое плохое место и требуют плату сверх общей. Картошку рассыпали, весы пытались отобрать. Мент у них купленный, ни во что вмешиваться не хочет.

— Разберёмся! — буркнул Север и вскинул на Агронома стылые глаза. — Купи у Зинки коробку стеклоочистителя, дай алкашам за мировую. Дескать, не жгите больше. С остальным разберёмся.

Агроном вскинул на него удивлённые глаза.

— Купи, купи и выставь! — мстительно поддакнул Васька.

Строительство бани решили отложить. Агроном с женой собрали в машину и прицеп овощи на продажу, мужчины уехали в город автобусом. На рынок они приехали рано, Агрономы заняли место. Васька с Севером отошли к пивному ларьку с высокими столиками, где уже толпились потрёпанного вида мужички с похмельными лицами. Пива ни тот ни другой не любили, взяли бутылку вина, пластиковые стаканчики, лёгкий закусь. Север, не прикасаясь к выпивке, пристально наблюдал за рынком, наполнявшимся торговцами и покупателями. Презрительно усмехнулся:

— По лицам видно у кого какой чин!

К их столику подошёл насмешливого вида мужик, ослабив дёсны без передних зубов, указал глазами на бутылку:

— Похмелите, братаны!

Север мельком взглянул на него.

— Неси посуду!

Мужик, повеселев, вынул из урны помятый пластиковый стаканчик, поставил на столик. Север молча налил в него вина. Мужик с удовольствием выцедил его, постоял, тоскливо глядя на початую бутылку. Север с Васькой, не обращая на него внимания, выпили, не чокаясь, и продолжали пристально наблюдать за толпой, при этом изредка перебрасывались короткими фразами. Угощенный мужик походил среди других столов и вернулся с повеселевшим, нагловатым лицом:

— Ну, что на неё смотрите! — Кивнул на бутылку. — Наливай по второй!

Север, едва достававший макушкой до его уха, презрительно потянулся к нему, что-то шепнул. Мужичок резко ссутулился и с испуганным видом шмыгнул за угол. Север, даже не взглянув в его сторону, указал Ваське на кавказца важного вида:

— Тот вон, у них за главного!

Оба стали внимательно следить за инородцем, с важным видом обходившим ряды торговцев. Через некоторое время к нему подошёл русский мужик в кожаной куртке с обритой головой. Кавказец изобразил на лице величайшее почтение, а Север дернулся, отставив недопитый стаканчик.

— Постой здесь!

Быстрыми шагами он подошёл к мужику в кожанке, что-то сказал ему, и хмурое лицо бритого посветлело. Они отошли в сторону, недолго переговорили. Вскоре тот же самый кавказец, надзиравший за торгующими, освободил место, раздвинув торговцев у входа в рынок, подбежал к Агроному с женой, жавшимся в дальнем углу.

— Торгуй, брат! Скажи, кто тебя обидел, разберусь!

Решив проблему, Васька с Севером оставили на столике недопитую бутылку, прошлись по хозяйственным магазинам, высматривая краски и растворители, купили две цилиндрические бутылки с метиловым спиртом. В городе им делать было нечего. Дожидаясь автобуса, они старательно соскоблили с бутылок наклейки.

— Однако, крутые у тебя знакомства! — не удержался от восхищения Васька. — Хоть среди ваших есть порядочные люди.

— Крутые крышуют рынок и лесорубов, а братва у них в шестёрках, — с усмешкой ответил Север. На том их разговоры о городе закончились.

Они доехали до села и высадились в самом начале. Автобус ушёл к конечной остановке, дружки пешком отправились к себе мимо дома алкоголиков. По их виду, те уже опустошили упаковку стеклоочистителя, с помятыми лицами, исполненными важности, сидели на лавочке, возле скособочившегося дома.

— Из города, строители? — небрежно поприветствовали прохожих, при этом всматривались в них собачьими глазами с одной мыслью: есть ли у них что, и дадут ли?

— Из города! — коротко ответил Васька.

— Везёте что-нибудь?

— Везём! — Васька тряхнул пакетом, и в нём звякнуло стекло.

— Так налейте? А то Агроном напоил, а похмелить не спешит.

Васька вынул из пакета бутылку.

— Не жгите больше!

— Добазарились, не вопрос!

Север с Васькой пошли дальше.

— Не вопрос?! — процедил сквозь зубы Север. — Почуяли слабинку, рэкетеры хреновы... Нацелились и нас доить. Многовато их развелось на воле?!

— Много! — согласился Васька с мрачным лицом.

У Маши в тот день случились рвота и головокружение. Иван заставил её лечь, стал отпаивать травами, утешал, что женщина на пожаре надышалась гарью. Рвота повторилась. Иван, обеспокоенный, побежал в фельдшерский пункт, привел сельскую медсестру. Та прослушала больную, измерила температуру, пожалала плечиками под белым халатом, выписала какую-то микстуру.

Рвота и головокружение не проходили. Иван повёз жену в городскую больницу автобусом, дождался её после приёма. Она вышла от врача с перепуганным лицом. Он вскочил со стула с побагровевшей лысиной:

— Чо тако?

— Ваня!.. Говорят, я беременная! Что делать?

— Тьфу на тебя, дура! — облегчённо выругался Иван. — С такой мордой вышла, думал — рак. Чуть сердце не остановилось.

— Что люди-то скажут?! — жалостливо проканючила Маша. — На старости лет ополоумели дед с бабкой.

— Тьфу на них! Это я дед, тебе до бабки ишшо дожить надо. — Веселея, заворчал: — Чо делать, чо делать? Рожать! Ишшо успею поднять, а ты совсем молодда. Кого там? Сорок не старость: рожать и рожать, а ты про стыд. Выкормлю. Не сам так Васька поможет, не бросит.

Они вернулись в село автобусом. Она в задумчивости, он весёлым и возбуждённым. Возле дома алкоголиков толпилось несколько сельских выпивох, дверь была распахнута, из неё вышел участковый, подозрительно шевельнул широкими бровями, провожая взглядом автобус. Позже на другом краю села узнали, что, донимавшие жителей местные алкоголики сгорели от перепоя. Про Ваську с Севером никто не вспомнил. Они разобрали обгоревший сруб, что-то бросили на дрова, что-то обтесали и стали собирать заново. Агроном с женой каждый день ездили на рынок, радовались и благодарили своих работников за хорошее торговое место и уважение. Но длилась слаженная работа не долго.

Кончался август, желтел лист на берёзах и осинах. Север радовался, что у него есть свой дом и переживал, что не смог достойно одеть к школе Лену. Среди дня, прямо к дому Агронома, возле которого он с Васькой работал, подкатила иномарка, из неё бойко выскочил Фома в кожаной куртке, с золотой цепью на шее. Они с Севером сдержанно поздоровались, отошли к машине, мирно переговорили. Север вернулся с озадаченным лицом и сказал Ваське:

— Придётся тебе одному достраивать. Предлагают денежную работу на месяц: и за дом рассчитаюсь, и Ленку одену.

Васька взглянул на друга и потерял всякую охоту отговаривать или спорить. Всё было решено.

— Вот только Ленка со школярами ушла за брусничкой, а ехать надо прямо сейчас, — вскинул глаза, ожидая совета.

— Постараюсь объяснить! — Раздражённо мотнул головой Васька. — Но, сам понимаешь, девка молодая, глупая, горячая.

Север кивнул с затаённой печалью в глазах и сел в машину.

Васька вернулся домой, как обычно, к вечеру. Лиза с Таней пересыпали бруснику, рядом с ними на расстеленном одеяле ползали близнецы Люси. Были мир, покой и домашний уют.

— Полное ведро набрала! — весело встретила отца дочь.

— Молодчина! — Обнял он сразу двоих, опустившись на колени. — Как Лена? Вернулась?

— Все вернулись, — сверкнула озорными глазами дочь и подхватила одного из младенцев, сползавшего с одеяла.

— Наверное, вам лучше, чем мне, поговорить с ней. Северу предложили денежную работу, но надо было ехать сразу, а Ленка в тайге: ни попрощаться не успел, ни объяснить. Через месяц вернется с подарками. — Помолчал, добавил: —

Чую, не обойдётся без слёз и скандалов: у ямщика кобылица изломана, у вдовицы девица — избалована.

Без слёз не обошлось. Маша, увидев рыдавшую дочь, забеспокоилась, заголосила:

— Ой, Пресвятая Богородица! Чуюло моё сердце, сбежал женишок. Ты, поди, на сносях?!

Лена оторвала заплаканное лицо от подушки, с негодованием вскрикнула:

— Мама! Почему ты такая развратная?

— Как это развратная? — всхлипнула Маша, и слезы хлынули из её глаз. — Семнадцать лет одна одинёшенька. Наконец дал Бог Ивана, и ты меня коришь?! — сморщила брови, торопливо соображая, может ли дочь знать о её беременности.

— При чём здесь дядя Ваня?! Он мне очень даже нравится. Подозревают всегда грешные! — вскрикнула Лена, хлюпая носом. — Мы только целовались. От этого не беременеют.

— Слава Тебе Господи! — С облегчением вздохнув, перекрестилась Маша и стала гладить дочь по голове.

Иван, всё ещё весёлый и возбуждённый от новости, хохотнул в голос:

— Свекровка ... — снохе нет веры!

Первые страхи и обиды разлуки вскоре были пережиты Леной, высохли её слёзы, но вместо прежнего всегдашнего смущения в лице появилась мстительная злость. С таким лицом она пошла в школу, в выпускной класс, угрюмо и зло копала картошку и работала по хозяйству. Лиза с Таней, как могли, успокаивали и обнадеживали её, но девичья обида не унималась.

Прошёл сентябрь, густо полетела по ветру желтая листва. Заморосил октябрь, от Севера не было известий. Васька работал у Агронома на пару с отцом. Он уже и сам сомневался, вернётся ли Север, а долг за его дом висел на нём. Баню подвели под крышу, сварили печку, опробовали. Иван, ожидая приплода, купил в долг корову. Без молока в будущем никак нельзя. Семья была в больших долгах, и отец с сыном стали делать пристрой к дому Агронома. Работы по хозяйству у него было много.

Между тем менялось село, менялась жизнь. С помощью сельских жителей ремонтировалась церковь. При не настланных ещё полах в ней шли службы, собирая по большей части женщин. Совхозная пашня зарастала сорняком. Городское начальство стало межевать её на участки, на что Сельсовет только разводил руками. Горожане, будто спохватившись, торопливо строили дачи.

Упал снег. Иван заперевживал, что из-за дел не побывал в тайге, и два оставленных ружья ржавеют с прошлой зимы, а времена нынче лихие, оружие лучше держать под рукой. Магазин Дачника перекупил Бульдог. За его прилавком снова красовалась Зинка в белом фартуке. Он же теперь заправлял и лесовозами, которые везли и везли лес из тайги.

— Закончим стройку, съезжу и привезу! — пообещал Васька. Свалить на одного отца строительство не мог. До снега они не успели подвести пристрой под крышу и теперь спешили сделать это хотя бы до морозов.

Под ноябрьские каникулы Лена привела в дом одноклассника, высокого художавого парня, усадила за стол и с вызовом в лице объявила:

— Мой новый жених! Предлагает после школы зарегистрироваться, а пока жить гостевым браком. У нас в классе все дружат, некоторые уже и спят вместе. Теперь это не возбраняется.

Маша удивлённо хлопнула в ладоши и замерла с открытым ртом. Иван язвительно уставился на женишка:

— Сын землемера, что ли?

Парень кивнул, насмешливо и снисходительно глядя на лысого старика.

— Не курит, не ругается, как другие, много читает, — со злостью в голосе стала хвалить одноклассника Лена.

— Я его прадеда знал — говно, колокол с церкви сбросил, колхоз устраивал, всех справных крестьян по миру пустил, земля ему колючей проволокой. — Отчеканил Иван, продолжая презрительно глядеть в глаза парня. — Деда знал — говнюк не лучше коммунара, скот реквизирует. Отец — вор и конторский холуй. И этот таким же будет! Нет моего благословения! — Ударил кулаком по столу.

Парень вскочил с бешеным лицом, схватил портфель и выскочил из дома. Через несколько секунд зазвенело стекло, в разбитое окно влетел обломок кирпича и завертелся по полу. Маша ойкнула, кинулась затыкать раму подушкой, Иван удовлетворённо рассмеялся металлическим голосом:

— Чо я говорил? Порода!

— А ведь такой продвинутый с виду, — как-то резко подобрев лицом и глазами, вздохнула Лена, задумчиво помолчала и всхлинула:

— А Сени всё нет. Обещал вернуться через месяц.

Север вернулся на той же неделе во время школьных каникул. Сам в чём уехал, в том приехал, только поношенный офицерский тулупчик на плечах, но с двумя огромными сумками, которые бросил у двери. Лена, разрыдавшись, повисла у него на шее.

— Ну, никак не мог прислать весточку, — оправдывался он, поглаживая её по спине. — Зато за всё расплачусь, и ещё останется.

— Хвост-то хоть не мочёный? — грубовато спросил Иван. — Поди, на крючке?

— Всё чисто! Срок висит, ну, да это же надо исползаться, чтобы сняли, но участковый вязаться больше не будет... Ну, что ты? Я тебе подарки привёз, — с ласковым лицом, каким его видели только при покупке дома, поцеловал заплаканные глаза, отстранился, скинул полушубок, вжикнув замком, вытащил из сумки и накинул на плечи Лены примятую меховую шубку. Девушка завизжала от восторга, подскочила к зеркалу. Север достал школьное платье и другое на выход. — Будешь у меня первой красавицей!

— Ой, ну зачем столько?! — с радостным укором взглянула на жениха Лена.

— Кроме тебя у меня нет никого. Разве будущая тёща с тестем?! — расстегнул вторую сумку и стал одаривать близких людей. Он не обошёл подарками и Таню с Лизой, не забыл даже про Люсю и её близнецов. Все смотрели на него и удивлялись, каким радостным и открытым может быть его всегда насупленное лицо с настороженными волчьими глазами. Ваське и его отцу он подарил по дороговому охотничьему ножу:

— Держите, волчары, вместе с чеком! Всю дорогу мандражировал, что опера обшманоют... Чуть не в зубах вёз товарные чеки.

Поздно вечером, после утихших радостей встречи, смущённо отводя глаза, Маша тихо спросила дочку с будущим зятем:

— Уж и не знаю, как вам стелить: вместе или врозь?!

— Не вместе, но рядом! — ответил Север. — А завтра натопим свой дом и будем благоустраиваться: занавески, то, другое... Чтобы, как у людей. У меня этого никогда не было.

Испуганная хлещущим развратом из радио, телевидения, разговоров соседей, Маша хотела только одного: поскорей пристроить дочь замуж за хорошего чело-

века. Север искал крепкой семьи, многочисленной родни и как мог, создавал это, порой по покрою банды.

В начале декабря Васька всё же собрался в тайгу. Брать с собой отцовское ружьё, чтобы возвращаться с тремя, он поленился, подумал, что на гари теперь нет ни зверей, ни птиц. Пустыня. Под Федькину одностволку двенадцатого калибра, оставленную в тайге, патронов не было. При Серёгиной мелкашке было с полпачки, если они целы после пала. Прикинул: на сильном жеребце день туда, день обратно и ночлег в зимовье. Особо грузиться не стоило. А Лиза отчего-то сильно волновалась и не хотела отпускать его. Несколько раз переспрашивала, когда вернётся.

— Овса беру на пару дней. Осталось ли сено на конюшне, не знаю. Хочешь — не хочешь, надо поторапливаться. — Он обнял её, скрытно раздраженный бабьей блажью, подпоясал отцовским ремнем старенький полушубок, вскочил на затанцевавшего жеребца. Застоявшийся за лето, тот с места пошёл галопом, только серые комья земли и снега полетели из-под копыт.

Снег уже ровно покрывал тайгу сантиметров на двадцать и скрывал мрачную картину пала. Чёрные обожженные берёзы, ели, кедры и сосны в жёлтых подпалинах молча корили за то, что всадник тоже был человеком, и Васька болезненно стыдился за всех тех, кто корысти ради губил лес. Давно нехоженная тропа едва угадывалась по просеке, не так часто перекрывалась валежником. Васька торопился, пускал жеребца то рысью, то переходил на галоп. Пару раз спешился, вытаскивал из-за пояса со спины топор, прорубался, не опасаясь, что к ночи может не успеть в зимовье. А цело ли оно, одному Богу известно.

После полудня, почаяёвничав у костерка, Васька в очередной раз вскочил в седло, сунул за ремень черенок топора и пустил жеребца тряской рысью, с полчаса они свободно двигались по просеке, потом тот вдруг остановился, захрапел, оглядываясь по сторонам.

— Волка учуял, что ли? — Васька раздражённо поддал пятками в бока.

Жеребец скакнул с места, взбрыкнул копытами, и тут Васька увидел их, прижимавшихся к снегам, серыми лентами мчавшихся среди чёрных деревьев. Кустарник летом выгорел, видно было далеко. Всадник удивился, что волков было не меньше десятка. Про такие стаи в тайге он не слышал. Потянув узду набок, резко развернул жеребца в обратную сторону, поддал в бока, отпуская в галоп. Но волки были уже близко, припадая к снегу, выбрасывая его из-под себя лапами, они мгновенно разделились на три равных группы, и Васька понял, что их больше десятка.

Вместо того, чтобы броситься в обратную сторону по следу, жеребец заржал, встал на дыбы, лязгнув подковами, так взбрыкнул, и повернулся на месте, что Васька вылетел из седла, распластался в снегу, резко вскочив, выхватил из-за спины топор. Но волки даже не взглянули на него и погнались храпевшего коня. Он лягался, крутился, бросался то в одну, то в другую сторону вместо того, чтобы бежать по своему следу, и вскоре скрылся среди деревьев.

Васька смахнул таявший снег с лица, понял, что помочь ему уже не сможет, да и для самого оставался один выход: ночлег в зимовье. Малокалиберная винтовка против волков не оружие, но всё-таки защита, если, конечно, целы патроны. Снег спутывал ноги, Ваське казалось, что он ползёт по тропе.

Зимовье оказалось целым. Он подошёл к нему в темноте долгой зимней ночи. Дверь была распахнута. Васька высветил спичкой порубленные на дрова нары, одеяла и подушки на полу, несколько пустых бутылок. Здесь явно побывали лесорубы. Но после всего случившегося и это была удача. Он на ощупь настрогал,

изрубил полубревенно с нар и растопил печку, слегка осветившую избушку. Потом так же в темноте выломал жерди из конюшни, разделявшие загон двух лошадей. Сырая, промёрзшая избушка наполнялась теплом. Продукты в дорогу остались притороченными к седлу жеребца, но под полом были припрятаны консервы: пара банок тушёнки и сгущенное молоко. Он нашёл их и порубил на дрова отодранную половицу. Нестерпимо хотелось пить, но не в чем было растопить снег. Кастрюля и чайник были спрятаны в стороне от зимовья. Он всё-таки нашёл их, набил снегом, вскрыл банку тушёнки, поставил на печку, и при мечущихся отсветах огня стал сооружать место ночлега на остатках нар.

Всё складывалось не худшим образом. Вскоре на сале из консервы Васька соорудил коптилку, она ярче высветила стены некогда уютного жилья и жалко болтавшуюся на окне занавеску, повешенную Лизой. Растаял снег, Васька жадно напился ещё холодной воды с запахом пыли, хвои и гари, съел разогревшуюся тушёнку без хлеба и сухарей, скинул старенький овчинный тулуп и с удовольствием вытянулся на ещё не прогревшихся одеялах. Тело слегка знобило, гудели натруженные ноги, гулко билась в голове ещё не успокоившаяся кровь.

Спал он долго. Открыл глаза, когда уже светилось запылённое оконце. Взглянул на ручные часы — половина двенадцатого. Васька быстро обулся, нарубил дров поблизости от зимовья, растопил печку, слил в кастрюлю ещё не застывшую воду из чайника, сунул топор за опояску и пошёл искать ружья. Пришлось возиться, прежде чем он нашёл укрытые снегом тайники. Дробовик и мелкашка были целы, но изрядно поржавели, нашлись и малокалиберные патроны — полтора десятка. Латунные гильзы покрылись зелёным налётом окиси, кожа на ружейных ремнях была погрызена мышами.

Он вернулся к прогоравшей печке, когда последние лучи солнца скользнули по верхушкам деревьев и погасли. Выходить в ночь не было смысла. Васька подбросил дров в печку, тоскливо взглянул на последнюю банку тушёнки и решил подкрепиться. Стал греть её, чистить и расхаживать затвор винтовки, скоблить гильзы: всякая мгновенная задержка при возможном нападении волков могла стоить жизни. Следующий ночлег предстоял в тайге, а из еды оставалась только банка сгущенного молока.

При мутном рассвете утра он напился кипятка, приправленного сгущенным молоком. Заткнул дырки в ополовиненной банке, всунул ватное одеяло в мешок из-под комбикорма, сверху положил кастрюлю и банку молока, приспособил обрывки верёвок под ляжки на манер заплечного мешка, и вышел с двумя ружьями: одно за спиной, другое на груди.

Тускло светило солнце сквозь низкие тучи, было тепло и безветренно, как перед снегопадом. Сберегая силы, он продвигался, стараясь ступать в свои следы. Почти перед закатом был на том самом месте, где его сбросил жеребец. Вытоптанный снег покрывали брызги крови. С малокалиберной винтовкой наизготовку, Васька пошёл по путанному и размашистому следу копыт, ещё издали увидел вытоптанную до земли поляну, грозно оскаленные зубы жеребца с обгрызенными губами и кособоко топорщившееся седло.

— Не ушёл, лихач! — пробормотал, приближаясь к останкам. — Был силён, а умишка не хватило, — добавил с сожалением, может быть, с лёгким осуждением.

Туша была съедена почти полностью. Богатые грива и хвост втоптаны в грязный снег. Оставались только голова, подкованные копыта, разбросанные по сторонам, да часть мяса под рёбрами, на которых лежал жеребец. В стороне, в неестественной позе, задрав лапы, валялся волк с разбитой головой. Седло, потник,

подпруга из пожарного шланга были целы, хоть и сильно испачканы кровью. К удивлению и радости Васьки, оказались целыми притороченные к нему мешки с овсом и дорожной снедью.

Первым делом он отрубил топором кусок от промёрзшей булки хлеба, настрогал ножом свиного сала, сунул их за щеку, другой лопот с салом — за пазуху подогреть. Растегнул подпругу, легко вытянул её из-под костей жеребца, забросил седло на сук лиственницы, овес оставил в стороне птицам и мышам. Присел на валёжину, пережёвывая оттаявший хлеб с салом, и вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд, резко обернувшись, подхватив винтовку, и встретился с настороженными глазами волка. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом зверь поднялся с лёжки, неловко скакнул раз и другой, волоча по снегу отвисшее брюхо. Это был Лисапед.

Проковыляв десяток метров, волк снова обернулся, они с Васькой побуравили друг друга пытливыми взглядами, и Лисапед, не отрывая глаз от человека, снова лёг, почему-то уверенный, что тот ему не опасен. Васька первым отвёл от него глаза, отколол еще куски хлеба и сала, сунул в рот, поднялся, накинул на плечо окровавленный вещевой мешок, подхватил ружья и зашагал к тропе. Сытые волки, залегшие где-то неподалёку от останков жеребца, не были опасны, но надо было отойти от них как можно дальше.

В сумерках Васька стал готовить ночлег: разгрёб снег ногами, развел большой костёр. Вокруг было много обгоревшего валежника, дрова доставались ему без большого труда. Закутавшись в одеяло, он переждал, передремал долгую зимнюю ночь возле огня. Снегопада не случилось, хотя днём и ночью мелкими блёсками несколько раз начинали мельтешить снежинки. На рассвете натопил из снега воды, заправил её хвоей кедра, позавтракал хлебом и салом, повесил на дерево мешок с одеялом и кастрюлей, двинулся дальше по слегка припорошенному следу жеребца. Идти было намного трудней, чем по своим следам.

Он пришёл поздно, в темени ранней декабрьской ночи. Едва скрипнул калиткой, из дома выскочили Лиза с Таней, бросились на него со слезами. Лиза, рыдая, тёрлась лбом о пропахший едким дымом тулуп и колотила его кулаками по плечам:

— Обещал за два дня! Почему задержался? Мне же нельзя волноваться!

Васька обнял одной рукой жену, другой дочь, клацая ружьями, подхватил их под бока и поволок к крыльцу. В доме был странный запах, тепло и многолюдно. Возле печки сидели отец, Север, Агроном и Люськин муж. Все удивлённо взглянули на ввалившегося Ваську и будто разом с облегчением выдохнули.

— Ну и ладно! — Поднялся Почтарь. — Пойду. Поздно уже.

Окинув Ваську радостным взглядом, поднялся с места Агроном. Север, улыбаясь, ткнул Ваську кулаком в плечо. Отец же, глядя на сына пристальным неприязненным взглядом, резко спросил:

— Хватит сил помыться? Баня ещё теплая.

Васька приставил к стене ружья, сбросил с плеч мешок. Трое гостей весело вышли из дома, не спрашивая, что случилось в тайге. Васька стал разоблачаться. Жена и дочь, всё ещё шмыгая носами от пролитых слёз, помогли ему раздеться. Он устало тряхнул головой, перебросил через плечо чистое полотенце и только тут заметил, что под иконой бабушки горит восковая свеча. Она и придавала дому тот странный запах, который удивил Ваську в первый миг.

— Что за собрание? — спросил, кивнув на дверь, вслед ушедшим соседям.

— Чаво, чаво? — раздраженно ругнулся отец, по-псиному выплёвывая слова

как лай. — Собрание как собрание! Агроном цельный пятилетний план докладывал. Хочет объединить наши гектары, посадить картошку по-новому, технически. Опять же куда ссыпать её в зиму? Говорит, наладим брошенное овощехранилище. Почтарь: «Так забери нашу землю, всё равно зарастает сорняком, а овощехранилище сделаем — хозяин объявится». Агроном про договор и сторожа. Север, понятно дело, — надо надёжну крышу. Без неё сожрут!

Усталость валила с ног. Васька нахмурил брови, с недоумением глядя на злившегося отца, пожал плечами, пытаясь понять с чего бы? Дочь и жена с недоумением переводили глаза с одного на другого.

— Думали, как тебя искать! — слёзно вскрикнула Таня, с укором взглянув на деда.

Васька с пониманием кивнул, набросил на плечи тулуп, пропахший дымом костров, и вышел на крыльцо. Небо было чистым, ярко светила луна. Она и помогла добраться до дома в ранней ночи. Васька хлопнул дверью бани, вскоре к нему прибежала Лиза, стала поливать его теплой водой из ковша. Фыркая, оттираясь и снова намыливаясь, он спросил вдруг:

— А почему тебе нельзя волноваться?

— Так я же беременная! — обидчиво вскрикнула она и снова тихо заскулила, залопотала с покаянными слезами. — Не сказала сразу, боялась сглазить. А тут такое. — И уже спокойней, шмыгая носом, с умилением добавила: — Хорошо бы двойню, как у Люськи, и рожать легче и кормить. Только застучу ложкой студить кашу, Люськины как волчата друг на друга смотрят, едят с жадностью, только успевай всовывать одному, другому... Двойня это хорошо! — Прерывисто вздохнула пережитыми страхами. — А Жеребчик где? — спохватилась.

— Потом расскажу! — отмахнулся Васька, ополаскиваясь. Он вернулся в дом с мокрой головой и влажным телом. Отец всё с таким же разъярённым лицом сидел у печки и ждал объяснений.

— Почему без ружья ускакал, лихач хренов? — спросил всё так же резко и зло.

— Думал на гари пустыня, ни птиц, ни мышей!

— Думал-думал! — мягче передразнил отец. — Башка зачем дадена?

Васька стал рассказывать о случившемся. Отец слушал, мягчал, добрел, а после и вовсе зашмыгал носом, глядя под ноги и покачивая головой. Потом спросил, не поднимая глаз:

— Не со страху показалось, что стая така больша? В тайге сроду не сбивались больше пяти-шести?!

— Не мог ошибиться! Когда разделились лавой на три захода, в каждом было не меньше трёх. Это хорошо помню.

— Вот ведь! — со вздохом скрипнул зубами отец. — Тоже выживают, как могут. То ли ещё будет, когда выжгут и вырубят тайгу... А жеребец, считай, тебя спас. И не только тебя. Кабы прибежал домой покусанный, Лизка с Танькой с ума бы сошли, а волки вернулись. Против такой оравы и с двустволкой не выстоять!

Девушки опять тихонько заскулили и стали стелить постели. Отец поднялся, оделся, потоптался у порога:

— Ладно! Машка поди извелись, всё намаливается, пойду, успокою. — И напоследок, в раздумье:

— Надо обнести заборами повыше: мне, вам, Северу, агрономам, почтарям, жить потесней и оружие держать под рукой пока не передавили поодиночке. Идёт она ... эта приватизация плюс химизация всей страны.

— Выживем, батя! — уверенно ответил Васька, обнимая жену и дочь, припавших к нему с двух боков. — Или мы не волчатники-волколаки?

ВАЛЕНТИНА СИДОРЕНКО

«Вот мы стоим в конце пути земного...»

СИДОРЕНКО Валентина Васильевна родилась в 1950 г. в Иркутске. С самого начала литературного пути Валентина Васильевна пишет о современности, какой увидела её в 70-е, затем в 80-е и 90-е годы. Изображаемое пронизано болью автора за человека, его душевное неустройство, связанное прежде всего с утратой природного начала, родства с землёй. Основная тема творчества Валентины Сидоренко — любовь к большой и малой Родине, духовное совершенство человека, размышления о собственных корнях и судьбах близких ей по духу людей. В 1981 году вышла её книга повестей «Сок подорожника». Немного позже, в 1984 г., — сборник повестей и рассказов «Завтра праздник». В 1991 году — сборник повестей «Поле небороненным» в серии «Современная сибирская повесть». После серии прозаических произведений вернулась к поэтическому творчеству. Издано три книги стихов — «Осенние тетради» (2009), «Димитрова суббота» (2010), «Складень» (2020). В поэзии последнего периода одним из выдающихся произведений является многозначная поэма эпического и исторического характера «Аравийские свитки». Валентина Васильевна — автор повестей «Рядышком», «Разъезд Родниковый», «Возвращение», «Проводницы» и остросоциальных книг «Дело житейское», «Шестидесятники». В Москве в издательстве «Вече» в серии «Сибиряда» вышли книги «Замыкающий» (2018), «Стратотерпицы» (2020). В.В. Сидоренко несколько лет была редактором газеты «Литературный Иркутск» (1987–1996); составитель объёмной книги «Святитель Иннокентий», автор и ведущая телепрограммы «Путь к отчому дому», организатор ежегодных «Иннокентьевских чтений» в Иркутске. Награждена грамотами мэра, губернатора, патриарха Алексия II, медалью «Благодатное небо», премией имени Святителя Иннокентия, Международной литературной премией им. Эдуарда Володина «Имперская культура». Член Союза писателей России с 1981 года. Живёт в Иркутске.

* * *

Но из разверзнутых небес
Ложился снег на голый лес,
На чёрный лес, на тихий лес,
Спокойный и открытый лес,
На крыши тёмные домов,
На шапки светлые холмов,
На обнажённые поляны.
Ложился ясным и желанным,
Как сон, как свет, как благодать.
И чтобы просто осознать —
Какое счастье снег встречать, —
Мне нужно было жизнь прожить,
Всех потерять и всех простить...

* * *

Вот мы стоим в конце пути земного,
И нашего с тобой, и мирового,
В конце времён нам чуждых мы стоим.
Звериным смрадом дышит ад за нами,
Над нами и под нами, и над нами,
И мы живьём в огне его горим.
Скажи теперь, сейчас, когда готовы
Для пепелищ и сера, и зола,
И в чёрном небе злобных злаков зла,
Что звёздный дождь над каждым нашим кровом,
Скажи мне слово, то скажи мне слово,
Которое всю жизнь свою ждала.
И ветра свист там, и сквозняк упругий,
Где мы с тобой не обрели друг друга,
Душа в родную душу не вошла.
Где над землёй и куполами башен
Слова любви не прозвучали наши.
Вот отчего земной закат нам страшен,
И мы в огне его сгорим дотла...

* * *

По Божьему Слову рождались сквозь муки.
Как яблоки, шлёпались в русские руки,
Чистейшие руки на этой земле,
Где матери светят, как звёзды во мгле,
Где матери шепчут молитву, как дети.
По этим молитвам росли мы на свете:
На свежих ветрах пузырились рубахи,
И голые пятки мелькали, как птахи.

И всё, что светилось, цвело и летало, —
Всё Родиной было, родимым дышало.
И речка омоет, и ветка укроет,
И птица, как мати дитя, успокоит.
Побалует сладкой малиной лесок,
И змейка покажет цветной поясок...
Но как уходили! Рвались без оглядки.
И с Родиной милой играли мы в прятки,
Без памяти светлой.

И будто гонимы —
в столицы,
Арбаты,
Иерусалимы.
С полянки — на площадь,
Из горниц — да в залы.
С амвонов — в салоны.
Из лада — в скандалы.
Высокие кафедры, громкие речи,
Банкеты, приёмы, бесплодные встречи.
Звонки и речисты.
И вроде, и вроде —
О русской беде и
о русском народе.
О русской избе, как о снеге вчерашнем,
О стылом колодце и брошенной пашне.
О святости русской, замученном Боге...

Но видится: Матерь нисходит к дороге,
Идет по той самой, какой убегали,
И в русские избы, и в русские дали.
И слышатся тихие речи в ночи,
Простые молитвы, как хлебы в печи.
И в окнах зарницы, где светят, как дети,
Последние русские люди на свете...

«Материнские песни»

В эту ночь всё бродила она,
Всё глядела в седое оконце
Вдаль — к Байкалу, где навие солнце
Просквозило глубины до дна.
Вспыхнет свет. Старый кот заурчит,
Половица прогнётся и скрипнет.
На два голоса филин вскричит,
Но она не очнётся, не вникнет.
В переносицу вдавит очки,

Перемотанные без моды.
Руки — скрюченные сучки —
Едва держат альбом из комода.
Вот он — спившийся муж. Вот большой,
Что в Афгане взорвался на стройке!
Тот к Чечне подоспел, а меньшей,
Мальчик светлый, поспел к перестройке...
И всё карточки гладит она,
Слёзы тёмной рукой утирая.

Переспелая тыква-луна
Ткёт дорожки ей, путь устилая,
В мир иной. А она и не спорит,
Ничего уже нет впереди...
Ранним утром ворота откроет,
Ляжет, руки скрестив на груди...
Горожанину дом продадут,
Вскроют стоптанные половицы.
И альбом, и комод, и тряпицы,
И портреты под вечер сожгут.
Ночью ветры придут. Старый кот
Встанет горестно нараскоряку,
Будет долго кричать у ворот,

Отпевая себя и хозяйку.
И никто не заметил потери,
Слёз горячих никто не пролил,
Только словно разверзлись двери,
Дождь студёный и лил всё, и лил.
И, законы природы нарушив,
Махом солнце, и било вразнос —
Это Вышний бессмертную душу
К драгоценным чертогам вознёс.
Без мытарств, испытаний и прений
Встала кротко у Божьих дверей —
Потому что в миру нет бесценней
Слёз алмазных Его матерей.

* * *

Что это было? Туман над болотами,
Домик с крыльцом, старый кот,
Угол с иконой, и ласковый кто-то
Тихую песню поёт!

Что это, что же?.. Далёкое, вешнее,
Райски-родное житьё!
Детство твоё, золотое, безгрешное,
Милое детство твоё!

Что это было? Пустое, свирепое,
Мглой без дорог и тепла,
Жизнь ли годами и днями, как вепрями,
Мимо меня пронеслась!

Жизнь ли — бесценнейший дар
 иль пародия,
Злая издёвка над всем, что мне мило,

Иль искажённый Небесной прародины
Образ бесценный?.. О, что это было?!
Что же теперь вопрошать без стеснения
В детских слезах над разверстой могилою...

Было ль погибелью всё иль спасением —
Всё, что мне мило,
И всё, что мне было.
Но что это было?!

* * *

Я осень позднюю любила, как сестру...
Трав увяданье, изморозь на поле,
Шальных ветров неистовая воля
И зарево холодное к утру

Сердечный повечерья у печи,
Где уголья — малиной, чай с малиной,
И ковш Медведицы концом недлинным
В окно засветит искрами свечи.

На долгом горизонте, у леска,
Где солнце, чуть проклонувшись к обеду,
Недолгою порадует беседой
И скроется опять за облака.

И под дыханьем свежим снегопада,
Под первой белизною у леска
Смирнейшим ты обозначишь взглядом,
Что эта осень отошла в века...

А к вечеру предснежьем тянет. Лист
Раскрошенный обдаст грибною прелью,
Прощальной изойдутся птицы трелью,
Но луч последний будет остр и чист...

Ещё одна. Последняя ли, нет;
Простыл уж след её лохмотьев рваных,
Где вызвездил судьбинный твой билет
По Млечному Пути в страну избранных...

* * *

Словно нищий хлеба, Христа ради
Слова я заветного прощу.
Я пишу осенние тетради,
Я октябрьским воздухом дышу.
Солнца свет ещё лучист и кроток,
Утренняя изморозь бодрит,
Тон беседы нашей прекороткой
О любви прошедшей не гласит.
Я ещё вздохну от волглой прели,

Листьями земными пошуршу...
Были ли другими мы в апреле —
Я о том у Бога не спрошу.
Для того ли иней тронул пряди,
Чтоб пред небом плакать и роптать!
Я творю осенние тетради,
Я творцу судьбы своей подстать.
В них нет мест былому неурядью,
Лишь лучей последних благодать...

* * *

Перед рассветом тать встаёт,
И соловейко песнь поёт.
Душа пред Богом восстаёт
Перед рассветом.

Перед рассветом сны легки,
Нет ничего страшней тоски,
А расставания горьки
Перед рассветом...

* * *

Успокойся, женщина! На место
Во своё издревле бытиё:
Детская тебе, квашня да тесто,
И душа, что рвётся и поёт,

Плачет неизбывными ночами,
Мечется, надеется и ждёт..
Что ты светишь древними очами,
Что стоишь в раздумье у ворот?!

Жребий уж такой тебе и долю
За грехи определил Господь:
Нет в судьбе ни света, ни раздолья,
Тяготит межрёберная плоть.

Что ты запечалилась, невеста,
Что вестат твой Ангел вестовой?
Колыбельную! Ступай на место —
Песню колыбельную пропой!

Пой её негромко, пой светло,
Внятно пой, чтоб слышалось по свету,
А не то — воинственное зло
Разнесёт беспечную планету.

На него другой управы нет,
Как молитва матери над сыном.
Оттого из всех возможных мест
Твоё место, женщина, едино!
Сила мудрая непостижима,
Как высокий православный крест!

Зима

Зима, зима. Впервые мной любим
И пухлый снег, и серебро утрянки,
Когда над тихим лесом спозаранок
Легчайше стынть плывёт, как Херувим.

Когда из труб колдуньей-бородой
Дым вьётся и щекочет, сизо тая.
Смешными, светлыми закружат пред тобой
Капризы лета и беспечность мая.

Зима, зима. Встряхни себя, мой друг.
Скрип валенок, да всхлип ведра, да прорубь,
Да лошадей стреноженных испуг,
Да жмётся к окнам одичалый голубь...

Всё прожито, всё пронеслось, как тень.
Будь славен труд, и долгий снежный вечер,
И кротость сердца, дружеские встречи,
И в дивных блёстках величавый день.

Зима, зима. Как влажен на губах,
Как стынет взгляд, как всё щемит и нежит,
И милый образ в присмиривших снах
Рисуется всё реже, реже, реже.

И здравствует, и вечен твой покой
Величия и беспощадность света.
Мороз и снег, и выюг тревожный вой,
Где будет мир. Где будет столько спето.

Соперницы

«Он обо мне не спрашивал?» — «О нет!
Он о тебе не говорит ни слова!
Чего ты хочешь? Время так сурово...
Прошло сто лет!»
«О да, прошло сто лет!

И наконец-то старость снизошла
К сосудам нашим, поразив суставы,
Мы оба виноваты, оба правы,
И доживаем, не припомнив зла,

В чаду своих болезней и забот,
И хлеб насущный нам дороже грёзы, —
К былому нежеланен поворот,
Он вызывает только боль и слёзы!

Он обо мне не вспоминает?» — «Нет!
Я говорю тебе: не вспоминает!
Спокоен он во внуках. Жизнь живая
Давно течёт рекой... Прошло сто лет!»

«Всего сто лет?! О, Боже мой, сто лет!
Да хоть бы не одно тысячелетье!
До Рождества записаны в бессмертье,
Как знак судьбы: деревья, вечер летний,
Кровит рябина на закате дня,
И поленица дров, где встретил он меня.

Он имя не забыл моё?» — «Забыл!
Всё потому, что не любил тебя». — «Любил!
Я это понимала по рассветам,
По звёздам и движению планеты,
И вещей песни языком ветров...»

«Ты эти ветры в поле поищи!
Я на обед сварю сегодня щи,
Ему подам я тыкву в пшённой каше,
В покое сытом дремлет счастье наше.
Мы проживём так сотню добрых лет,
Не вспоминая ни о ком». — «О нет!..»

* * *

Прочесть сквозь зеркальные трещины В магически вспыхнувшей мгле — Какие красивые женщины Ходили по нашей земле!	Их свет не вечерний и тонкий, Таинственный их аромат! И свежую сенью воскресной, Покоем просторным полей Понять, что следы их небесные Не стынут на Русской земле!
С какой простотою и статью, И взглядом, и жестом слепых Укоры укромных объятий Остались в скрижалях земных.	Следы их цветами на скатерти, Нетленность в веках испросив, Заветным стежком Богоматери Мерцают в глубинах Руси!
Почувствовать в быстрой девчонке, Стригущей рысцей листопад,	

* * *

Отошло, отцвело, отлюбила,
Страсть земная сгорела дотла,
И глубокая грозная сила
С русским словом мне в душу вошла.

Стало ясно, как перед снегами,
И смотрю я без вздохов и слёз:
Отходящими берегами
Жизнь отходит без бури и гроз.

Всё мне ясно в ней. Всё в ней далёко,
Чуждо, словно с нездешних планет...
Кто-то горестный, и одинокий,
И единственный шлёт мне привет.

Я гляжу на него без улыбки,
Ни добра не желая, ни зла...
Наша встреча была бы ошибкой,
Если б горькой такой не была!

И взглядевшись в черты отдалённые
И разрушенный временем лик,
Вижу дворик с опавшими клёнами,
Слышу ворона смертный крик.

И его... Молодого, звенящего,
С гордой дымкою поднятых век,
И какого-то ненастоящего,
Мимо жизни моей проходящего,
Как и весь мой оболганный век..

* * *

И самое древнее царство на свете,
Где, плача, поют синеглазые дети, —
Дыханье пречистое Бога Иуса,
Прямые потомки Словена и Руса.
Враждою гонимы, молитвой хранимы,
Наследники Сергия и Серафима.
Последней кровавой омыто стихией...
О, царство святое — прозваньем Россия!
Державное, древнее Царство Святое...
Ни счастья земного тебе, ни покоя!
Одно-одинокое, как вещая птица,
Присев оглядеться, привстав помолиться,
Взираешь светло на чужую округу.
Но нету ни доли, ни меты, ни друга.
На крылья полей, на речные излуки
Кровавые, грязные тянутся руки
И смрадные губы земного Иуды,
И топчет сапог иноземной паскуды
Живую, родную, родимую пядь,
Седую сквернит одинокую мать...
Ужели оставишь, Господь наш великий,
Ты древнее Царство и русские лики?!
И самое древнее Царство на свете
Последний, смертельный, пронзительный ветер
Овеет. И скроется в прорве времён
Сосуд драгоценнейших русских племён?!

* * *

Я вышла из дому...	я кротко глядела на скалы,
Из дому я вышла. Саяны	На лист, что румянится
Клубились снегами	яблоком в ржавой траве.
под серую дымкой небес.	И ветер утих,
Узорная изморозь	и светила лучи запоздало
белою кистью тумана	Погладили землю,
Стыдливо украсила	как чадушко по голове...
травы, плетени и лес.	Ведь вышла из дому,
Ах, осень спешила,	я шла из родимого дома
как женщина вслед за летами	К высокому лесу,
Спешит насладиться	к алмазным студёным ключам
последней утехой любви.	Змеиной тропею,
Вершины, как старцы	чьи росы мне с детства знакомы,
с сомкнутыми вечно устами,	Какой убегали мы
Вещали безмолвно,	вместе с тобой по ночам...
но ясно, как “Спас на крови”.	Давно седина надо мною,
Глядела я кротко,	как снег на Саянах,

И слабые ноги
едва приминают траву.
И вовсе не греются
ныне далёкие страны,
Молчать бы как старцы,
как скалы глядеть в синеву.
Всему свой черёд. Время песни

и время из сердца
Её изгонять,
как зажившихся гонят гостей.
И Бога молить,
чтоб открылась бы чудная дверца
В пределы, где нет
ни болезней мирских, ни страстей...

* * *

Я уже ничего не смогла,
Я уже ничего не успела.
На исходе земного тепла
И моя голова поседела.
Ночью птица влетела в окно,
Закричала, забила крылами.
Ах как всё это было давно!
Это было давно и не с нами...
И не мы, повстречавшись с тобой
В редкой встрече... старик и старуха,
Взглянем кратко, услышим вполуха
И пройдем, простучим стороной.
А когда обернёшься назад,
Обернуся и я ненароком,
И в черты дорогие с упрёком,
Словно в вечность,
сольётся наш взгляд...

* * *

А два своих великопостных платья
Я привела в порядок. И беда
Раскрыла свои горькие объятья,
Когда чужой с твоим лицом и статью
Из дома вышел молча. Навсегда...
Ну что ж, прощай! Что завывать, как ветер?
Уж заморозки на родном дворе.
Одна ль я одинока на планете,
Когда рябин багряных гаснут плети,
И прядь волос — как травы в октябре!
Ни плакаться не буду, ни стонать я,
Так много дадено — чего ещё просить:
Я русская, я женщина и мать я,
И два своих великопостных платья
С достоинством мне надобно сносить...

* * *

Июль на вершине. Цветасто играя,
Несёт разнотравье дыхание рая.
В валках его влажных светло и могуче
Сверкают литовки, как молнии в тучах.
И ветры, как гребни в густеющей гриве,
Прочешут колосья на зреющей ниве,
Осушат росу на заросшей дороге,
На той, где ступали родимые ноги.

Туда и обратно они прошагали,
А ныне шаги их услышу едва ли.
И память о прежнем спокойно и ловко
С травой июльской подрежет литовка,
И вервью тягучей от края до края
Слетит первый лист, словно память о рае,
Как инея прядь в разнотравье полей,
Как отзвук шагов твоих в жизни моей.

* * *

Провожала его по калёной заре,
До высоких небес провожала.
Травы стыли в земном серебре,
Взоры жгли, как змеиные жала.
Полуслова не молвил в ответ,
Полувзгляда не кинул вослед.
Взмыл, как ястреб, над белой дорогой.
От ладоней моих в два ряда
Полетели за ним провода.
Свечкой стаявшая звезда
Пала в лоб ему метою Бога.

Возвратилась я в стылый свой дом,
В одинокий свой сон возвратилась.
Засыпать свою память о нём,
Запивать свою память о нём,
Зимний свет, ветра свист под окном
Принимать, словно Божию милость.
И забыла. Но в сумрачном сне
Ночью, ясной от звёздной метели,
Дрогнет сердце тревожно во сне...
Это там, на чужой стороне,
Бьётся память его обо мне...

* * *

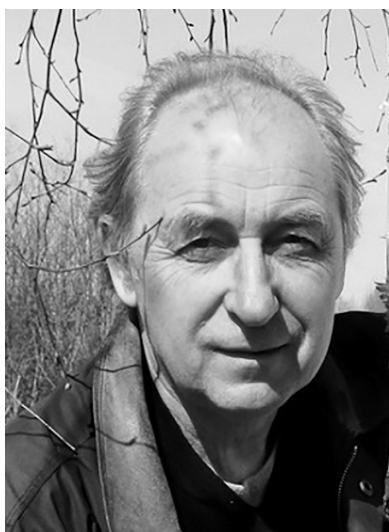
Лица старух, как байкальские плашки,
Выжжены жизнью. И запах ромашки...
Господи, дождь в полумгле!
Я ль не стою пред Тобою в апреле
В той несказанной весенней купели,
Той, что цвести повелел!
Я ль разгибаю усталую спину —
В небе весёлом косяк журавлиный
Кличет, кричит и поёт величаво.
Господи, вместе поём тебе славу.
Я отжила на земле!
Я отхожу, как косяк журавлиный,
Снег прошлогодний и песня старинная,
Смятой травой в колее...
Той, что весеннею полнится влагой,
Дождь по которой с ретивой отвагой
Долбит, как беркут молодой.
Как я любила поля золотые,
Там, где склонились колосья литые,
Звёзды над ясной водой,

И издали нарядно и прямо
Купол высокий родимого храма,
Русские лики святых.
Свет непалящий закатного солнца,
Свет немудрящий отцова оконца,
Речь из созвучий родных.
Как же неистово в этом апреле
Я полюбила распев колыбельный,
Скрип колыбели земной!
Может, с того, что с младенчества чистого
Всё, что ждала и любила неистово,
Вместе исчезнет со мной...

* * *

Июль, только солнце совсем не спешит
Земные приветить просторы.
В забытых истоках забытой души
Все грёзы да разговоры.
Пора же, пора, о любезный мой друг,
Готовиться к гостье студёной...
Над дальнею сопкою высветил круг
И выбелил вершние кроны.
То грозный и верный приблизился срок,
Огнём закровились рябины.
Пора возвращаться в родимый исток,
Очистить пути для кончины,
Для нового царства и горних путей,
Последнего Богу ответа...
Ты Родину, милый мой друг, не жалея,
Вся там она, здесь её нету.
Здесь только пути к ней —
молитва да песнь,
Ветла за рекою у брода,
Свет кроткий старушек — то ясная весть
Остатка святого народа.
Пора, мой любимый! Закроем уста.
Прощально на век обернёмся...
Была наша жизнь, как холстина, проста,
И мы к ней уже не вернёмся...

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

«У блиндажа есть тоже позывной...»

Небо Новороссии прекрасно!

Небо Новороссии прекрасно
И поля прекрасны, и леса...
За своё мы бьёмся, это ясно.
Долго нам туманили глаза.

Этот край — Россия, наши люди
Здесь живут, по-русски говорят...
Поднесли врагу его на блюде.
Наши люди гибнут и горят.

За своё мы бьёмся в этой схватке.
Мы Европе говорим «Не лезь!»
И твои, Америка, порядки
Никогда не приживутся здесь!

Небо Новороссии прекрасно!
И леса прекрасны, и поля!
Это всё Россия, это ясно.
Это наша русская земля!

02.04.23

ИВАНОВ Геннадий Викторович родился в 1950 году в городе Бежецке Тверской области. Детство начиналось в деревне, в полях, в начальную школу ходил в бывший барский дом из имения Слепнёво, где когда-то жили и творили Николай Гумилёв и Анна Ахматова. Потом семья переехала в город Кандалакшу на Кольский полуостров — там жили в бараке на берегу Белого моря, там окончил школу, оттуда уходил в армию, в арктическое плавание, там работал в районной газете и начал писать стихи. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Автор десяти книг стихов. Написал три книги очерков о своей малой родине «Знаменитые и известные бежечане». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе премии Ф.И. Тютчева «Русский путь». Первый секретарь Союза писателей России. Живёт в Москве.

«Помни войну»*

Подняли по тревоге всю страну.
Давно пора подняться по тревоге.
Давно сама Россия на кону,
И враг уже сегодня на пороге.

Как стыдно — мы расслабились вполне,
Тон задают финансов воротилы.
Кто должен, тот не помнил о войне,
И как-то все работали вполсилы.

Как стыдно — развлечения кругом,
И пошлость, как помои, на экране.
И стали мы слабы перед врагом,
А многие уже бегут заранее.

Бегут, бегут Отечества сыны.
Не единицы и уже не сотни...

Бегут, бегут подальше от войны
И прячутся в грузинской подворотне.

Как стыдно, говорю я, господа,
Вы жировали, жировали, жировали.
И думали, что будет так всегда:
Багамы, Лондон, и Париж, и Бали.

Не будет так. Война идёт, война.
Конечно, вы уйдёте от ответа.
И все уйдут, и кончится страна...
Но парни наши гибнут не за это.

А за Россию ту, которой быть
Без вас, без нас, расслабленных не в меру,
Россия, Русь! Да не прервётся нить!
Война несёт и мужество, и веру.

25.11.22

Предала — и пропала

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.

Н. Гумилёв

1

Отступаем и наступаем...
И темно среди бела дня.
Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.

Украина, гнездом ты стала
Для враждебных России змей.
Предала себя — и пропала.
Украина, понять сумей,

Что всегда ты рабыней будешь
Англосаксов, поляков, да,
Ты не там своё счастье удишь.
Там плененье твоё, беда.

Не с предателями Мессия.
И не там, где обман и тьма.

*«Помни войну» — любимая фраза адмирала С. Макарова, она выбита на памятнике ему в Кронштадте.

Помогаешь убить Россию,
Но погибнешь, видно, сама.

2

...Всё же, всё же мы наступаем,
Батальоны дают огня.
Украина не стала раем,
Но — началом судного дня.

Всё решается в наше время.
Нам положено наступать —
До победы дойти над теми,
Кто замыслил нас убивать.

Если ядерный гриб родится?..
И сгорит вся живая плоть?..
Но к победе надо стремиться,
Ну а там уж как даст Господь.

15.12.22

Авиабаза Бельбек

Аэродромные дали...	Люди и крылья устали...
Вечер в Бельбеке. Закат.	Но, только ночь настаёт,
Люди и крылья устали.	Снова в незримые дали
Где-то пылающий ад.	Цели разведка даёт.

Там и разбитые танки,	Сны над землёю витают,
Там догорают склады,	Южная полночь плывёт...
Там и наставники-янки...	И, словно искры, взлетают
Много там всякой орды.	Люди и крылья. Вперёд!

03.08.22

В госпитале

Воин раненый снова стремится к товарищам —
Там в окопах открыл он достойное братство.
Да, на фронте — убитые, кровь и пожарища...
Но легко на своих там душой опираться.

О *своих* говорит он без всякого пафоса,
И в глазах его нету ни капли сомнения.
Вижу я, что душа его тянется парусом
К *пацанам*, самым лучшим из поколения.

01. 07.22

Молитва святому Луке Крымскому

Врач богомудрый, святитель Лука,
Здесь ты трудился, святая рука
Многих и многих от смерти спасла,
Многих и к Богу она привела.

Раненых воинов много теперь.
Ты помоги им, страданья умерь.
Ты посодействуй, святитель Лука.
Знаем, молитва твоя велика.

Страждущих воинов видит твой взгляд.
Отче Лука, помолись за ребят.

03.07.22

Батальон

Пять дней на передке, потом на отдых.
Пять дней на отдыхе, потом на передок...
Немало здесь «двухсотых» и «трёхсотых»,
Но Бог от «пятисотых» уберёт.

Ни одного пока что дезертира.
Да и не будет, каждый — сибиряк.
А сибиряк, давно известно миру,
Надёжен, как береговой маяк!

01.04.23

* * *

У блиндажа есть тоже позывной.
Весёлый позывной такой — «Бунгало».
Уже в лесу повеяло весной,
И как-то на душе печально стало.

Весна, весна... Весна не для войны.
А для любви и к женщине, и к миру.
Весной такие будоражат сны...
Летишь к жене в далёкую квартиру.

Проснёшься вдруг — в холодном блиндаже...
Из-под земли поднимешься на волю.
Ещё остаток сна в твоей душе.
Его, конечно, удаляешь с болью.

Сегодня в бой, и ты пронизан весь
Уже настроим этим — к бою, к мести...
Ты на войне. Теперь ты нужен здесь.
Ты нужен здесь и Родине, и чести.

02.04.23

Молодой

Я запомню тебя, Кременная.	Кременная — какое слово!
Я обычный боец, не кремьень,	Породнюсь навсегда с тобой!
И запомню, не проклиная,	
Каждый здесь проведённый день.	И когда-нибудь после битвы Я сюда доберусь опять.
Бой за боем, отход и снова	Здесь надежды мои, молитвы,
Бой за боем, за боем бой...	Здесь я что-то стал понимать.

04.04.23

Из разговора с бойцами

Пусть нам пива наварят и мяса нажарят к обеду...

Семён Гудзенко

Вам и пива наварят, и мяса нажарят к обеду.
Вас прославят экраны ТВ-новостей и кино,
Только вы побеждайте, стране принесите победу
Ту, которую ждём, по которой тоскуем давно.

Это просто сказать, но не просто даются победы.
Ну а эта война попирает каноны войны.
Мы щадим города, мы должны быть гуманней, чем деды.
И о братском народе всечасно мы помнить должны.

А отсюда потери, отсюда идёт промедленье...
Но победы, конечно, победы не может не быть.
Коль не будет её — это будет такое паденье...
И Россия, Россия должна победить!

Разорвали народ наш, на части его разорвали
И стравили враги... — Ну, конечно, отец, победим!
Только главное, чтоб наверху победить не мешали.
— Я об этом, ребята, скажу обязательно им.

14.07.22

Вопрос взводного

Да, людей мы беречь пытаемся,
Не ведём безрассудных атак.
Да, мы медленно продвигаемся,
Потому что не слабый враг.

И мы стали такими птичками...
Дайте нам суровый приказ!

Накачали его, напичкали.
Оплели благодушьем нас —

А то всё как-то полумерами.
И расплывчат всегда ответ...
Не играйте нашими нервами.
Киев будем брать или нет?

06.04.23

Замполит

Ураганный огонь артиллерии —
Он как будто кричал «Ура!» —
И летел на врага, в пух и перья
разбивая его вчера.

Промокаем насквозь от пота,
Но к победе идём, идём...

Там плацдарм заняла пехота...
«Продвигаемся день за днём.

Понимаем, за что воюем.
Если вдруг оборвут поход,
Крах тогда будет неминуем —
И страна, и мир пропадёт».

06.04.23

Мы сегодня в окопах вражьих

Мы сегодня в окопах вражьих
видим всюду тела, тела...
И вокруг тела, и на пашне.
На войне такие дела.

По-другому нельзя, однако.
Раз не ты, то тебя убьют.
Да, война — это злая собака.
Очень призрачен здесь уют.

Враг своих не хоронит что-то.
Значит нашим придётся, да.
Да, лопаты бери, пехота...
Да, кругом война и беда.

И твои блиндажи, окопы
Тоже могут в момент взлететь...
Но взлетели они, укропы,
Значит нынче укропам геть.

2023

* * *

Кто вы, бьющие по кварталам
Мирных жителей? Кто же вы?
И снарядов у вас навалом,
Хоть иди до самой Москвы...

Там и джонсоны, там и жаки,
И тадеуши всех мастей...
Захотелось ребятам драки.
А не хочется вам скорбей?

Обучили вас иностранцы,
И оружия навезли...
Взять реванш возмечтали гансы.
И скомандовали: «Пали!»

Почему на земле донецкой
Убиваете вы детей?
При империи при советской
Вы вели себя поскромней.

Нам придётся, как при Советах,
Да, могучей державой стать.
Знаем, вас, фашистов отпетых,
Невозможно перевоспитать.

Там, где вы, там война и слёзы.
Там всегда, всегда геноцид.
Как красивы в Донецке розы!
Но Донбасс уже болью сыт.

15.07.22

* * *

Отец Владимир и мулла Юлай —
Бойцы к ним тянутся, хотят поговорить.
И речь ведут не про дорогу в рай,
А просят дух беседой укрепить.

Теперь не выдают, хотя найти
Её бойцам, конечно не проблема.
Но к батюшке так тянет подойти...
Для разговора есть живая тема.

Порой бойца здесь настигает стресс —
Порой берёт апатия за глотку,
Порой в агрессию введёт лукавый бес...
На фронте раньше выдавали водку.

Боец не каждый крепок, как скала.
Покаяться кому-то надо кротко...
Отец Владимир и Юлай мулла,
Вы здесь нужны поболее, чем водка.

02.04.23

«Султан»

Весельчак с позывным «Султан»,
Где сейчас боевой твой стан?
Знаю, где бы ни воевал —
Ты нигде бы не унывал...

На войне без таких, как ты,
Скучновато, как без мечты.
Ты нас после войны позвал
Посетить родной ареал...

Это где Енисей течёт —
Там семья тебя очень ждёт.
Весельчак с позывным «Султан»,
Ты нам всем для победы дан.

И такие, как ты, бойцы
Настоящие молодцы!

02.04.23

* * *

Наши воины разные. Есть герои от Бога,
Есть обычные люди с печалью в глазах.
На войну, на войну всех уводит дорога
И приводит сюда, где и взрывы, и страх...

Воздух вспорот снарядами огневыми...
Привела вас сюда непростая стезя.
Мужики дорогие, вернитесь живыми
И, конечно, с Победой — иначе нельзя.

25.03.23

Неизвестный Распутин

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВА

Владимир Чивилихин и Валентин Распутин: встреча как судьба

Спасибо Чите,
она разъяснила, показала каждому из нас,
чего он стоит, на что способен.

(В. Распутин)*

Чудо началось задолго до их встречи. По воспоминаниям В.А. Чивилихина, он попал на Читинский семинар молодых писателей Сибири и Дальнего Востока (5–16 сент. 1965 г.) случайно. Встретил председателя Союза писателей России Л.С. Соболева в тихом безлюдном закоулке Замоскворечья, что было необычно для того, всегда занятого и пользующегося служебной машиной. Для поверхностного знакомства неожиданным был и завязавшийся отстраненный разговор о московской архитектуре, особенностях зданий, мимо которых проходили собеседники. Прошли до конца Черниговский переулок, когда прозвучало приглашение на семинар. Садясь в машину, Л.С. Соболев настойчиво повторил: «— Так поедем! Зайди в Союз и возьми там остатки неразобранных рукописей — может, и найдешь что-нибудь обещающее, а? Хоть бы с тоненькой прожилочкой талантишка!» [14, с. 201].

В неразобранных остатках оказалась рукопись В. Распутина, молодого красноярского журналиста. «...Воистину золотая прожилочка!» — вспоминал о той находке В.А. Чивилихин [14, с. 201]. На прочитанную рукопись писатель дал рецензию. Ее текст сохранился, как и значимая теперь дата, 20 августа 1965 г. В начале рецензии прозвучали пророческие слова: «...В. Распутин — писатель божьей милостью. Это несомненный талант, и мне радостно, что наш семинар откроет его» [14, с. 202]. Эта рекомендация для красноярского журналиста стала входным билетом в русскую литературу. В тот же день В.А. Чивилихин написал письмо автору. Сказался порыв передать ему что-то важное в тот день. Возможно, впечатление от прочитанного было столь велико, что захотелось поделиться радостью или поближе узнать автора как человека. Наставления старшего вводили журналиста в новую для него область — художественное творчество. «Конечно, литература воспринимается не так, как передовая статья в газете, по-другому, она тайными путями пробирается в сердце и мозг человека» [15, с. 299] — осталось в письме. Это было приглашение к диалогу — и зов в литературу. Ответственность за сердце читателя В.А. Чивилихин передал В. Распутину в первом письме.

Из прочитанной рукописи рецензент выделил рассказ «Я забыл спросить у

*Распутин В. *Говорят, свое название Чита получила так...* // Ангары. — 1970. — № 4. — С. 19.

Лёшки...» и предложил его в газету «Литературная Россия», в новую рубрику «К Читинскому семинару молодых писателей», открытую 20 августа 1965 г. В свой черед в ней оказались напечатанными отобранные произведения, и часто — проза иркутян. Рассказ Б. Лапина «Стакан черемухи» опубликован 27 августа, Д. Сергеева «Вегетарианка» — 3 сентября, В. Распутина «Я забыл спросить у Лёшки...» — 10 сентября, с ошибкой в имени: «Валерий Распутин». А сказка Ю. Самсонова «Мешок снов» была напечатана уже после окончания семинара, 24 сентября, в рубрике «Для наших юных друзей».

Но самая первая столичная публикация В. Распутина состоялась днем раньше, 9 сентября 1965 г., благодаря необычным обстоятельствам. «Глубокой ночью», по словам Чивилихина, он из своего номера гостиницы в течение трех часов по телефону диктовал стенографистке газеты «Комсомольская правда» рассказ В. Распутина «Ветер ищет тебя» [14, с. 201] (позднее с названием «Человек с этого света»), о старухе-тофаларке. Именно этот рассказ запомнился В.А. Чивилихину. «Рассказ же “Человек с этого света” был совсем хорош — в общем и частности» [14, с. 201], — отметил он через многие годы. Рассказ был напечатан на третий, последний день работы секций, проходивших с 7 по 9 сентября. Трудно удержаться от мысли, что В.А. Чивилихин заранее готовил талантливого автора к вступлению в Союз писателей, обеспечивая ему публикации в центральных изданиях. Всего за несколько дней семинара их оказалось две, в «Комсомольской правде» и в «Литературной газете», — с разницей в один день. Правда, в апреле 1965 г. в журнале «Огонек» был напечатан очерк В. Распутина «Разъезд Стофато» [13]. Но очерк все-таки не мог быть аргументом при приеме в Союз писателей.

История очерков о Владимире Стофато, продолжателе дела отца, Константина Стофато, началась с прочтения В. Распутиным повести В.А. Чивилихина «Серебряные рельсы», написанной в 1959 г. В. Распутин, переехавший летом 1962 г. в Красноярск, не просто прочитал эту повесть, он по ней действовал. «Прочитав “Серебряные рельсы” — о героической гибели в военные годы в Саянах изыскателей трассы Абакан—Тайшет Кошурникова, Журавлева и Стофато, — я, тогда только начинавший работу в красноярской молодежной газете, выпросил строительство трассы под свое перо, часто бывал там, подружился с сыном Стофато» [15, с. 549]. Имена Александра Кошурникова, Алексея Журавлева, Константина Стофато впервые появились в очерках В. Распутина «За поездом поезд...» 1 мая 1963 г. [10] и «Имени отца» 26 сентября 1963 г. [11]. Владимир Стофато, приехавший из Липецка в Саяны в 1962 г., объяснял в очерке свой приезд так: «Проектируя эту дорогу, погиб отец. Погиб не зря. Дорога будет. Я бы не простил себе, если бы ее построили без меня» [10]. О подвиге отца Владимир узнал из той же книги В.А. Чивилихина. Все сплелось в один узел: приезд Стофато в Саяны, приход в красноярскую газету Распутина, влияние книги на обоих. Так повесть В.А. Чивилихина «Серебряные рельсы», задолго до личного знакомства писателей, вела В. Распутина к читинской встрече, словно приближая ее.

На поездах, самолетах, автобусах и даже на вездеходе, прямо из тайги, как Геннадий Машкин [6], приехали в Читку на семинар 70 молодых писателей из Восточной Сибири и Дальнего Востока. 5 сентября на вокзале и в аэропорту их встречали цветами, транспарантами, улыбками. Улицы и даже магазины города были украшены плакатами с приветствиями. Молодые авторы, счастливики, допущенные к участию в семинаре, разошлись по двенадцати секциям: по пяти секциям прозы и пяти поэзии, одной драматургии, одной детской литературы. Ру-

ководителями семинаров были известные писатели: Анатолий Иванов, Виль Липатов, Юрий Рытхэу, Сергей Наровчатов, Владимир Чивилихин, Виктор Астафьев и другие. Руководителей на семинар приехало около пятидесяти. На одну секцию приходилось по несколько ведущих, «аксакалов». Согласно сообщению Георгия Граубина, инициатора и организатора Читинского форума, только из Иркутска приехали шесть руководителей секций: М. Сергеев, И. Луговской, Б. Левантовская, В. Марина, А. Шастин, Л. Кукуев [2]. Кроме того, на семинар пригласили в качестве слушателей около сорока человек начинающих авторов, не прошедших отбор или не получивших пока право на заявку. В каждую аудиторию на обсуждение набивались толпы зрителей — журналисты, творческая молодежь, болельщики, гости семинара.

5 сентября 1965 года в Большом зале Окружного Дома офицеров (ОДОСА) состоялось открытие форума. Там же 16 сентября прошел и заключительный творческий вечер с прощальными, напутственными речами, благодарностями, подарками. Первая неделя семинара оказалась предельно насыщенной. Три дня в секциях шли обсуждения рукописей. После — итоговое заседание с объявлением списка рекомендованных в Союз писателей. Но одновременно, в те же дни, проводились записи участников семинара на радио, давались интервью в газеты, проходили многочисленные встречи с читателями в городских библиотеках, школах, вузах, заводах. А с 11 сентября несколько бригад прозаиков и поэтов отправились по области — в поселки, воинские части, на шахты. Результаты Читинского семинара во всей полноте стали очевидны с годами. Через двадцать лет Г. Граубин отметил, что пятьдесят из семидесяти участников семинара стали профессиональными писателями [2].

До начала семинара в новой гостинице «Забайкалье», еще пахнущей краской, полной молодых голосов и шумного движения, произошло знакомство В.А. Чивилихина и В. Распутина. Инициатором неофициальной встречи был Владимир Алексеевич. Об этом свидетельствуют воспоминания обоих писателей. «Еще до начала работы семинара он отыскал меня в гостинице, подбодрил, тут же по телефону продиктовал один из тофаларских рассказов в “Комсомольскую правду”, где тогда работал <...>» (1998) [12], — вспоминал В. Распутин в 70-летие со дня рождения В.А. Чивилихина. В записях руководителя те же факты: «По приезде в Читку я сразу же разыскал автора и сказал, что за этот рассказ могу хоть сейчас дать рекомендацию в Союз писателей» [14, с. 201]. Имелся в виду, разумеется, рассказ «Человек с этого света», который и был продиктован в «Комсомольскую правду».

Работая спецкором областной газеты в Красноярске, В. Распутин не предполагал тогда что-то менять в своей жизни. Тем более, не было у него намерения стать писателем. Работал с удовольствием, ездил в командировки по Красноярскому краю, бывал в разных местах, знакомился с людьми, умел расположить их к разговору, вызывал у них доверие, понимал. Очерки печатали, в редакции ценили. «Поехал, признаться, больше для того, чтобы встретиться там со своими иркутскими друзьями — с Александром Вампиловым, Вячеславом Шугаевым и Геннадием Машкиным. “Себя показать”, т. е. свои литературные опыты, было “во-вторых”» [12], — сказано через годы. Но и через пять лет после семинара почти то же: «Понемножку писали, понемножку печатались, но все как-то вполсилы, вполнакала, толком не зная, как относиться к своим занятиям <...>» [9]. В те сентябрьские дни в аудитории Читинского мединститута спецкор газеты «Красноярский ком-

сомалец» услышал то, что перевернуло его жизнь. Тихо и незаметно сидел тогда молодой человек позади всех, В.А. Чивилихин запомнил его именно таким: «В кружке, который я вёл, все дни молча просидел на задней скамеечке тихий паренёк с огромными тёмными глазами» [14, с. 201]. Подводя итоги, руководитель секции сказал о В. Распутине в интервью: «Мы имеем дело с редким дарованием, он привлекает углубленной психологичностью, смелостью, с которой он берется за сложные вещи» [2]. Поддержка известного писателя на обсуждении рукописи, а также слова, сказанные в печати, окрылили автора.

«Как журналист я был на хорошем счету, писал заметно, и если бы в Чите мне сказали, что мои рассказы слабы (так оно и было), я бы, вероятней всего, без большого сожаления свое приближение к литературе оставил. <...> Но Владимир Алексеевич что-то высмотрел в них — что-то, должно быть, не столько имеющееся, сколько обещающее» [12], — рассуждал шестидесятилетний Распутин с присущей ему скромностью. Поддержка В.А. Чивилихина подтолкнула молодого журналиста к судьбоносному решению. В марте 1966 г., через полгода после Читинского семинара, задолго до вступления в Союз писателей, В. Распутин оставляет редакцию газеты «Красноярский комсомолец» [1, с. 49]. И, чтобы заниматься литературным трудом, быть ближе к друзьям, родному дому, возвращается в Иркутск. Решение было семейным. Жена Светлана поверила в талант мужа [3, с. 34-35, с. 113]. Но для такого шага нужно было иметь мужество и готовность пожертвовать материальным благополучием. Семья с маленьким сыном оставалась жить на маленькую зарплату Светланы, ассистента, преподавателя вуза. Документы к вступлению в Союз писателей В. Распутин стал собирать только в декабре того же года.

Еще до увольнения из редакции молодой прозаик с головой уходит в литературную работу. В 1965-1967 гг. им были написаны произведения, составившие российскую славу, и почти сразу переведенные на другие языки. Рассказы «Василий и Василиса», «Продается медвежья шкура», «Рудольфио», повесть «Деньги для Марии». Все они привлекут внимание киностудий, режиссеров и в течение нескольких лет будут экранизированы. 60-е и 70-е годы станут самыми счастливыми творческими годами в жизни писателя. Об этом свидетельствует глубоко личное признание В. Распутина А.А. Королькову в письме от 4 января 2008 г.: «Спросил бы меня Господь: чего ты хочешь? <...> Но самое главное, Господи, прошу, самое важное — чтобы это были 60-ые или краешком 70-ые годы. Дальше не хочу, не могу, боюсь» [5, с. 252].

В Союз писателей В. Распутин был принят 6 мая 1967 г. [4]. Одну из рекомендаций дал В.А. Чивилихин. В архиве, сбереженном Е.В. Чивилихиной, женой писателя, остался черновик рекомендации, правда, без даты. Написан он был, вероятно, в конце декабря 1966 г. «С большим удовольствием рекомендую в члены Союза писателей молодого сибирского прозаика Валентина Распутина. Первые его рассказы “Я забыл спросить у Лёшки”, “Человек с этого света”, “Мама куда-то ушла” и др. появились в центральной печати осенью 1965 года. Читатели и писательская общественность сразу же обратили внимание на несомненную одаренность автора. Валентин Распутин пишет свежо, емко, очень по-своему, создавая интересные портреты наших современников, портреты тонкого психологического рисунка» [14, с. 203]. Так начинается рекомендация, данная автору для вступления в Союз писателей России. В новогодней открытке В. Распутин уже благодарит за нее: «С Новым годом, Владимир Алексеевич! Желаю самого обычного — чтобы

жилося, писалось, чувствовалось. Большое спасибо за рекомендацию» [14, с. 203]. Энергично, бодро звучит голос человека, вдохновленного поддержкой и надеждами, уверенного в правильности своего выбора.

Прием В. Распутина в Союз писателей был не столь спокойным и радушным, как принято считать. Воспоминания А. Овчаренко, одного из членов тогдашней комиссии, опубликованные в 2018 г., приоткрывают настоящую ситуацию, известную узкому кругу людей. А. Овчаренко отмечает, что В.А. Чивилихин «...очень сердился, когда мы, в то время члены приемной комиссии Союза писателей Российской Федерации, без особого восторга говорили об авторе сборников “Костровые новых городов” и “Край возле самого неба”» [7, с. 192]. Трудно объяснить, почему книга рассказов «Человек с этого света», подписанная к печати в Красноярском книжном издательстве 5 января 1967 г., не оказалась тогда на столе у комиссии. В.А. Чивилихину при обсуждении пришлось выдержать противодействие большинства, и книга могла бы стать весомым аргументом в споре. Чивилихин доказывал, настаивал, приводил факты, и ему удалось убедить других — к счастью для русской литературы. Комиссия проголосовала за В. Распутина. А это значило немало. Автор получил статус профессионального писателя, новое социальное положение и возможность официально, согласно государственным законам, заниматься литературным трудом. Это позволило направить силы на творчество и сбросить время от беспокойной, разъездной работы спецкора.

Так и получилось, что в сентябре 1965 г. на одной из секций прозы встретились два молодых человека, близких по возрасту, но разделенных литературным опытом и признанием. Руководитель — известный писатель В.А. Чивилихин, 37 лет, и «семинарист», красноярский журналист В. Распутин, 28 лет. Один говорил, другой молчал и слушал. Встреча словно заранее готовилась нацеленностью друг на друга. Читением книг и стремлением следовать за ними — младшим из них, желанием открыть новый талант, помочь ему состояться — старшим. Внутренняя устремленность друг к другу возникла внутри одной культуры, одного времени — в согласии служения народу, культуре, языку. Согласие просматривалось потом и в общественной деятельности — в усилиях сохранить природу, тайгу, чистоту Байкала. Два молодых человека с разницей в девять лет, литературный путь которых еще будет раскрываться в дальнейшем, почувствовали духовное родство. Возникла преемственность — в темах, идеях, слове. И старший создал судьбу младшего — литературную, общественную, человеческую.

Через двенадцать лет после читинской встречи В. Распутин, награжденный к тому времени государственной премией и значимыми наградами, подписал свою книгу в дар учителю: «Ваше благословение, Владимир Алексеевич, всегда чувствую, Ваше святое отношение к литературе и природе всегда поддерживает <...>» [14, с. 204]. После ухода В.А. Чивилихина из жизни, В. Распутин сказал то, что держалось в сердце: «...значение и авторитет его имени были к тому времени огромными, его духовная фигура высилась в обществе огромной глыбой» (1998) [12].

Нравственной глыбой, ориентиром оставался для В. Распутина В.А. Чивилихин в течение всей его жизни, от первой прочитанной книги, определившей тематику красноярских очерков, от первого письма и личной встречи в Чите, открывших новый жизненный путь. Авторитет В.А. Чивилихина в литературе позволил состояться молодому таланту. А доброе, человеческое участие подарило начинающему автору веру в себя, дало силы выстоять под нападениями, обвинениями

в тяжелые 90-е и 2000-е годы. Память о служении Чивилихина России помогала, вдохновляла В. Распутина на собственный подвиг.

Список литературы

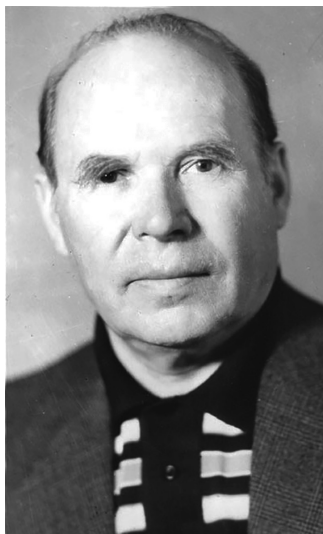
1. Валентин Григорьевич Распутин : биобиблиогр. указ. / сост. Г.Ш. Хонгордоева, Э.Д. Елизарова ; ред. Л.А. Казанцева. — Иркутск : Издатель Сапронов Г.К., 2007. — 472 с.
2. Граубин Г. Двадцать лет спустя, или иркутская «стенка» // Литературный Иркутск. — 1987. — 26 февр. — 1 марта — С. 2.
3. «...Жить в полную силу». Воспоминания о Светлане Распутиной. Воспоминания, стихи. — Иркутск : Принт-Лайн, 2019. — 192 с.
4. Иркутское региональное отделение Союза писателей России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://pribaiikal.ru/writers-list.html> (дата обращения 27.03.2022).
5. Корольков А.А. Нравственная философия Валентина Распутина. Очерки. Письма. Дневники. — СПб. : Росток, 2018. — 272 с.
6. Машкин Г. В ту поисковую осень... // Советская молодежь. — 1970. — 20 июня. — С. 3.
7. Овчаренко А. О Владимире Чивилихине // Москва. — 2018. — № 5. — С. 190–192.
8. Распутин В. Ветер ищет тебя // Комсомольская правда. — 1965. — 9 сент. — С. 3.
9. Распутин В. Говорят, свое название Чита получила так... // Ангара. — 1970. — № 4. — С. 19.
10. Распутин В. За поездом поезд... // Красноярский комсомолец. — 1963. — 1 мая.
11. Распутин В. Имени отца // Красноярский комсомолец. — 1963. — 26 сент. — Опубл. под псевд. В. Каирский.
12. Распутин В. Он сказал главное слово // Гудок. — 1998. — 14 марта. — С. 6.
13. Распутин В. Разъезд Стофато // Огонек. — 1965. — № 14. — С. 20–21.
14. Чивилихина Е. Открытие Валентина Распутина. К 90-летию со дня рождения В.А. Чивилихина (1928-1984) // Наш современник. — 2018. — № 3. — С. 200–205.
15. Чивилихин В.А. Дневники, письма. Воспоминания современников. — М. : Алгоритм, 2008. — 608 с.

Иркутская хрестоматия

110 лет со дня рождения

ЛЕОНИД ОГНЕВСКИЙ

На другой день

РАССКАЗ ИЗ ПОВЕСТВОВАНИЯ

I

Прошуршал, обдавая неприятным запахом резины, синий залоснившийся плащ... проскрипели на разные голоса половицы в холодных сенях, на мокром, облепленном желтым листом крыльце... хлопнула подхваченная ветром калитка.

ОГНЕВСКИЙ (Огнев) Леонид Леонтьевич – прозаик, журналист. Родился 2 августа 1913 г. в дер. Шаман Яранского уезда Вятской губернии. Окончил среднюю школу в Томске, затем Высшие педагогические курсы, Институт атеизма и Ленинградский институт журналистики им. Воровского. С 1937 проживал в Иркутске. Работал в газетах «Восточно-Сибирский комсомолец», «Восточно-Сибирская правда». Участник Великой Отечественной войны. С осени 1941 — оперуполномоченный особого отдела НКВД на Северо-Западном фронте, с апреля 1942 — старший следователь особого отдела 4-й ударной армии, с февраля 1944 по лето 1946 — старший следователь контрразведки СМЕРШ 1-го Прибалтийского фронта, затем — Прибалтийского военного округа. Член Союза писателей СССР (1957). Автор романов и повестей: Белый хлеб (Иркутск, 1949); На другой день (Иркутск, 1956); Грозный час (Иркутск, 1973); Пять жизней в одной (М., 1980); Крылья Жар-Птицы (Иркутск, 1998) и др. Основная тема творчества — судьбы жителей байкало-ангарской Сибири от времени коллективизации 1930-х до начала нового века. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга» и другими правительственными наградами. Умер 26 февраля 2000 г. в Иркутске.

— Ушел! — облегченно сказала Людмила, отходя от окна. Поправила на плечах серый козьего пуха платок. Ей думалось — и свекровь скажет: «Ну и хорошо, что ушел, нечего ему у нас делать».

Но Мария Николаевна даже не кашлянула в знак того, что слышит голос невестки.

И Людмилу вновь охватило беспокойство: зачем люди ходят и ездят? Почему они пристают?.. Забилась в угол дивана и опять ощутила резиновый запах плаща, оглядела мрачную комнату и вся сжалась в комок: стены комнаты, не беленные с ранней весны, закоптились, а потолок... по потолку змеились черные трещины, два бурых пятна от потеков в ненастья шелушились, как лишай. Да что потолок!.. Тревожный взгляд женщины метнулся по окнам, — в них стояла липкая муть осеннего неба... Даже небосвод поблек, потускнел с того майского страшного дня!

И, словно виновником всего был только что вышедший человек, Людмила повернулась к свекрови, спросила нетерпеливо, с досадой:

— Что ему от нас надо?

Мария Николаевна как сидела, так и осталась сидеть, уткнувшись в ситцевый ворох шитья; при каждом взмахе ее руки поблескивал на указательном пальце никелированный, весь в продавленных точках наперсток.

— Что?..

— Уж и зайти человеку нельзя, — наконец отозвалась старушка. — Ехал мимо, зашел. Да хороший директор и должен ходить и ездить, знать, как живут подчиненные, если помощь потребовалась, помочь.

Людмила прикусила блеклую губу. Нет, в помощниках и опекунах она не нуждается, ни милости, ни сочувствия ни от кого не просит, не ждет. И уж никак не рассчитывала каждое утро и вечер ездить в директорской легковушке. Откуда Абросимов взял, что она бессильна, не может пройти от квартиры до завода пешком? И не одинокая! Что Виктор убит, — неправда! Пройдет день, два, ну, месяц, и точно выяснится — ошибка. Мало ли было ошибок на фронте.

И Людмила оперлась заострившимся подбородком на маленькие синеватые кулаки, вглядываясь в лицо свекрови. «Ведь будет так? — спрашивали ее серые напряженные глаза. — Скажи скорее, не мучь».

Лицо Марии Николаевны, как всегда, было спокойным. Худое и сухонькое, под штрихами тонких морщин, в обрамлении седеньких гладко зачесанных волос. К нему очень шли и легкие в посеребренной оправе очки, и бумазейная в клеточку кофта, и белая шерстяная шаль, накинутая на узкие плечи. Сколько лет знакомо оно каждой черточкой? Десять? Нет, больше, двенадцать лет, с предпоследнего класса десятилетки, где Мария Николаевна преподавала литературу и русский. Знакомо? Дорого, как дороги все ее суждения и советы. Обычно свекрови со скрипом доживают свой век, шипят над каждым движением невесток, эта — совсем другая, эта — и теперь учительница, ей все понятно, она все знает, так пусть скорее...

Кивком головы Людмила отбросила нависшие на лицо белокурые волосы и запальчиво, вновь охваченная надеждой, сказала:

— Ведь правда, мама, в жизни не без случайностей? Вот получили мы извещение, а он, Витя, вдруг! — Людмила развела в стороны руки, придерживая концы платка, словно собираясь взлететь. — Ведь может так быть? Будет?

Мария Николаевна еще ниже склонилась над шитьем. Ей не хотелось показывать своих глаз, а глаза обязательно делались влажными (этого не могли скрыть

даже очки) при каждом упоминании имени сына. Она и сама иной раз подумывала о том же, но трезвый рассудок женщины, достаточно пожившей на свете, потерявшей в войнах и революциях немало близких людей, был сильнее неосуществимых желаний. Не могла она подтвердить: «Будет». Но она была старой учительницей, любила детей с их фантазией, пусть наивной, но страстной. «А Людмила, — размышляла она, — хотя ей и двадцать семь лет, и вуз окончила, и работает чуть ли не главным бухгалтером на заводе, в жизни пока что дитя. Так надо ли разуверять, что „вдруг“ возможно? Уж лучше молчать».

— Ну вот, ты опять ничего не сказала, — обиженно проговорила Людмила, зябко кутаясь в платок. — Но я не перестану верить, Виктор вернется, он же был здесь в прошлом году! Он...

Взгляд ее остановился на портрете мужа — гордая, спокойная улыбка и такой знакомый, родной прищур жарких любящих глаз!.. — и Людмила почувствовала подступивший к горлу, готовый вырваться крик: «Жив, верю, жив!» «А похоронная?» — «Она по ошибке». — «А почему нет писем, война давно кончилась?» Людмила сразу повяла. Вот всегда так: чуть начинала с ним говорить, как получалось — вера ее бессмысленна.

...Майор Виктор Баскаков был убит в Германии, когда оставалось сто километров до Берлина и тридцать дней до окончания войны. Смерть застала его при выполнении боевого задания; похоронен товарищ Баскаков с воинскими почестями в районе города Кюстрина, у высоты номер... Так говорилось в похоронной, не сообщавшей всех подробностей смерти, хотя о дорогом человеке хотелось знать все до мелочей.

Похоронная пришла под вечер 8-го мая, а на другой день утром всем стало известно об окончании войны, о победе. Весь город пел, веселился, а две одинокие женщины плакали, им было еще тяжелей, что люди вокруг них ликуют. Тогда-то Людмила и затвердила себе: «Нет, не может этого быть, ведь победа ж, победа!»

И шестилетняя Галочка ничего не узнала о несчастье, постигшем семью.

Зачем мать и бабушка скрыли от нее гибель отца? Они не сговаривались, каждая из них по-своему могла бы объяснить этот поступок. Людмила не хотела напрасну расстраивать девочку, ведь известие же, ну, явно ошибочное, скоро все разъяснится. У Марии Николаевны были иные соображения. Она знала жестокость войны, знала, какой ее сын, — в случае чего, не посчитается с жизнью, — старушка больше поверила — нет в живых. Но она смотрела вперед: Людмила еще молода, красива, жить все равно надо, значит, она не останется одинокой, значит, у Гали появится новый отец. Так пусть девочка покуда не разберется в том, что произошло. Когда она подрастет, все станет ясным само собой; Галя еще успеет преклониться перед геройством родного отца.

Прошло четыре месяца. Людмила все еще надеялась: Виктор вернется; она посылала письма в его артиллерийскую часть, хотя и не приходило ответов (однополчане могли разбрестись по другим частям или демобилизоваться), который раз запрашивала бюро розысков... Мария Николаевна не ждала ничего хорошего; сама не ждала, а невестке ждать не мешала.

— Обедать будем? — спросила она, чтобы прервать затянувшееся молчание, и, отложив шитье, заторопилась к электрической плитке, раз, другой вставила в белый фарфоровый штепсель вилку с длинным шнуром.

— Нет тока? — догадалась следившая за нею Людмила. — Опять отключили! И когда они отремонтируют линию!

— Что поделаешь, — вздохнула Мария Николаевна. — Сбегаю к соседям, позвоню: скоро ли. — Она одернула на себе концы шали.

— Мама! — упреком остановила ее Людмила. Быстро сунула в туфли-лодочки загорелые ноги. — Я сама, я скорее схожу.

С улицы в это время донесся звонкий детский голос: «Подождите, девочки, я узнаю». Людмила насторожилась: вдруг Галя пристанет с расспросами: «А когда приедет наш папа?» Уже было так. «Скоро, скоро», — сказала тогда дочурке. «Ты всегда говоришь „скоро“, а он все равно не едет» — «Приедет». — «Ты говорила, как перебьет всех фашистов, так будет дома». — «Правильно». — «А мальчишки на улице говорят, фашистов давно перебили». Людмила не сразу нашлась, что ответить дочери...

А девочка уже настукивала каблуками ботинок в сенях, в прихожей, вот-вот отворит дверь и вбежит. «Скрыться?» — подумала Людмила. Но с места не тронулась — будь что будет, — прислонилась к холодной стене.

II

В предместье — одноэтажные деревянные домики. Крыши их временные, из толя, рамы окон покрашены не везде — помешала война. Тротуара постоянного тоже не было, под ногами скрипел сырой гравий, а заготовленные для тротуара бетонные плиты, обломанные, в беспорядке, валялись по обеим сторонам широкой канавы. Брусчатые стены домов потемнели, толь на крышах лохматился... Но возле каждого дома успели разрастись садики с тополями, акациями, ранетками, и деревца кое-где поднимались вровень с крышами.

Припадая на раненую ногу, Дружинин дошел до перекрестка с водокачкой и остановился. Широкая малолюдная улица все еще поднималась на взгорье, центр города в торосах многоэтажных зданий теперь был внизу, за рекой. Дождь перестал, и в просвете между тяжелыми тучами появилось солнце. И тотчас все под ним засверкало, заискрилось: огрубевшая на сентябрьском ветру, но промытая дождями листва тополей, чешуйчатая поверхность реки, надвое рассекавшая город, крона дыма над заводскими трубами по окраинам, сама земля. Просторней стали заречные луга, глубже таежная даль; там, за синью тайги, на голубом фоне неба, обозначились зубцы снежных гор.

Много всего читал и слышал Павел Иванович о Сибири, знал, что здесь выросли за пятилетки города и заводы, что богаты сибирские недра, плодородна земля, а представлял этот край мрачным, сплошь заросшим сосной и кедром; в том, что здесь уйма доброго солнца и бездна видимого пространства, он убеждался только теперь. Большим и хорошим казался ему и город, в котором суждено год ли, два ли, больше ли жить. Не зря расхваливал его Кучеренко: «Не глядите, что закопился да чуток обветшал — подмолодим, немного для этого надо, каждый камень еще помнит свое место в каменоломнях, каждое бревно и тесина не перестали пахнуть тайгой, все заклепки ставлены и гвозди биты при мне».

Потешный старик! Павлу Ивановичу живо припомнилась планерка в кабинете директора. Еще и познакомиться как следует не успели, а Кучеренко уже держал за рукав: «Квартира просторная, с центральным отоплением и ванной, так что решайте. Сына моего теперь знаете, — он кивнул в сторону сидевшего за директорским столом секретаря партбюро Антона Кучеренко, — сын сам по себе живет,

отец сам по себе. — Старик кашлянул, топорща усы. — Уж если не поглянется, уйдете на другую квартиру, свою. Да мыслимое ли дело таскаться по всяким разным гостиницам?».

А Баскаков? Не он ли, майор Баскаков, твердил всю войну о Сибири, о своем, вот этом, опять погруженном в тень тяжелого облака городе? Трубы этих заводов он и называл подпирающими небеса, эти дальние горы и перевозносил выше небес. «Ах, Витя, Витя! — с горечью подумал Дружинин, запахиваясь шинелью. — Тебе бы идти знакомой улицей, любоваться родными местами, один ты принес бы радость в семью».

Не так уж велик был подъем, ни дождь не лил, ни солнце не жгло, а ноги еле-еле передвигались. Тяжело идти, зная, что придешь и будешь рассказывать людям о смерти дорогого им человека; только переступишь порог — и сразу почувствуешь скорбь по убитому: полумрак, тишина, все в траурном, черном; изнемогшая от горя старушка приподнимется на кровати — кто пришел, уж не сын ли случаем? — и разочарованно уронит на изголовье седую голову. Молодая, но рано состарившаяся вдова будет молча слушать рассказ нежданного гостя, блуждая взглядом по комнате. Даже девочка — может, пять ей годиков, может, шесть — не подаст беспечного голоса, притихнет в углу. Нелегко воскрешать в памяти события тех дней, а придется, уговор: остался в живых — навести семью убитого друга, утешь. Баскаковы, конечно, не ждут, они, может быть, и не знают какого-то замполита, а ведь вместе прожил с их Виктором три долгих года, вместе валялись в грязи траншей и землянок, ели из одного котелка, пили из одной фляги, рядом прошли все испытания войны и под конец... обрушится же несчастье, когда его больше не ждешь!

Дружинин собирался было сесть, отдохнуть: с дурными вестями не торопятся. И вдруг увидел на карнизе поветшалого дома жестяную пластинку с надписью: «Пушкинская, 40». Дом Баскаковых! Больше раздумывать было некогда, и Павел Иванович с бьющимся от волнения сердцем открыл калитку, поднялся по ступенькам крыльца.

Тесовая дверь оказалась незапертой. Нарочно не сдерживая стука сапог, — чтобы слышали — Дружинин прошел через узкие сени, через кухню с холодной плитой, остановился в открытых дверях просторной комнаты-зала. Комната была чисто прибрана, на полу лежал ворсистый ковер с замысловатым цветным узором по бордовому полю, на стенах висели картины — это были солнечные пейзажи горного края; из коричневой рамы над этажеркой на Дружинина, как живые, глядели глаза Виктора.

— Приветствую, — полусшепотом произнес Павел Иванович, снимая фуражку. Ему показалось, что фронтовой друг слегка улыбнулся и вот теперь, как там, в Белоруссии, Польше, Германии, протянет руки и обнимет до хруста в плечах.

Тем временем из комнаты-боковушки выбежала девочка с пушистой челочкой до бровей. На ней было легкое платье с кармашками, в руках она держала большой, одна половина красная, другая синяя, мяч.

— Здравствуйте, — сказала она отчетливо.

Павел Иванович присмотрелся к ней. Это же дочурка их, Галя! Отцовский прямой нос, его энергичный взгляд, даже ямочка на подбородке такая же глубокая, как у отца...

— Вам надо маму? Мама ушла к соседям, скоро придет.

«Наташка моя походила на Анну... Эта вся в Виктора».

Девочка не выдержала молчания гостя и смело назвалась:

— Меня зовут Галей.

— А меня Павлом Ивановичем. — Дружинин встряхнулся и шагнул к ней. — Вот мы и познакомились, Галочка.

Она оценила ласку в его голосе, приветливость взгляда, и тоже подалась на шаг вперед. Внимание ее привлекла военная фуражка с черным околышем, — гость держал ее у колена.

— Вам на фронте такую дали?

— На фронте.

— И шинель?

— И шинель.

— И на самоходке вы по фронту ездили?

— Представь себе, Галочка, ездил и на самоходке. Тр-рах, бах, тр-рах, бах! — едешь и палишь по фашистам.

Карие глаза девочки слегка повлажнели, она прикусила краешек нижней пухлой губки, борясь с каким-то желанием. С каким же? И вдруг спросила:

— А нашего папу вы не видели там, на фронте?

Павел Иванович медленно опустил на венский стул, скрипнувший под тяжестью его тела.

— Скоро он приедет домой?

— Скоро, Галочка, скоро, — вырвалось у Дружинина. Сказал и тотчас спохватился: какая неправда! Хотелось привлечь девочку к себе, поцеловать, искупить вину ли, ошибку ли ласками, но Галя подбросила мяч и побежала по комнате:

— Скоро, скоро! Бабушка! Дядя тоже сказал, наш папа скоро вернется.

— Слышу, милая, слышу, — донеслось из соседней комнаты.

«Неужели и Баскаковы скрывают от девочки правду?» — успел подумать Дружинин. В зал неторопливо вошла худенькая старушка с белой шерстяной шалью на узких плечах.

III

Мария Николаевна сразу поняла, что перед нею не случайно вошедший человек, что он принес важные вести, может быть, о Викторе. Она побаивалась, как бы гость не начал разговор при Гале, поэтому предложила внучке:

— Иди-ка, милая, встречай маму.

С еще большей уверенностью подумала старушка — с вестями о сыне, когда неожиданный гость сообщил, что он, можно считать, прямиком из армии, даже переодеться как следует не успел, что в Красногорске, на заводе горного оборудования, всего трое суток, новый заместитель директора.

— Наш завод, горный-то, — тихо сказала Мария Николаевна. — И невестка на этом заводе работает, и сын когда-то работал... Вы тоже отсюда уходили на фронт?

— Нет, раньше я не бывал в Сибири.

— Так что и про сибиряков, какие они, знаете только понаслышке?

— И... по фронтовым встречам.

«От него, от Виктора»... Марию Николаевну охватила тревога: вдруг гость произнесет самое страшное — сам видел, убит. И, стараясь хотя бы немного оттянуть развязку, она поспешно заговорила:

— Уж там-то, на войне, перемешался народ. И здесь люди перемешались, понаехали, кто из Прибалтики, кто с Украины. Что поделаешь, если всех коснулась беда.

В то же время хотелось до появления невестки и внучки кое-что разузнать.

— Вы, наверно, к Людмиле?

— К ней. И к вам, к Галочке... — Павел Иванович переложил с колена на колени фуражку. — А внучка у вас боевая, смышленная, быстро познакомилась и начала обо всем расспрашивать.

— Галя-то? Небоязлива.

— Чувствует себя взрослой в доме, большой.

— Самая маленькая — всегда самая большая в доме, — добродушно проговорила Мария Николаевна. Взглянув в окно, со вздохом добавила: — Вон и она сама... вместе с матерью. — Время для разговора с глазу на глаз было упущено.

Мать и дочь не вошли, а влетели в комнату. Галочка была беспечно-радостной, Людмила... На фотографиях у Виктора она выглядела девчонкой, правда, серьезной, сосредоточенной, а теперь... Дружинин ни за что не узнал бы ее; теперь это была молодая, но резкая в движениях, раздраженная женщина. Павел Иванович встал и представился: заместитель директора. Она ответила сухо, нехотя, с непонятным пока подозрением. А когда неумная Галочка приблизилась к нему, желая показать «мы знакомы», на помрачневшем лице матери скользнуло что-то явно враждебное. Даже Галочка поняла это.

— Мама, — заступилась она за гостя, виновато стоявшего с фуражкой в руке. — Мама, ведь дядя тоже ездил на самоходке и тоже говорит, что наш папа...

— Скоро, деточка, скоро, — прервала ее мать, тронув за плечико и скупно, через силу улыбнувшись. Прошла в полутемный угол и повесила на крюк поношенное пальто.

— Что там об электричестве слышно? — помедлив, спросила Мария Николаевна.

— Ремонт линии. Третий, если не четвертый, день ремонтируют линию — это ли не безобразия! Оставить весь район без света, без радио — ну как можно? — Людмила все больше возмущалась, теребя рукава синего, с блестками по гладкой материи платья. — Что теперь, не мирное время, война?

Павел Иванович не собирался осуждать ее. Ему даже понравилось, что вот эта невысокая стройная женщина с тонкими чертами лица и смелым, даже дерзковатым взглядом серых напряженных глаз возмущается и негодует. Значит, Баскаковы не убиты, как ему думалось, горем, живут, борются; они даже в гибель Виктора не хотят верить. И ничего удивительного! Разве он сам перестал разыскивать свою семью, хотя и получил известие — расстреляна? Их Виктор погиб... Но так их, не верящих, и Людмилу, и Марию Николаевну, и Галочку, и облить ушатом холодной воды?

Надо было что-то придумать, скрыть истинную цель посещения. Павел Иванович оглядел комнату и вдруг увидел бурые пятна и трещины на потолке.

— У вас протекает крыша и портит квартиру. — Прихрамывая, он прошел по комнате. — Да, да, нужен срочный ремонт.

— Совершенно правильно, — подтвердила уже с минуту стоявшая настороже Людмила.

— Дирекция, завком и парторганизация решили помочь семьям... — Павел Иванович замаялся, чуть не сказав «семьям погибших воинов», как это действи-

тельно говорилось накануне в кабинете Абросимова, — семьям фронтовиков, — договорил он. — Тут и подвоз угля, дров, и снабжение картофелем, и ремонт жилищ к зиме. Что нужно вам? Какой ремонт, кроме крыши и потолка, необходим в вашем доме?

— Ничего. Никакой! — категорически отказалась Людмила.

Это удивило даже Марию Николаевну, следившую исподтишка за невесткой и за странным посетителем, от которого она ждала совсем других разговоров.

— Как это никакой, Люся? — возразила она. — Ведь и кухонная печка дымит, и двери во всем доме ходуном ходят. Денег у нас с тобой лишних нет, а квартиру, дом мы должны привести в порядок нынче же.

— Сами сделаем.

— Ничего нам не сделать двоим, уж коллектив возьмется, тогда будет толк.

— Да что у нас делать-то целому коллективу?

— А это, это, — избобличающе говорил Дружинин, показывая на испятнанный потолок, на фанерку, забитую в форточку, на косо висевшую дверь. Поддержанный Марией Николаевной, он почувствовал себя увереннее, смелей. — Нужен срочный ремонт. Придут рабочие, распорядитесь ими без всяких стеснений. — Павел Иванович и сам еще толком не знал, где он возьмет материалы и этих рабочих, но уверен был — сделает, он же заместитель директора, да и решение есть! — С вашего позволения, должен оглядеть дом снаружи.

Он вышел вместе с юлившей около него Галочкой.

— Может быть, и кухонную печь согласятся переложить, — сказала Мария Николаевна, когда стихли звуки шагов, — заодно уж...

— Не говори, мама! — вспылила Людмила, порываясь то к окну, то к двери. С тех пор, как пришло известие о гибели мужа (а она не поверила), ей больно досаждали разговоры о помощи. — Да и человек этот какой-то загадочный, он пришел за другим.

— Уж не обворовать ли нас с тобой собирается?

— Но и не осчастливить... Право, я не думала, что меня будут опекать даже приезжие, незнакомые люди.

— Голу-убушка, — ласково протянула Мария Николаевна, — да кто тебе зло делает, опекая? Люди стараются поддержать в беде, только и всего.

— В какой беде?.. — Людмила сразу осеклась. — В общем, подозрительный гость.

И на этот раз старушка выдержала ласковый с шутливостью тон:

— Затвердит свое! — Она хорошо рассмотрела гостя: пожилой, в обхождении вежливый, немного стеснителен, лицо загорелое, будто отлито из меди, а в глазах, карих, открытых, грусть и страдание. — Ничего в нем подозрительного не вижу.

— Мама, он пришел за другим!

Мария Николаевна и сама знала, что за другим. Но если за другим, то обязательно истошные выкрики? Ох, нервы! Они у невестки, как оголенные провода, к ним нельзя прикоснуться... Зачем именно пожаловал человек, старушка надеялась выведать. Пойдет провожать за калитку и осторожноенько спросит, где и с кем он служил; если знает Виктора, отпираться не станет.

— Я с ним поговорю! — вдруг угрожающе заявила Людмила. Быстро обтерла платком сухие губы, глаза.

— Люся, без грубостей, — предупредила свекровь. Она опасалась за невестку: поскандалит опять, как с Абросимовым. — Видишь, человек во всем военном, только без погон, без звездочек...

Людмила посмотрела на нее удивленно.

— ...даже фуражка с черным околышем, артиллерийская... — Мария Николаевна умолкла, потому что Галочка, а за нею и Дружинин возвращались в дом.

— Все ясно, товарищи! — сказал он с подчеркнутой бодростью. Коренастый и плотный, приглаживая русые с сединой на висках волосы, осторожно ступил на ковер. — Нужен большой и срочный ремонт; это и в ваших интересах, и в интересах...

— А вы сядьте, — прервала его Людмила, уже сидевшая за столом. Медленно отодвинула в сторону графин с водой, машинальным движением руки поправила скатерть.

Взгляды ее и Павла Ивановича встретились. И по тому, как не мигая смотрели широко раскрытые глаза женщины, Дружинин сообразил, что его разгадали, надо во всем признаваться...

ВИКТОР БАЛЫКОВ

«Сквозь заросли ошибок и сомнений...»

Мы верили

Нас было пятеро тогда,
В том, настороженном июне.
Мы, что уже идёт беда,
Ещё не знали накануне,

Что враг готовится к броскам
По всей границе, мы не знали,
Отчизна доверяла нам,
А мы отчизне доверяли.

И в наши юные года
Мы свято верили, что правы.
Нас было пятеро тогда,
Всё, что осталось от заставы.

И это был лишь первый бой.
Мы верили: идёт подмога,
Она за нашею спиной.
Таких как мы, за нами много.

Мы верили в свою страну,
Что доберёмся до Берлина.
Мы верили в свою весну...
Когда в окоп попала мина.

Врага другие разгромят,
А нас весной в окопе взвода
Найдёт студенческий отряд
Ребят двухтысячного года.

БАЛЫКОВ Виктор Геннадьевич родился 26 мая 1956 г. в посёлке Ильинск Тамиринского района Сахалинской области в семье военнослужащего. Окончил Новосибирский электротехнический институт. Капитан в отставке. Член редакции альманаха «Ангарские ворота» (Ангарск). Автор книг «Надежда: Стихи» — Ангарск, 2015, «Неизбежность: Стихи» — Ангарск, 2016. Публикации в поэтических антологиях: «Ангарск поэтический» (2006), «Ангарск литературный» (2018). Публикации в коллективных сборниках, изданных в Ангарске, журнале «Сибирь», «Зелёная лампа», «Белая радуга», «Ангарские ворота». Член Союза писателей России. Живёт в Ангарске.

* * *

Мы не хотели умирать, ни я, ни Колька,
Но нам не дали выбирать — кому и сколько.
Вложили в руки автомат, вписали номер...
Потом ранение, «санбат»... и Колька помер.

А мне наверно повезло, я оклемался
И всем пророчествам назло в живых остался.
Вернулся в строй, врага кромсал аж до Берлина,
И на Рейхстаге написал: «За сына!»

* * *

Автобус спал, когда на повороте	И стали души у людей светлы,
Его совсем немного занесло,	Пока тела их в ужасе кричали,
И где-то там... паромщик взял весло,	Когда автобус скорби и печали
Готовя лодку к траурной работе.	Неумолимо падал со скалы.

Борись

Не дождалась большой любви	И разум шепчет: «Всё пройдёт»...
И принца на коне.	А сердце бредит: «Жди.
Не полыхнул огонь в крови	Он где-то рядом, где-то тут,
И молния извне.	Ты только присмотришь.
Так и живёт — из года в год.	Надежда, это тяжкий труд —
Погас огонь в груди,	Но ты борись! Борись!».

В храме

Печально пламя у свечи, когда иконы
Внимают молча голосам, в которых стоны,
В которых боль и страх сплелись в клубок молитвы,
И в ней погостов тишина и звуки битвы.
И бьётся тихое «спаси» в огне лампы,
Мелькают кольца, перстни, крестики, награды,
И «сохрани», срываясь с губ, стучится в стены,
И сопричастность к божеству вздувает вены.
А где-то в глубине души таится вера,
Которая сейчас всему судья и мера,
И утешенье, и бальзам душевным шрамам...
И колокольный перезвон плывёт над храмом.

Дно

Стакан, закуска на столе, бутылка водки,
Сосед храпит — такие вот перегородки,
Квартира съёмная, тоска — совсем заела,
С работы выгнали... опять... Не в этом дело:
«Поговори со мной сосед, устал я что-то,
За жизнь, которая на нас ведёт охоту
И целит в самое «оно», и бьёт как в тире.
Теперь один как перст, на «дне» в чужой квартире.
А был женат, была семья, была работа,
Я лучшим был... Меня везде ценили... Что ты.
Вот брошу пить... детей своих всем обеспечу!
И брошу!.. Если захочу!.. Давай... за встречу».

Почему

Я сам себя не в силах оценить:
Я не могу ни взвесить, ни измерить,
Не понимаю, как в себя поверить
И отыскать к заветной цели нить.

Мой путь проложен хитрым мудрецом
Сквозь заросли ошибок и сомнений,
В слепящем свете призрачных стремлений
С пугающе неведомым концом,

Когда от страха хочется кричать
И в детство беззаботное вернуться,
В беспечность с головою завернуться,
Всё зачеркнуть и заново начать...

И я всё чаще ною: «Почему
Кому-то много, а кому-то мало?
Быть может, злая сила мне послала
Злой рок, прилипший к телу моему?»

Но что-то мне подсказывает: «Нет.
Ищи в себе причину и ответ».

Главный бой

Переступив порог беспечности,
Я погрузился в круг забот,
Где от мгновения до вечности
Сражение за жизнь идёт.

И в стычках местного значения,
И в битвах прожитого дня,
Всё чем живу, без исключения,
В борьбе ковалось для меня,

В боях с судьбой, с тенями прошлого,
Где каждый, как последний бой
Со всем плохим за всё хорошее...
И главный был — с самим собой.

Воздушный бой

Бой идёт за облаками —
Разворот, прицел, гашетка,
Керосина запах едкий.
Небо вспорото дымками.

— Вася, «Мессер» за тобою!
Жмись к земле, а я прикрою!
— Он вцепился! Не смогу я!
— Понял! Понял! Атакую!
— Я горю! Прощай, Серёга!
— Вверх! Тяни! Ещё немного!
— Высоты не хватит. Скверно.
Да и «Гансы» ждут наверно.
— С ними после разберёмся!
Мы с тобой ещё напьёмся!
— Поздно, старый забулдыга...
— Вася, прыгай! Прыгай! Прыга-а-а!..

Чёрный шлейф от самолёта,
Взрыв, горящие обломки...
Бой! И жизнь у самой кромки.
Бой! И вечность для кого-то.

Выбери меня

Пёстрая одежда	Что уже другая,
В ярком свете дня,	Та, что всех милей
А в глазах надежда —	
Выбери меня.	Взглядом грудь прошила
	И, поправив прядь,
Что сказать, не знаю.	Навсегда лишила
Как ответить ей,	Права выбирать.

* * *

Вы что хотите мне сказать,
Что я как все, и всё иначе?
Что не над тем смеюсь и плачу,
И всё пытаюсь оправдать?

Понять ошибки, слабость, зло,
Переосмыслить страх и веру,

Что я пытаюсь выбрать меру
Всему, что было и прошло?..

Да, я как вы: с таким же лбом,
С таким же, склонным к боли, телом...
А хочется не в чёрно-белом,
А в золоте на голубом.

Работяга

Я не студент и не солдат,
Не музыкант и не бродяга,
Без должностей и без наград —
Я работяга, работяга.

Кому-то в жизни повезло,
Все блага мира для кого-то,

А я беру своё кайло
И на работу, на работу.

А мне бы к морю на песок,
Туда, где я ни разу не был —
Прибой, шезлонг, сигара, сок...
Но я атлант, что держит небо.

Учти

Учти, когда тебя обида жалит,
И в горле ком предательский застыл,
И волнами по венам месть сигналил,
Что сдерживаться не хватает сил,
Что вспыхнет мозг, и вырвавшись оттуда,
Огонь и ярость злобу раскуют!.. —
Мечь, это восхитительное блюдо,
Когда его холодным подают.

Исповедь в бреду

Где-то простудился.
Ночь. И я в бреду.
С будущим простился,
В прошлое иду.

Пламя губы сушит.
Некого винить.
Разрывая душу,
Кто-то просит: «Пить».

К домику дорога,
Свет в окне горит,

Мама у порога
Что-то говорит.

Словно на картинке —
По щеке слеза,
Белые снежинки,
Красные глаза.

Боль в груди забилась.
Не осталось сил...
Как же так случилось?
Не похоронил.

Всё дела, заботы.
Всё бегом, бегом.
Важная работа
В городе другом.

Как песком колючим
Залепило рот...
Колька! Друг мой лучший!
Он меня поймёт.

Это не к соседу
В гости, на часок.
Я к тебе приеду.
Только дай мне срок.

Ночь в глазах усталых —
«Был бы очень рад.
Но меня не стало
Год тому назад.

Дали телеграмму...
Прошлые дела.
Ты ведь знаешь маму...
А она ждала».

Оправданий рвота —
Памяти оскал,
Но руками кто-то
Губы пеленал.

И металась звуки,
Превращаясь в вой.
И сжимались руки,
А за плененой

Гнев, под чьё-то — «Тише».
Бился и кричал:
«Ничего, ты слышишь,
Я не получал!»

Всё винил кого-то,
И волос мазки,
Липкие от пота,
Бились о виски.

Покидали силы.
На спине лежал
И в ознобе стылом
Плакал и дрожал.

И икал словами —
«Почему не смог?».
И сверлил глазами
Белый потолок.

Я не мог иначе.
Жизнь моя не мёд —
Всё переиначит,
Всё перевернёт.

Через эти горы
Важных, срочных дел
И забот заборы,
Как бы ни хотел,

Я бы не пробился...
Только, на беду,
Где-то простудился.
Ночь. И я в бреду.

Очерк и публицистика

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

11 октября

«Конечно, по ней не скажешь, что она ждет рыцаря. Да она и не ждала пассивно — искала. Искала, но все-таки рыцаря, а не хрена с горы».

Начало рассказа Романа Сенчина «Гоу датч» отбрасывает нас напрямиком в затёртую в веках эпоху классического средневековья. Давно что-то современные читатели, и даже читательницы, про рыцарей не вспоминали, пожалуй, с шестого класса, наверно. Не мешало бы освежить, в чем различие «всё-таки рыцаря» от того другого.

Впрочем, до современной формы слова реальные исторические рыцари за несколько столетий претерпели громадную эволюцию, и сравнивать их, как теплое с мягким, нецелесообразно.

Если уж европейские монархи мылись только при рождении и в день свадьбы, то что говорить про военных людей, которые большую часть жизни проводили в походах, находясь в доспехах круглые сутки. Ни в барбершоп, ни к стоматологу не вырвешься, разве иногда в «славный дом», но об этом позже.

Итак, рыцарь: почти беззубый, с лицом, изрытым оспой, как шрапнелью, выросший и бородатый, плюсом блохастый и вшивый, со средним ростом 160 см, смог всё же заинтересовать современную молодую женщину. Чем? Явно не красотой. Готовностью помогать по домашнему хозяйству? Это вряд ли. Остаётся что — знатностью и благородством.

Култ прекрасной дамы, восходящий к поклонению Богородице, позже стал чем-то вроде модной мужской игры, имевшей свои правила. Основной закон рыцаря, составленный, между прочим, поэтом Овидием, — Кодекс чести предписывал ему выбрать Даму сердца и служить ей. Как правило, знатной, замужней, желательно за рыцарем выше рангом, а ещё лучше быть женой сеньора. Изредка некоторые рыцари-беспредельщики могли отбить у сюзерена особо понравившуюся даму, но переход её из объекта поклонения в субъект вожеления был не сильно выгоден, так, шило на мыло. Поэтому традиционно рыцари тешили плоть в «славных домах» с блудницами.

«Небесной» и недоступной Даме рыцарь посвящал свои подвиги и победы на турнирах и битвах. А она, в свою очередь, могла на него бросить ласковый взгляд, а то и платок, за особо опасные раздраконенные мельницы.

Однако, сам он тоже мог быть женат. И отнюдь не на своём идеале красоты и непорочности. К жене и остальным особям женского пола рыцари относились как к несовершенным и ничтожным созданиям, земным воплощениям дьявола: «Женщина есть смущение мужчины, ненасытное животное, постоянное беспокойство, непрерывная борьба, повседневный ущерб, буря в доме, препятствие к исполнению обязанностей. Нужно избегать женщину, во-первых, потому, что она

запутывает мужчину, во-вторых, потому, что она оскверняет его, в-третьих, потому, что она лишает его имущества».

Всё. Это минимум, который нам нужно было вспомнить, и продолжить чтение.

Так насколько права средневековая мораль, и как же выглядит современная главная героиня, находящаяся в обидном статусе «сено к лошади не ходит»?

«Пока еще стройная, хотя и крупноватая, совсем уже не девочка в свои почти тридцать два, впрочем, и не тетка».

«Поиски (рыцаря) не проходили бесследно — родилось двое детей, в паспорте стояло шесть штампов: три о заключении брака и три о расторжении, причем два последних не поместились на положенных страницах, где «Семейное положение», и их поставили на странице, предназначенной для записей о детях...»

Ну что же вы на меня смотрите, товарищ рыцарь, как солдат на вошь? Обалдели от счастья? Да и как не быть сумрачным и бледным бедному рыцарю! Почти тридцать два, это не почти тринадцать, а кому приятно обнаружить на брачном ложе вместо Джульетты её мать?

Но поскольку нынешние люди живут дольше, сделаем поправку на повышение пенсионного возраста, которое автор рассказа провидчески предсказал ещё в 2015 году.

Сюжет простой, как анекдот. Встретились поужинать два разнополых москвича. Предположительно 11 октября.

«Деловая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке», держащая в голове и примеряющая на всех мужчин образ рыцаря, и «высокий, мускулистый, с мужественным лицом и манерами аристократа Илья». Он хоть несколько лет и прожил за границей, и высокую должность в крупной компании занимает, но ни сном, ни нюхом про это её намерение и сам процесс не подозревает.

А дальше, как в пословице «пили, ели, веселились, посчитали, прослезились».

Сакраментальная кульминация: Минуточку! За чей счёт этот банкет? Кто оплачивать будет?

Оба обеспечены даже по московским меркам. Простодушный читатель из провинции, удалённой от «относительного центра столицы» на тысячи и тысячи километров, присвистнет и затылок почешет: что не так-то? Кто заказывал, тот и платит. Любого официанта спросите.

Или всё же наоборот? Кто девушку ужинает, тот её и танцует?

«В первом же переулке Ипполит Матвеевич навалился на Лизу плечом и стал хватать её руками. Лиза молча отдиралась.

— Слушайте! — говорила она. — Слушайте! Слушайте!

— Поедем в номера! — убеждал Воробьянинов».

После сосисок и огурцов горячий предводитель дворянства возжелал утех любви, и ему, на минуточку, 52 года, и он революцию пережил. А тридцатисемилетний понторез Илья, начав раскрутку с ростбифа с кровью и зрелых сыров, стал заболачивать Анне мозги «специфичностью русского бизнеса» и мутить душу достоевщиной...

Вечер, так и не став томным, заканчивается обменом взглядами и обоюдным пониманием, «что партнер не против продолжить общение дальше, не здесь...»

Хай гайс! Хеппи-энд.

Но всё испортил проклятый денежный вопрос.

Анне вдруг, так по-женски, захотелось *«чтоб и любил, и заботился, и был, как скала»*.

Но ведь надо было слушать внимательно! Общие знакомые, да и сам господин автор предупреждали — *«истинный англосакс»*. Ей тогда почему-то казалось, что они *«отзывались о нем очень хорошо»*. Хотя ещё Марк Твен называл англосаксов позором человечества, а действующие российские официальные лица предпочитают использовать слово «англосаксы» для обозначения главных врагов «русского мира».

Да и не о любви вся эта история. Больше о дегустации, но не редких напитков, хотя об этом тоже есть. В ресторане, пригубив немного матово-бордовой жидкости, Анна, как опытный сомелье, сразу определила: *«Вино было терпкое, но сразу чувствовалось, что эта терпкость порождена природой и умелым хранением, а не добавками-стимуляторами»*.

А это значит, что пригласил её Илья не в какой-то зашкварный кабак, а в правильный ресторан. Под сумочку подходит. И вино тут правильное: диоксид серы, ешки всякие разрешённые были, а всей этой амфетаминово-оксибутиратовой мерзости нет, хотя в это время вечера и для такого случая...

Но всё же главное «блюдо» по жизни героини другое: *«Перепробованные мужчины в памяти Анны представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу. Там в единый ком слиплись два сорта представителей противоположного пола: слизни и животные»*.

Тут прямо хоть пиши Томасу Харрису и спрашивай: были ли у Ганнибала Лектора дети женского пола? Наверняка же передаётся генетически эта гастрономическая «особенность».

В начале 90-х, некоторые издательства ставили перед авторами план: по три трупца на страницу. И бывшие филологи, журналисты, а то и вовсе беспартийные, резали, жгли, вешали, что твоя святая инквизиция, кровища с книжных прилавков рекой текла. Но времена меняются, нравы смягчаются, «рука бойцов колоть устала, и ядрам пролетать мешала гора кровавых тел», подросли новые читатели.

Думается, что смысл, цель и великую миссию этого небольшого рассказа сформулировал Станислав Ежи Лец: *«Просвещайте своих детей сексуально, чтобы их потом не изгнали из рая»*. Но вызывает искреннее недоумение, почему Роман Сенчин не пишет о том, что ему знакомо, прочувствовано и близко по природе. Женская логика, душа и сексуальность непостижимы в принципе, особенно, когда за это берётся мужчина невнимательный, нечуткий и руководствующийся абстрактными умозаключениями.

«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится — типа, «отлизывать запахло, если что — на тюрьме зачмырят». Но долго рядом с собой слизней Анна не выносила; после секса или выпроваживала из квартиры, или, если была у них, уезжала сама...»

И на том спасибо, что не съедала. Предпочтения понятны — приятно, но не долго.

А вот здесь уже начинаются сексуальные девиации.

«Животные были предпочтительней. Точнее, секс с ними нередко доставлял ей настоящее удовольствие. Когда мощный парень брал ее стальными руками и делал с ней то, что считал нужным. Правда, нужно было торопиться достичь

удовольствия — эти не ждали ее, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лежа на спине, громко дышали и фыркали».

Понимание сцены из-за скупой недосказанности текста на совести читателя. Но поневоле закрадывается ужасное подозрение, уж не в буквальном ли значении закладывает автор в уста героини слово животные? Фыркают кони, во время приятных событий в их жизни, олени в случае опасности, лоси от страха, ежи вообще не только фыркают, но ещё и чихают, хрюкают, ворчат, храпят и клацают зубами.

Может «крупноватая» героиня в порыве страсти навалилась на бедное животное всем своим центнером красоты, а потом, удовлетворившись, откинула, и оно лежит на спине и громко дышит, как в последний раз?

Только готовность защищать свою хрупкую жизнь до последнего может вызвать такую реакцию: *«И только попробуй в эти минуты прильнуть, намекнуть, что ты еще не закончила, — он посмотрит на тебя презрительно-недоуменно и произнесет убивающее: «Чо?»». После этого оставалось или истерику устроить (но рискуешь при этом схлопотать по лицу), или смириться и ждать, когда он снова захочет тебя, быть к этому готовой, разогретой, чтобы успеть добрать-ся до пика раньше него или вместе с ним...»*

Строчка из стишка-пирожка вспомнилась: Оксана терпеливо ждёт...

Это ж как широко сеть закидывать в поисках рыцаря нужно и на какие жертвы идти ради своих иллюзий? Может стоило бы автору хоть немного придать человеческий облик этой невдалой героине, чтоб её хотя бы по лицу не били?

А то ведь, если сказать по совести, есть за что. Представителей противоположного пола она делит на «сорта», «слизней и животных», своего — на «особей», «страшеньких Сонечек» и «истеричек Настасий». Налицо психологическая, гендерная и сексуальная стигматизация во всей красе. И чем ниже уровень развития и образованности героини, тем сильнее склонность к навешиванию ярлыков.

О крахе светлых надежд Анны на простое женское счастье стало понятно гораздо раньше и кульминации, и развязки. Всё пошло наперекосяк с того момента как *«Илья поднялся ей навстречу. Вышел из-за стола. Руку не поцеловал, но так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение. Такие прикосновения ее особенно волновали...»*

Хочется крикнуть: «Остановись, Илья! Ты ступаешь на скользкую дорожку, по которой ползают слизни! Возьми её стальными руками, зря, что ли ты пиджак снимал и истязал себя в фитнес-залах и на домашних тренажёрах?»

Автора подводит не только логика, но и пунктиром намечающийся склероз. Несколькими абзацами выше чётко же было описано, какой секс доставляет ей настоящее удовольствие, и к чему тогда эта ваниль?

Почему было высказано предположение о возможной дате встречи? Да потому что 11 октября во всем мире отмечался День каминг-аута.

В финале подробно рисуется образ перепуганного, униженного и раздавленного Илья, хотя с чего бы из-за малознакомой женщины так потерять лицо и напроць не владеть своими эмоциями, но этого захотел автор. Почему же Илья так мельтешит?

«Я считал, у нас гоу датч...»

Нет, дорогой соискатель, у вас «coming out of the closet».

Во-первых, потому что слизень. Во-вторых, не мужчина. В-третьих, не рыцарь....

Несколько выбиваются из списка правильных аксессуаров деловой женщины

три предыдущих мужа и дача в Малаховке. Мужья из раза в раз попадались неправильные. То ли они мешали ей искать рыцаря, то ли после свадьбы были разжалованы из рыцарей, непонятно. И кто должен понимать эти намёки, почему штампы о расторжении браков злокозненные работники загса ставили на странице, где должны быть дети?

Дачный посёлок Малаховка по содержанию и общему настроению напоминает писательское Переделкино. Видимо у автора рассказа проскользнула ностальгическая московская нотка, отсюда же и пошла сцена, где героиня пережёвывают кровавый ростбиф и рассуждают о Достоевском, «половой истекая истомою», — добавил бы «московский хулиган» Сергей Есенин. Был он однажды в Малаховке, приезжал погостить к другу на улицу Тургенева. Однако, принимая во внимание стоимость земельных участков с немудрёными строениями в посёлке Малаховка — от 15 до 200 миллионов рублей, пусть будет у героини до кучи и правильная дача.

В наше время с учётом новых реалий «с таким счастьем и на свободе» уже не говорят, а завистливо-злобно шипят вслед «насосала», что особенно оскорбительно для деловой женщины. Но почему героиня рассказа постоянно не находит читательского понимания и сочувствия, не говоря уже о восхищении?

Почему герой, о котором сообщается информация, подразумевающая обязательное наличие определённых качеств, как минимум, ума, ведёт себя, как даун?

Ведь, казалось бы, так просто заранее спросить у женщины, которую пригласил в ресторан: «Вы не будете против, если я оплачу наш ужин?», тем самым выразить уважение к ней, как к личности и партнёру.

И дело не в том, что он плавает в русской классической литературе:

«— Извини, что? — Илья совсем по-американски приподнял одну бровь, склонил голову набок, выказывая готовность понять слова Анны.

— А! — широко и облегченно улыбнулся Илья. — Да-да, князь Мышкин... Ты любишь Достоевского?

— Ну, второе маловероятно, — пожал плечами Илья. — Как можно специально стать... гм... Свидригайловым. Это, если мне не изменяет память, мерзавец бесспорный.

— Да-да, — не совсем уверенно кивнул Илья.

— Кажется, да. Но может быть, это в природе?»

Это не та краткость, которая сестра, а та, что хуже воровства и уютилась в языковом диапазоне между глухонемым дворником Герасимом и Эллочкой-людошкой. Эти бессмысленные междометия Роман Сенчин пафосно называет анализом героев «Идиота». Общий анализ крови расскажет больше, чем эта якобы литературно-художественная характеристика. Или это последние веяния преподавательской деятельности профессоров литинститута им. М. Горького? Боже, пропал дом.

Все неудачи героев начались ровно с того момента, как в голове у автора дзынькнула идея создать их из ничего, пренебрегая фундаментальным законом природы — законом сохранения энергии.

Давно ведь сказано: восстань, и виждь, и внемли. Многообразие жизни в постоянном движении, изменение света и красок, непрерывное борение в душе человека — вот что должно становиться идеей и материалом писателя.

А этот текст — каркас, подстрочник, задел на старость, когда можно сесть и основательно нарастить на него реальные нервы и мышцы, если другой, более значимой темы не найдётся.

Гоу хоум, Илья!

Рассказ Романа Сенчина «Гоу датч» — это анекдот из разряда «Ах хрен нам пионеров в церковный хор?! Тогда хрен вам монашек в финские бани!»

Два молодых деловых человека противоположного пола назначают свидание в ресторане. А потом, то ли от двух бокалов сухого вина у них разум помутился, то ли они были прирождёнными идиотами, но вечер не сложился: «Ах ты мне предлагаешь гоу датч-ч?! Ну тогда хорошо провести ноч-чь!» Всё это смахивает на недоразумение, возникшее при оплате счёта между эскортницей и пригласившим её в ресторан базарным жлобом. Но автор настаивает, что это были именно деловые люди столицы. К этой теме я ещё вернусь.

Роман Сенчин сразу ошарашивает любителей Тургенева и Куприна, Драйзера и Мопассана таким пассажем: *«Со слизнями было приятно время от времени посидеть в кофейне, поболтать, посплетничать. Можно иногда и сексом позаниматься, чтоб такой представитель поласкал там, где животное никогда не согласится — типа, «отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят»».*

Я вспомнил, как нас после присяги построил в казарме старшина роты с «парализатором» в руке и грозно сказал: «Будут залёты, я вам целки поотрываю!» Потом он свободную руку сжал в кулак и резко дёрнул вниз, словно верёвку допотопного сливного бачка, наглядно давая понять, как будет происходить болезненная процедура. Прапорщик не стал выражаться, как привычные нам училка или воспитательша, типа — будете плохо себя вести, я вас накажу. Он выбрал такие слова, чтобы сразу впечатлить салаг и завоевать у них беспрекословный авторитет.

Примерно такой авторитет в глазах читателя нарабатывает и Роман Сенчин. Но тут же попадает впросак — *«отлизывать западло, если что — на тюрьме зачмырят»*. Я попробовал смоделировать, как это будет происходить. Представим, что через какое-то время после секса с деловой женщиной «животное» оказывается «на тюрьме». Заходит в камеру: «Вечер в хату», а ему в ответ: «Слышь, чушок, нам твоя лярва шепнула, что ты на воле отлизывал у неё, так что дырявим кружку и под шконку».

И снова вернёмся к «деловой» стороне человеческой жизни, которая будто неведома автору. Деловые люди, будь то мужчины или женщины — это диагноз. Они не ищут принцев или принцесс, потому что целиком и полностью погружены в свой процесс. Когда-то они сами крутили колёсико бизнеса, а потом оказались в этом колесе, как в кабале. Зачем героине, деловой женщине, рыцарь? *«Чтоб и любил, и заботился, и был, как скала...»* — поясняет автор.

Но зачем ей такой заботливый, как скала, если она уже давно о себе позаботилась? *«Деловая молодая женщина по имени Анна, в правильной одежде, с правильной сумочкой, на правильном автомобиле, при правильной работе. Квартира своя в относительном центре столицы, дача в Малаховке. Всё упаковано».*

Чтобы любил? Помнится, одна наша бывшая знакомая, трескавшая перед сном макароны по-флотски в надежде поправиться, с суровым лицом сказала: «Секс и юмор понятия несовместимые». Так вот, секс и деловые люди, конечно, понятия совместимые, а деловые люди и любовь — нет. Наверное, Роману Сенчину не

приходилось долго контактировать с такими людьми. Приведу хорошо знакомый лично мне пример. И он далеко не единичный, а типичный для «деловых людей». Муж и жена, предприниматели-рекламщики, есть квартира-трёшка из прошлой жизни, загородный дом миллионов за пятнадцать, машина за пять миллионов. Речь идёт о провинциальных мелких коммерсантах. Каждый день, включая 1 января и 8 марта, они на работе с девяти утра до девяти вечера. Домой приезжают только поспать. У них двое детей, тоже из прошлой жизни. Мальчик и девочка, получающие второе высшее. После учёбы они приезжают к родителям в офис, обедают, заваривая «борщик» в бомж-пакетах, от запаха которого мухи на лету замертво падают. Папа и мама с глазами кроликов за монитором, занимаются своим любимым бизнесом.

У людей, выросших в СССР, сложился ошибочный стереотип, что проклятые капиталисты только и делают, что путешествуют да развлекаются, ни в чём себе не отказывая, в то время как их проклятьем заклеянные сотрудники работают на износ. В действительности, особенно в наше время, деловые люди тратят на работу гораздо больше времени, чем люди, готовые довольствоваться малым и считающие сверхурочную работу в принципе неприемлемой для себя, поскольку у них есть чёткое понимание, что сверхурочную жизнь им никто не предоставит.

Деловые люди много работают, потому что если ты не будешь вникать во все нюансы своего дела, топустишь его по ветру. Всем памятна история знаменитых русских купцов, когда сын проматывал состояние отца, потому что не хотел заниматься делом, и перепоручал всё чужим людям.

Что касается персонажей Романа Сенчина Ильи и Анны, то они, конечно, не собственники бизнеса, а наёмные менеджеры, но и к ним применимы те же самые требования. Для того, чтобы тебя заметили и стали продвигать по карьерной лестнице, ты должен из кожи вон лезть и постоянно доказывать, что нужен фирме и готов в любое время суток заниматься её проблемами. Словом, тут никакой личной жизни, если сделал выбор стать деловым человеком. А если будешь пытаться совмещать одно с другим, то получится чертовщина, потому что, если водка мешает работе — надо бросить работу.

И в этом отношении биографии героев Романа Сенчина как будто соответствуют типу делового человека. При очень скупой и неоднозначной обрисовке персонажей, когда Анну можно принять за эскортницу, а Илью за блатного балбеса, всё же будем следовать генеральной линии автора, и тут, в принципе, понятно, как у них сложилось в жизни. Анна делала карьеру, попутно рожая детей и разводясь с мужьями. Она всего добилась сама, у неё «всё упаковано», а своё ненасытное либидо она удовлетворяла через мужчин, найденных ею на сайтах знакомств, где в большом количестве пасутся разного рода моральные уроды, маниакальные психи да извращенцы с ангельскими анкетами. Их она поделила на «слизней» и «животных».

Сколько раз был женат Илья, и был ли женат вообще, мы не знаем, но в момент встречи двух одиночеств можем предположить, что он, по крайней мере, был не обременён штампом в паспорте, потому что, как подчеркнул сам автор, Анна искала свободного рыцаря. Судя по всему, Илья, так же как и Анна, делал карьеру, его заметили и отправили на стажировку в Англию, потому что фирме нужен был человек, курирующий вопросы сотрудничества с западными партнёрами, а для этого важно знать их ментальность. Спустя несколько лет Илья возвращается на родину и занимает крупную должность в своей компании.

А теперь снова к авторским ляпам. Чего хочет героиня? Чтобы мужчина был рыцарь, но не хрен с горы, чтобы не лошок, но и не фуфлыжник. Но это всё лирика. Не в этом сокрыт двигатель её. *«Где нормальные мужики?!»* — восклицает Анна. Героине одного из романов Пикуля хотелось «страсти неземной с марафетом и чтобы кавалеры венником опахивали». Примерно этого жаждет и героиня Романа Сенчина. С «животными» и «слизнями» ей по-своему хорошо, но для максимального комфорта нужно, чтобы было «два в одном». Иными словами, «рыцарь» или «нормальный мужик» — это что-то среднее между «животным» и «слизнем». Например, в мире животных, взять тех же собак, у сук большим благоволением пользуется «кавалер» (он же «рыцарь»), который сначала «отлизывает», а уже потом обхватывает партнёршу «стальными лапами».

И к чему здесь нагромождать: чтобы «как скала», чтобы «заботился», чтобы любил по-человечески, словом весь этот отнюдь не скотский джентльменский набор? Ведь сам автор представляет деловую женщину как сексуально озабоченную маниакальную натуру: *«не мальчик, но и до старческого утомления ещё далеко», «так нежно погладил вместо пожатия, что Анна почувствовала возбуждение», «отозвалась Анна, глядя на бугорки его мышц под тонкой голубоватой сорочкой».* А вот когда герой тупит с Достоевским, Анну несколько не разочаровывает общество *«неглупого, видимо, Ильи».*

Когда-то на заре перестройки родилась крылатая фраза: «У нас в Союзе секса нет». Схожие мысли возникают, когда читаешь вот такое у Романа Сенчина: «Правда, нужно было торопиться достичь удовольствия — эти не ждали её, не помогали, а, удовлетворившись, откидывались и, лёжа на спине, громко дышали и фыркали». Хочется спросить: вот эти «животные», они же «мощные парни со стальными руками», они действительно занимались сексом с Анной, или же они вместе с ней тащили на себе рояль из Москвы в Малаховку, отдуваясь и фыркая после тяжёлых физических нагрузок? Вот если бы это были старики, взбодрённые конским возбудителем, которых оседлала «пока ещё стройная, хотя и крупноватая» деловая женщина Анна, то они могли бы после такого стресса отдуваться, фыркать и даже хвататься за сердце и просить вызвать скорую. Но речь ведь идёт о «мощных парнях со стальными руками», к тому же ещё и «скорострелами». Им ли отдуваться и фыркать? Такое ощущение, словно это писал не взрослый человек, а школьник, насмотревшийся постановочного порно, и только фантазирующий о сексе, примеряя на себя роль полового партнёра.

Ещё одна логическая нестыковка: *«Она ждала, что он схватит её за руку, остановит, прикажет твердым спокойным голосом: «Все, проехали это недо-разумение! Успокойся, и — ко мне. Я тебя не отпущу».* И тогда бы она наверняка сдалась». И это после того, как: *«Илья догадался, что что-то не так. Растерялся», «Илья, она чувствовала, униженно посеменил за ней», «Илья рядом неловко, трясущимися руками натягивал на себя пиджак».* И после всего этого она ещё чего-то от него ждала?

Наверное, Анну, не только как деловую москвичку, но и как женщину, в памяти которой беспорядочные половые партнёры *«представляли собой красновато-серую, едко пахнущую массу»*, вряд ли шокировало бы поведение Ильи. Да и сам Илья не стал бы так унижаться перед первой встречной. Ведь деловых людей, особенно на крупных должностях, всегда отличает умение владеть собой в любой ситуации.

В жизни люди не ведут себя так, как герои Романа Сенчина. Такие «типажи»

характерны для российских сериалов, страшно далёких от реальности. Лев Толстой говорил, что всё можно выдумывать, нельзя только выдумывать человеческой психологии. Об этой заповеди великого писателя я вспомнил в большом книжном магазине, где обратил внимание на то, что редкие посетители почему-то вьются возле стеллажа с книгами по психологии. А всё потому, что очень многие авторы, подобно Роману Сенчину, именно тем и занимаются, что выдумывают человеческую психологию, и этим отталкивают от литературы взыскательного читателя, ищущего правдивых книг о жизни.

Главный срыв автора здесь в неверном понимании самой природы творчества. Андре Жид полшутя, полусерьёзно призывал бездумно тащить в свои произведения всё что где-то увидишь, услышишь или прочтёшь у других писателей. В этом есть свой резон, но главное, чего не хватает современным литераторам, кующим новую российскую прозу, так это настоящих впечатлений или, что ещё хуже, восприятия. Тех самых впечатлений, являющихся краеугольным камнем любого творчества, о которых говорили русские писатели-эмигранты, дескать, мы на чужбине не засохнем, нам есть о чём писать, мы накопили множество впечатлений на родине.

Современные авторы много времени проводят в интернете, где черпают «идеи» для своих произведений. А судя по шаблонным репликам их персонажей, ещё и сериалов пересмотрели немало, потому и получается в их писаниях сплошь и рядом такая сериальная несурезица. В этом отношении они являются слепком со своего современника, человека, «зарезанного цивилизацией». Человека с «ампутированной» душой, зачарованно смотрящего стеклянными глазами в экран смартфона-«телекрана». И тут уже не до секса и не до реальной жизни, а если «пальцы просятся к перу, перо к бумаге», то на выходе получается свидетельство собственного «восторга развоплощенья».

ЕКАТЕРИНА ПИОНТ

Верность родным берегам

В Сибирь

Сюда, как в Болдино!
Сюда, как в осень.
Сойти по трапу
И дышать, дышать...
Край этот трудно,
Невозможно бросить.
Снега здесь потому
Так долго и лежат.

ПИОНТ Екатерина Лаврентьевна родилась и окончила школу в посёлке Берёзово Тюменской области. Училась в Омском политехническом институте, оставив его, работала все годы в системе связи. Окончила Литературный институт им. Горького. Первая книга стихов «У родного порога» вышла в 2000 году, затем — «Раздумье», «Из Берёзова я», «Тогда ещё писали письма...» и стихи для детей «Мне рано в школу». Книга «Много неба» — 2013 год. Печаталась в различных сборниках, в альманахах: «Тюменской строкой», «Эринтур», «День поэзии», 2021-2022 г. В журналах «Врага Сибири», «Москва», «Подъём», «Александрь», в книге «Пора в Космос». Член Союза писателей России с 2003 года. Живёт в настоящее время в Подмосковье.

Путешествие из Сибири в Москву

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье...

А.С. Пушкин

Поездки мои из Сибири в Москву и обратно.
Терпенье хранила. Да что там терпенье — мечту.
Тобольск и Тюмень... шли когда-то туда по этапу.
А я каждый раз покупаю билет и лечу.

Там чтят декабристов. Меня в тех краях кто-то знает.
Меняются листья. А дерево выше, пышней.
Туда по весне снова тянутся лебеди стаей.
И, кажется, клин с каждым годом ровней и ровней.

Всё глубже на Север стремятся они — испить воли.
Вот так же и я возвращаюсь к несмытым снегам,
Они те же всё, до снежинки, до сладостной боли.
Им я благодарна за верность родным берегам.

* * *

Я из краёв, где мороз в 50.
Где вместо яблок лишь шишки висят
Кедров могучих средь сосен, берёз.

Я из краёв, где полно диких роз,
Диких зверей, диких ягод и рек,
Где непугливым растёт человек.

* * *

Невзрачны околотки были,
Где по колено грязь, навоз...
В обносках женщины ходили,
Но задирали кверху нос.

Дома, как кумушки-старушки
В платочках, в тех, что родились,

Вдруг выпускали завитушки
Седые, что взвивались ввысь.

Страшнее, может быть, кому-то
Картины этой не видать.

Я ж вспоминаю жизни утро
И пью глотками благодать.

Из Берёзова я

«Из Берёзова я» — мой пароль.
Если тем же ответят и мне —
Значит, будет у нас разговор
О Берёзове. И о весне.

Я спрошу, как сосна там живёт
У моста, не согнули ль ветра?

Возле наших осевших ворот
Собирается, нет, детвора?

Часто ль ходит теперь теплоход,
Как хочу я услышать гудок...

И когда пронесло нынче лёд,
Огород посадили ли в срок?

А в жару хорошо у реки,
Как дурманит черёмухи цвет!
Погорюем: ушли старики,
И без них потемнел белый свет...

Вспомним каждого — были мудры.
Все ушли, не дожив, не допев.
А дома им всё так же верны.
И стоят вместо них, почернев...

Плотник

Мой отец стал плотничать подростком.
Он полвека с топором, пилой...
Карандаш за ухом, папироска...
И четыре класса за спиной.

Жил в фуфайке, без обид и злости —
«А меня не спутает никто».
И на праздник, собираясь в гости,
Надевал суконное пальто...

И крепил он слово честным делом,
Как перила ставил на крыльцо.

Как он танцевал кадрили... Умел он
Подлецу сказать «подлец» в лицо.

А дома, что строил он на счастье,
Сколько лет с тех пор уже прошло —
Там стоят!.. Как он же — коренасты.
И стоят надёжно, хорошо.

Выходил из дома утром ранним...
Будто вижу я его теперь.
Нёс он гордо ящик деревянный,
Как иной увесистый портфель.

* * *

На живую нитку
Сшита жизнь моя.
Старую калитку
Не забуду я...

Яркий узелочек
Век не отцветёт —
Дожидалась дочек
Мама у ворот...

Нитка та живая
Въелась глубоко,
Дни все обвивая —
Выдернуть легко.

* * *

Декабрьское окно
На Севере всё в грёзах.
И все они написаны на нём:
И нежность лепестков
Холодной белой розы,
И силуэт шагнувшего в проём...

* * *

Избы северных деревень
Смотрят узенькими оконцами.
Дым пуская то струйкой, то кольцами,
Разглядеть всё пытаются день.

А он вновь замечает свой след.
Лишь встревожит своим появлением.
После встречи, блаженства мгновений —
В окнах долго стоит грустный свет...

Из окна поезда

Чем не музей вагонное окно...
Картина маслом — что ни полустанок.
А чаще чёрно-белое кино:
Дед машет вслед, прижав к груди рубанок...
Домишки, запыхавшись, отстают
От поезда всю жизнь, судьбе виднее,

Не ведают они, его приют
Недолгий. И намного холоднее.
Корову погоняя, мальчик шёл,
На солнце грелись тротуаров доски...
И я подумала, как хорошо,
Уютно было в жизни той неброской.

Иван-чай

Иван-чай, ну, а где твоя Марья?
Отчего ты гуляешь один?
По лугам, пустырям, да окраинам...
Ты скажи, чей ты муж?.. Чей ты сын?..
Как ты стал одиноким бродягой,
Что качаешь, трясешь головой,

Кто хмельной опоил тебя влагой?
Знать, ничей ты, коль каждому свой...
Но сыновней любви не истратив,
По весне снова рвёшься домой.
И Земли старой рваное платье,
Как дитя, прикрываешь собой.

Женщина

Она всегда некстати и случайно,
Её приход вам счастья не сулит.
Вся жизнь её от радости — к отчаянью,
И образ из противоречий свит.

Как речка тихая вечерним часом
Журчали речи, за собой ведя...
Она вошла. Все встрепенулись разом,
Как листья от внезапного дождя.

* * *

Ты снова вчера приснился,
Ты шёл, превратившись в дождь.
Ты изнутри серебрился.
Ты был на себя похож.

Дожди мне по сердцу, знаешь.
Но снова себя кляня,
Я встала под крышу, в затишь,
Чтоб ты не коснулся меня.

ВЛАДИМИР ХОДИЙ

Триптих об одном прозаике и двух поэтах

«Из этого города открывается
путь на весь белый свет»

«Он рассказал, что родился в Иркутске — главном городе Восточной Сибири, где отец его служил на железной дороге.

— В Сибири? — удивилась Эмма.

— В Сибири, — удовлетворительно подтвердил майор, не замечая удивления Эммы. — Если б вы знали, как в Иркутске хорошо! Какой здоровый морозный воздух и прозрачная вода в Ангаре! А как чудесно бежать на коньках по ангарскому льду к Байкалу! Я здоровяком был, когда жил в Иркутске.

— А затем вы переехали оттуда в другое место?

— Когда окончил университет.

— В Иркутске? — опять удивилась Эмма, с трудом произнося название города...»

Это отрывок из увидевшего свет в столичном издательстве «Советский писатель» 70 с лишним лет назад романа «Дочь букиниста». В нем едва ли не впервые в отечественной литературе рассказывалось о послевоенной Германии, о жизни людей, переживших крах гитлеризма и стремившихся освободиться от нацистского прошлого. Его автор и одно из действующих лиц в образе офицера Советской Армии Поликарпова — родившийся в Иркутске в начале прошлого века писатель Владимир Померанцев.

Да, Владимир Михайлович Померанцев — автор этого и немало числа других опубликованных в 1950-1980-е годы художественных и публицистических произведений — появился на свет в главном городе Сибири, как он называл Иркутск, 22 июля 1907 года, но ни в одном местном краеведческом или литературоведческом издании, а также в «Иркипедии» упоминаний о нем вы практически не встретите.

Юрист и журналист в одном лице

Воспитываясь в интеллигентной семье, он с детства хорошо учился, в том числе немецкому языку, что со временем сыграет важную роль в его судьбе. Верно подмечено, что биография детей поколений, предшествующих крутым переменам или глобальным событиям в истории, складывается совершенно иначе, чем у их отцов. Предреволюционное десятилетие, сама Октябрьская революция, Гражданская война в Восточной Сибири, затем восстановление народного хозяйства, нэп — всё это Владимир Померанцев видел своими глазами, и всё это глубоко отразилось в нём и в его творчестве. «Генеалогическое древо мое мне неизвестно, — писал он спустя годы от лица лирического героя в рассказе «Как возникает». — О прадедах своих ничего не слышал, дедушек помню, но карточки их затерялись... В доме родителей было несколько семейных альбомов, но я их не сохранил, не продолжил... Родители жили оседло, их не опахивали мировые события, а меня жизнь бросала по стране, по войне, между странами...»

В 1928 году будущий писатель, окончив факультет права Иркутского государственного университета, получил направление на работу в Ниже-Волжский краевой суд на западе страны, где несколько лет проработал старшим инструктором по проверке деятельности народных судов и анализу судебной практики. А поскольку еще в родном городе, будучи студентом, под псевдонимами (тогда это широко практиковалось) печатался на близкие ему юридические темы в газете «Власть труда», то продолжил этим заниматься и на новом месте. «В конце 1932 года, — рассказывал он в своей автобиографии. — Саратов перестал быть краевым центром. Я отказался идти на работу в городской суд, на кабинетную деятельность, тут же принял предложение редактора газеты «Саратовский рабочий» Смирнова-Ульяновского заведовать у него отделом, и с той поры стал журналистом».

Летом 1934 года на статьи и очерки Померанцева обратила внимание выездная бригада центральной газеты «Экономическая жизнь», и бывшему юристу предложили перебраться в Москву. Работая в этом и других изданиях, он часто бывал в командировках, наблюдал и описывал разные стороны жизни общества, включая её теневые стороны, что потом помогло ему как писателю и публицисту.

Диктор на линии фронта

Тем временем грянула Великая Отечественная война, и он её прошел с первых недель до последних. «Войну, — вспоминал Померанцев, — начал в пехотном полку, в боях». Как человека доселе штатского и хорошо знающего язык противника его сперва назначили помощником начальника штаба полка по разведке. В январе 1942 года он получил ранение, попал в госпиталь, а после возвращения на фронт был взят в политотдел дивизии и направлен диктором на передовую линию фронта. Сам не без гордости делился потом: «Семь месяцев провёл на рупоре, в разговорах с немцами на переднем крае».

Это действительно была схватка с врагом такими специфическими средствами. Поначалу в ней верх брал агрессор, вторгшийся в нашу страну. Вот как Владимир Михайлович описывал это в романе «Итога, собственно, нет...», опубликованном уже после его смерти, в годы перестройки и гласности: «Всё чаще над нашим передним краем показывались воздушные шарик. Их расстреливали, и они

рассыпались листовками — множеством разноцветных бумажек, напоминающих конфетти. В листовках говорилось, что война немцами выиграна, что сопротивляться им бесполезно, что к ним перешли уже многие русские части, и солдатам под Гжатском остается спастись тем же путем...»

Но уже тогда, в тяжелых условиях нашего отступления, Померанцев с сослуживцами, владея журналистскими навыками и немецким языком, пытались переубедить противника: «Внимание, внимание!.. Немецкие солдаты, перебегайте к нам в плен... Спасайте себя, иначе погибнете... Гарантируем сытость и возвращение на родину после войны... Дело Гитлера обречено... Не обманывайтесь тем, что вы временно еще стоите на русской земле... У нас бесчисленные силы... За нами пространства, до которых вам никогда не дойти... На них день и ночь выпускаются самолеты, танки, снаряды... Вы по собственному опыту знаете, что их становится всё больше и больше... Много ли осталось в вашей дивизии солдат, перешедших границу в сорок первом году... Она уже дважды была перемолота... Вас ждет участь предшественников... Решайтесь же, если не хотите быть погребенными в снежных сугробах России... Сохраните себя для ваших жен и детей...»

Наступивший вскоре перелом в битве с фашистскими полчищами лично для Владимира Михайловича совпал с назначением его инструктором-литератором вначале в политотдел 31-й армии, а затем в политуправление Западного и 3-го Белорусского фронтов. Но и в этой должности ему довелось в сущности заниматься тем же, что и раньше. То есть наносить урон неприятелю словом — эфирным и печатным. Уже в августе 1943 года его заслуги были отмечены боевым орденом Красной Звезды.

Шли победным маршем...

Окончил Померанцев войну на территории врага и смотрите, как впоследствии он в одном из своих рассказов описал её приближающийся финал.

«В сорок пятом ... долгие муки войны были уже позади. Мы быстро забыли звериную жизнь в лесах и норах, забыли свою незащищенность при расстрелах, которые учинялись нам с неба, тоскливую беспросветность белорусских чащоб, ржаных сухарей и военных сводок недавней поры. Пехота маршировала теперь по чужой территории, её обгоняли тысячи танков, над ней одна за другой проносились на запад бомбовозные стаи, мимо нее шла и шла артиллерия, и это движение, этот лязг, этот рев пьянили нас, электризовали, несли. Мы делали теперь привалы в больших деревьях, в просторных домах, спали на широченных постелях, на красных перинах. Мы ели на привалах кур, гусей и цыплят, реже снисходили до жирной свинины и пили молоко, которое сами надаивали от черно-белых коров... В погребках и чуланах нас ждали окорока и колбасы, запасы домашних консервов, мармелады и сушеные овощи. Мы отъедались за пшенично-сухарные годы. Отъедались на ходу, торопясь. Мы стремились на запад, нас жгло нетерпение, мы без сожаления расставались с перинами и щедро оставляли живность шедшим за нами частям...»

И следующий абзац.

«Движение на запад сильного, сытого, победного войска было тем веселее, что навстречу ему шла весна. Хотя небо было нахмуренным и ветер гнал облака, хотя ночи были холодными, и мы ёжились в своих полушубках, а все-таки чув-

становалось, как с нашим маршем убегает зима и оживает природа. Армия шла по великолепным местам, по заповедным лесам с грандиозными дубами и липами, по асфальтовой глади, обсаженной яблонями, по насаженным березовым рощам, по обширным лугам. Мы шли мимо чудесных озер, где на берегах под навесами сиротливо стояли миниатюрные яхты и раскрашенные моторные лодки, или богатыми деревнями с остроконечными крышами, шли по заваленным снегом полям и обеснеженным шоссевым дорогам. И всюду мы ощущали, как зима отступает вместе с противником... А лето нам предстояло уже не военное...»

Но не успели затихнуть боевые действия Великой Отечественной, как командование направило Померанцева в редакцию газеты «Теглихе Рундшау», которая начала издаваться для немецкого населения Советской военной администрации в Германии. Он был её специальным корреспондентом на Нюрнбергском процессе главных военных преступников, и тут снова пригодилась его профессия не только журналиста, но и юриста. Он день за днем слушал показания обвиняемых и в подробностях рассказывал о них читателям издания — жителям поверженного Третьего рейха.

«Об искренности в литературе»

После возвращения в 1948 году на родину Владимир Михайлович еще три года проработал корреспондентом «Теглихе Рундшау» в Москве. И за это время из-под его пера вышел первый роман — «Дочь букиниста», занявший достойное место в ряду антифашистской литературы, яркими представителями которой были немецкие писатели Анна Зегерс, Иоганнес Бехер, Эрвин Штриттматтер и другие. Поэтому не случайно в 1952 году секцией прозы Союза писателей СССР роман был выдвинут на соискание Сталинской премии.

Правда, премию ему не присудили, хотя само выдвижение на её соискание имело для начинающего литератора немаловажное значение, во всяком случае стимулировало на дальнейшие творческие поиски. Позднее он завершит работу еще над одним романом о Германии, на этот раз об истории фашизма, под названием «Доктор Эшке». Но тогда, в начале 1950-х, Померанцев совершает казалось бы алогичный поступок. Основываясь на своем пока небольшом опыте вхождения в писательский мир, анализируя произведения других авторов и оценивая в целом состояние текущей советской прозы и драматургии, он пишет большую, почти на полсотни страниц статью «Об искренности в литературе». Её, на стыке публицистики и литературной критики, печатает журнал «Новый мир», главным редактором которого был Александр Твардовский. Печатает в декабрьском номере за 1953 год. А что такое 1953 год? Это год смерти Сталина. А что в статье утверждалось? Утверждалось, что наша литература лишена искренности, изобилует «деланными романами и пьесами», лакирует действительность, занимается «измышлением сплошного благополучия», выдаёт «желаемое за уже существующее», что советские писатели — это «производители стандартов», так как их «выпрямили до прямолинейности». И на фоне этой серой литературной массы автор, например, выделил только что изданную книгу очерков и рассказов писателя Валентина Овечкина «Районные будни», в которой без прикрас была показана трудная жизнь послевоенного села.

Публикация получилась острой, принципиальной. И несмотря на то, что фор-

мально в ней речь шла о художественных произведениях, но всем было понятно, что литература стала лишь фоном того, сколько разного неблагополучия накопилось в жизни страны. Поэтому, естественно, выход в свет такой статьи произвел эффект разорвавшейся бомбы. Книжка «Нового мира» с нею сразу же исчезла с прилавков газетно-журнальных киосков, в библиотеках выстроились очереди, в редакции различных изданий пошли письма читателей, поддерживающих журнал и автора. Проблему искренности в литературе, большей гражданской и личной открытости писателей, их исповедальности и самобытности стала обсуждать, на кухнях и не только, творческая и не только интеллигенция страны. Забурлила молодежь в Литературном институте и других вузах, а «Комсомольская правда» даже напечатала коллективное письмо трех аспирантов, преподавателя и студента МГУ, в котором говорилось, что, хотя в статье вопрос о партийности ставится «нечетко», она «может, тем не менее, стать поводом для обсуждения общих вопросов советской литературы».

Однако произошло обратное — со стороны идеологического аппарата ЦК КПСС, правления Союза советских писателей публикация в «Новом мире» вызвала резкое осуждение. Группой партфункционеров во главе с тогдашним секретарем ЦК по пропаганде П. Поспеловым было составлено обращение к руководству страны, в котором говорилось: «В этой статье автор под прикрытием нескольких общих марксистских фраз подвергает ревизии основные установки Коммунистической партии по вопросам литературы и излагает антимарксистскую субъективно-идеалистическую точку зрения на характер и задачи художественного творчества. Выдвинув в качестве основного критерия оценки художественного произведения «искренность» писателя и демагогически жонглируя этим понятием, В. Померанцев выступает против принципа партийности, против идейности советской литературы и игнорирует решающее значение мировоззрения. «Степень искренности, — заявляет он, — то есть непосредственность вещи, должна быть первой меркой оценки».

Своим мужеством...

Оргвыводы не заставили долго ждать — за «абстрактно понятую искренность» Твардовский был снят с должности главного редактора журнала.

Досталось и автору статьи. Хотя, если по большому счёту, что с него взять? Исключить из партии — так он беспартийный. Исключить из Союза писателей — так он в него еще не вступил. Оставалось одно — перекрыть, как говорится, кислород, то есть не печатать.

И перекрыли. Но всё-таки не так основательно, как если бы жил Сталин. Ведь после его смерти в политической и духовной жизни страны почти сразу начались перемены. Уже в 1954 году словно в ответ на призыв автора статьи «Об искренности в литературе» поставить в центр внимания человека, «поднять подлинную тематику жизни, ввести в романы конфликты, занимающие людей в быту», была опубликована повесть И. Эренбурга «Оттепель». И этим названием был обозначен целый период в жизни страны.

Тогда пришли к читателю роман «Не хлебом единым» В. Дудинцева, повести «Дело было в Пенькове» С. Антонова, «Поденка — век короткий» В. Гендрякова, «Жестокость» еще одного нашего земляка П. Нилина и целый ряд других произ-

ведений писателей. Да что там литература — тот же П. Пospelов по поручению руководства ЦК партии возглавил комиссию по изучению материалов о массовых репрессиях 1935–1937 годов, и её выводы легли в основу закрытого доклада Н. Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях»...

Что же касается Померанцева, то, мужественно выдерживая хулу и опалу, он продолжал писать. В частности, доработал ранее отвергнутую журналами и издательствами как якобы клеветническую повесть «Ошибка Алёши Кочнева», и она под названием «Зрелость пришла» вышла в свет в 1957 году.

Вскоре встал вопрос о его приеме в Союз писателей СССР. «С удивлением я узнал, — отозвался на это старейшина отечественной литературы Корней Чуковский, — что Владимир Михайлович Померанцев до сих пор не состоит членом Союза писателей. Это крупный профессиональный литератор, давно уже имеющий несомненное право принадлежать и нашему писательскому коллективу. И его роман «Дочь букиниста» (из жизни послевоенной Германии), и его повесть о советских юристах «Зрелость пришла», и книга его очерков «Председатели» (о переломе в колхозной деревне) свидетельствуют, как широк диапазон его наблюдений и как тесно связано его творчество с самыми жгучими вопросами советской действительности. Горячо рекомендую Владимира Михайловича Померанцева в члены ССП». Его прием в творческий союз поддержали также жена Сергея Михалкова — Наталья Кончаловская и большинство членов президиума правления Московской писательской организации.

...и творчеством

Он и дальше продолжал писать о том, что хорошо знал. К тому же не сидел в столице, а ездил по стране — бывал на целине, в среднерусской глубинке, на сибирских промыслах и стройках. Все вышедшие из-под его пера романы, повести и рассказы отмечены психологизмом, остросюжетностью и драматизмом, высвечивают социально-нравственные стороны жизни людей, учат читателя не упрощенно, а глубоко и тонко вникать в сложные причины человеческих ошибок, проступков, преступлений.

Часто в своих произведениях Померанцев ведет повествование от первого лица, и нередко они автобиографичны. В качестве примера приведу начало уже цитированного выше рассказа «Как возникает»: «В молодости я был бильярдистом и книжником. Это не сочетается, но сочеталось. Меня нельзя было вытащить из бильярдной, а когда не на что было играть, — нельзя было от книг оторвать. В восемнадцать лет я проиграл часы и сделал на факультете доклад о «Закате Европы». Это была жизнь в двух мирах. Среди прощелыг я был прощелыгой, среди умников — умником».

А однажды на основе опять же своих богатых жизненных наблюдений он написал киносценарий, и по нему в 1965 году на студии «Ленфильм» был снят полнометражный психологический детектив «Авария» с участием народных артистов СССР Ю. Толубеева, В. Тарасова, И. Горбачева, народного артиста РСФСР В. Кашпура и других известных актеров. Основная идея фильма — кем бы ты ни был, какой бы профессии не посвятил свою жизнь, нужно всегда быть человеком...

Но писательский путь Владимира Михайловича оказался недолгим. Ведь он

пришел в литературу, когда разменял пятый десяток лет, а умер в 63 года. И если учесть, что при жизни его издавали редко, то многое из написанного ему так и не удалось увидеть напечатанным.

Лишь в 1976 году, спустя пять лет после кончины Померанцева, в издательстве «Советский писатель» вышел сборник его произведений под названием «Зрелость пришла». Хотя все включенное в него, как и одноименная повесть, ранее было опубликовано. Больше порадовал «Современник», который через два года под грифом «Новинки» подарил читателям книгу «Дом сюжетов» с аннотацией о том, что в неё включены «не издававшиеся при жизни писателя, а также малоизвестные его произведения, отличающиеся необычностью сюжетов». В том числе, добавлю от себя, частично военные дневники, которые пролежали без движения более 30 лет. Минуло еще два года, и появился на прилавках книжных магазинов второй роман на «немецкую тему» — «Доктор Эшке».

Потом был перерыв, нарушенный поначалу тем, что кто-то в Москве обратил внимание на то, что родиной Померанцева является Иркутск, и предложил Восточно-Сибирскому книжному издательству включить в план и растиражировать снабженный солидной вступительной статьей сборник его повестей и рассказов «Своим судом». Книгу выпустили в 1986 году, а в следующем уже «Советский писатель» дал зеленый свет сборнику «На войне и после нее», куда вошли все дневники Владимира Михайловича тех лет.

Ну и, наконец, в стране наступила гласность, отменили цензуру, и к читателю пришли его произведения, на которых когда-то был поставлен жирный крест, — роман «Итога, собственно, нет...», обличавший нравственное разрушение советского карьериста, и большая публицистическая статья-размышления «О гражданском мужестве», во многом перекликающаяся с той, что стала символом 50-х. Роман в 1988 году опубликовал журнал «Октябрь», а фрагмент статьи под названием «О мужестве творчества» — газета «Литературная Россия».

Приведу начальный абзац этого фрагмента: «О мужестве творчества. Оно неотделимо от личного мужества, но понятия эти всё же различные. Личного мужества в литературной среде очень мало. Умов и талантов здесь много, а устойчивых характеров нет. Под устойчивыми я разумею такие, которые невозможно принудить поступить вопреки своим мнениям и нельзя купить похвалой... История нашей литературной жизни показывает, что всё шло в ней не так, как мы бы хотели, но мы повиновались всему. Всегда находились на стороне удачи, победившей линии, утвердившихся людей или слов, хотя знали, что слова эти — плоскости, и они нам претили. Такое поведение было массовым, избегать его было трудно, и мы старались только о том, чтобы в недостойном положении сохранять хоть какое-то показное достоинство...»

«Стерлись надписи, стерлась и память моя...»

Возможно, меня поправят, но я не припомню другого родившегося, жившего или ныне живущего в Иркутске писателя, кто бы так часто, как Владимир Померанцев, в своем творчестве вспоминал, описывал и восхищался им и его ближними и дальними окрестностями.

Так, в повести «Оборотень», характеризуя её героя, автор сразу отметил: «Он знает, что я приехал из страшной дали, из главного города Сибири Иркутска, отку-

да везут на Лену материи, селедки, сахар и чай, знает, что из этого города открывается путь на весь белый свет...»

А вот какие подробности всплыли в памяти главного действующего лица повести «И пусть говорит» об Интендантском саде, который существовал в нашем городе еще в 20-е годы прошлого столетия: «Он давно вырублен, на его месте завод (имени Куйбышева. — Авт.). А когда-то подростки забирались здесь в дупла столетних деревьев и часами вели разговоры про всякие диковинные вещи на свете. Про аэропланы, переставшие быть в ту пору побасенкой, про автомобили, на которых въехал в город штаб 5-й Армии, про секретную машинку, через которую эти штабисты разговаривают по воздуху аж с самой Москвой... Ну а кроны раскинутые? Под ними находили приют, когда подрастали, влюблялись. Луна сквозь кроны не пробивалась, мир становился неразглядим, и лучились в нем только глаза...»

Или взять уже упоминавшийся рассказ «Как возникает»: исходной точкой действия в нем примерно в те же годы стал бревенчатый домик на тогдашней окраине Иркутска — улице Матрёшкинской, ныне Софьи Перовской.

Минувшее буквально преследует автора и в написанном позже рассказе «Встреча со сменщиком»: «Брожу по городу, в котором родился и провел свою юность. По родному и совершенно чужому. Мои сверстники разъехались, поумирали и где-то доскрипывают в неизвестных углах... Всматриваюсь во всех пожилых. Они незнакомы. Узнаю только улицы, и те изменились. Дома, казавшиеся прежде большими, стали маленькими рядом с теми, что выстроены. Нет Интендантского сада. Начисто вырублен... Еду на кладбище, ищу родные могилы. Не разыскать... Попадаетея несколько полужнакомых имен, пытаюсь восстановить по ним связи, но стерлись надписи, стерлась и память моя... Опускаюсь на чье-то надгробье и долго сижу. Все, что сплеталось с моей жизнью, исчезло...»

Особенно богатым на местную топонимику оказался роман «Итого, собственно, нет...» Тут поначалу и старинный поселок Усолье с его «источниками соленой воды», «прославленной целебной грязью», фабрикой «Солнце», где можно увидеть, «как делают спички», и Листвянка с пиком Черского, пароходный рейс на остров Ольхон, хребет Хамар-Дабан... И, понятно, Иркутск — «сибирская столица» с когда-то барахолкой, птичьим базаром, подворьями. Так, по словам писателя, в городе назывались гостиницы, «их было немало, они между собой конкурировали». А затем по мере развития сюжета в романе вырисовывается новая географическая, а значит и топонимическая реальность. Из монолога одного из действующих лиц: «Мы создаем гидростанции, каких, говорят, нигде больше нет, строим самый большой из существующих на земле алюминиевых заводов и крупнейший на свете лесопромышленный комплекс, сооружаем три города...»

И всё-таки итог есть...

Из всего рассказанного делаю вывод: Владимир Михайлович Померанцев заслуживает того, чтобы о нем и его творчестве знали и помнили в родном городе.

Аргумент первый. Его вклад в отечественную литературу очевидный. Он оставил в наследство нам и последующим поколениям актуальные по смыслам не только для прошлого, но и нынешнего и будущего времени три романа, несколько повестей и много рассказов. А написанная им статья-размышление «Об искренности в литературе» — это шедевр писательской публицистики.

Аргумент второй и заключительное предложение. Как уже отмечено выше, Владимир Померанцев в своем творчестве часто возвращался к Иркутску, упоминал и восхищался им. И поэтому было бы разумно с участием мэрии и отделения Союза писателей России издать книгу его произведений, в которых описывается «сибирская столица» и её ближние и дальние подступы.

2021 год

Поэт с беспокойной душой

В августе 1960 года в село Сулкет Куйтунского района приехал новый молодой учитель — Юлий Файбышенко. Он был одним из 26 выпускников историко-филологического факультета Тульского педагогического института имени Л.Н. Толстого, которые написали коллективное ходатайство в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР с просьбой направить работать в Иркутскую область. И им в этом не отказали.

Новый учитель сразу покориł жителей села, особенно детей и молодежь, своей общительностью и обаянием. И еще — энергией и деловитостью. Неплохая молодежь жила тогда в Сулкете, но как-то скучно, неинтересно. Существовала комсомольская организация, однако ее влияние было незаметным. Трижды пытались созвать собрание, чтобы решить, как покончить с этой самой скукой, но не оказывалось кворума. Наконец, собрали кворум, разговор вроде состоялся, но результатов не было. Так, способный парень Юра Дынников начинал что-то организовывать, например, ставить пьесу, готовить песни. Потом Юра приходил на репетиции пьяным, и все прекращалось. Галя Шинкевич, секретарь комсомольской организации, только обреченно крутила головой: «Разве с нашей молодежью можно что-нибудь сделать?»

И вот однажды у конторы и магазина появилось красочное объявление: «Внимание: 14 декабря состоится собрание молодежи «Хотим жить лучше». Повестка дня: «Права ли Галя? Виноват ли Юра? Не проходите мимо». И мимо никто не прошел. На собрании, в организации и проведении которого активное участие принял молодой, щедрый на открытость и богатый на выдумки учитель Юлий Файбышенко, было решено создать агитконцертную бригаду, провести коллективную новогоднюю елку, организовать дружину. За лидером потянулись другие — и дело сдвинулось с мертвой точки. Скуку из села начали изгонять...

«Упрямый, как след лесовоза на тракте»

Еще молодой учитель любил поэзию. Часто в школе на уроках литературы читал стихи — классиков и ... свои. Он начал их писать в институте, а когда приехал в Сулкет, добавились новые. С ними-то в зимние каникулы Юлий и отправился в

Иркутск, на улице 5-й Армии зашел в областное отделение Союза писателей, где его приветливо встретили, рассказали, что готовится конференция начинающих поэтов, прозаиков, художников, музыкантов, артистов, кинематографистов «Молодость, творчество, современность», и предложили оставить написанное, если есть желание участвовать в ней.

Желание было и вот результат. Читаем в «Восточно-Сибирской правде» за 11 апреля 1961 года статью «О весне и стихах» руководителя секции поэзии конференции Марка Сергеева: «Настоящим открытием были для всех участников обсуждения стихи Юлия Файбышенко, учителя из Куйтунского района. Они вызвали большой спор, но зато никого не оставили равнодушным. Особенно интересными показались его размышления в стихах «Мое и наше», «Соседка» и отрывки из поэм. У молодого автора явное умение отыскать предельно точные образы, лаконично выразить самую глубокую мысль. Но подчас ему недостает чувства меры, он не может порой остановить перо, стихи излишне удлиняются, образы нагромождаются. И все же явно чувствуется в работе Файбышенко то, что Виктория Ярмицкая — еще одна участница секции — определила так: «Стихи Юлия совершенно точно соответствуют названию нашей конференции: «Молодость, творчество, современность»».

Прошло несколько дней, и «Восточка» в поэтической подборке участников конференции, названной «В добрый путь!», опубликовала его стихотворение «Сибиряки»:

*Они приезжают в город с утра,
в туманные, словно сны, вечера,
в полдни, когда гул улиц так сочен,
в безлунно-черные зимние ночи.
Они приходят с тугим вещмешком,
среди мчащих в машинах, идущих пешком,
на крепких, знававших бураны ногах,
в охотничьих ичигах, в сапогах.
У этих людей сибирский характер,
упрямый, как след лесовоза на тракте,
открытый, как усть-ордынские степи,
и, как саянские горные крепости, неровный —
то остро-колючий, как пики,
то, как перевалы, спокойно-великий,
то неудержимо лихой, как пурга,
то сдержанный, как таежные чащи,
и стойкий, как Ангары берега.
Короче, характер у них — настоящий.*

А во втором номере за 1961 год литературно-художественный и общественно-политический альманах «Ангара» представил читателям упомянутое выше его стихотворение «Соседка», что дало повод автору рецензии в «Восточно-Сибирской правде» под названием «Пульс кипучей жизни» доценту госуниверситета А. Рубанович отметить, что «некоторые проблемы духовной жизни современников привлекли внимание поэтов», назвав в их числе Ю. Файбышенко.

Завершился этот удачный для Юлия год событием, о котором кратко сообщила та же «Восточка»: «За «круглым столом» в областном Доме писателей — молодой

поэт Юлий Файбышенко. Учитель по профессии, он страстно влюблен в поэзию и все свободное время посвящает любимому занятию. Выступившие на встрече с молодым поэтом А. Преловский, Р. Смирнов, В. Киселев, Ф. Таурин, М. Сергеев дали ему ряд полезных советов».

«Раскручивайся, спираль!»

Между тем 1961–1962 учебный год Файбышенко начал уже не в Сулжете, а в северном городе Бодайбо, куда отправился с желанием лучше узнать жизнь на сибирской земле, набраться впечатлений, познакомиться с новыми людьми. И в результате появляются новые стихи, как это — «На трассе»:

*МАЗы хрипло ревут,
По чащобам гоня кабаргу.
МАЗы тяжело ползут
через темень, мороз и пургу.
Ржут моторы от жажды
и мулами просят воды.
Но зато позади, как тоннели,
надежны следы...*

В Бодайбо он преподает в школе и активно включается в работу литературного объединения при редакции газеты «Ленский шахтер». В ней вышло несколько страниц с рассказами и стихами, в том числе и Юлия, а одно из лучших — «Тропу забастовщиков» — печатает «Восточно-Сибирская правда» в номере, посвященном 50-летию Ленского расстрела.

Там же, на севере, Юлий знакомится с молодым геологом и начинающим прозаиком Геннадием Машкиным. Вместе они пишут статью в защиту, на их взгляд, несправедливо осужденного молодого человека. Ее печатает областная газета «Советская молодежь». Машкин советует брату по творчеству после окончания учебного года переехать в областной центр, где при редакции «Советской молодежи» сформировалась группа молодых литераторов.

Юлий следует этому совету и летом 1962 года переезжает в Иркутск. Более того, редакция «Молодежки» берет его в свой штат. В газете он ведет «круглые столы» на моральные темы, пишет и публикует материалы в различных журналистских жанрах — зарисовку «Любите цветы» об аспиранте Иркутского мединститута и будущем известном фотохудожнике Борисе Дмитриеве, под заголовком «Танцующая песня» — репортаж-рецензию с концертов в Иркутске ансамбля «Дружба» с солисткой Эдитой Пьехой и руководителем Александром Броневицким, выезжает в командировки. Из Ангарска привозит очерк «Хозяин города», из Бодайбинского района — о строителях Мамаканской гидроэлектростанции.

И, конечно, не забывает стихи — от лирических «Мимоз» до высокопатриотических «Ровесникам, павшим за революцию», «Памяти о русских в форме» или это — «Да здравствует сила!», заканчивающийся словами:

*Благословляю силу,
влекущую по ночам меня
под звездные песни
вечной млечной дуги.*

*Благословляю силу
наших октябрьских начал,
старую добрую силу
жизни ради других.
Хочешь иметь веру?
Хочешь иметь братство?
Жертвуй!
Рискуй!
Твори!*

Рождались в его поэтических опытах и философско-возвышенные строки:

*Я знаю: жизнь идет по спирали,
раскручивающейся с каждым днем.
...Каждый виток —
взрыв извилин
в нашем мозгу:
неслыханный звук,
неизвестный цветок,
невиданная яркость —
мазку...
...Раскручивайся, спираль!*

«ТОМ говорит «Здравствуйте!»

Между тем в середине ноября 1962 года «Советская молодежь» под заголовком «ТОМ говорит «Здравствуйте!» сообщила новость: в Иркутске создано Творческое объединение молодых поэтов, прозаиков, художников, музыкантов, сокращенно — ТОМ. «Матерью ТОМа, — уточнялось в сообщении, — стало Иркутское отделение Союза писателей СССР, отцом — огромное желание творческой молодёжи спаяться для работы, споров, поисков».

В инициативную группу по созданию не имевшего аналога в стране объединения вошли Юлий Файбышенко, Александр Вампилов, Вячеслав Шугаев, Геннадий Машкин, Сергей Иоффе, Владимир Пинигин, Юрий Скоп и другие. Их рассказы, очерки, стихи, рисунки охотно печатали местные газеты, альманах «Ангара», а кто-то успел поучаствовать в конференциях «Молодость, творчество, современность». Но «томовцам» хотелось большего — именно «спаяться для работы, споров, поисков» и, конечно, чтобы о их творчестве больше знали люди. Поэтому после ряда заседаний с разбором произведений «новичков» они, что называется, пошли в народ — начали устлавать встречи с читателями и зрителями, выступать в молодежных аудиториях.

Одна из таких встреч — в областной библиотеке имени И. Молчанова-Сибирского — вызвала неожиданно громкий резонанс. Первой на нее 4 января 1963 года откликнулась «Восточно-Сибирская правда» письмами рассерженных читателей. Они возмутились тем, что в произведениях начинающих литераторов «заметно увлечение историей, другими странами, нередко просто пустяками, в них пестрят такие образы, как феи, автобусные окна, какие-то абстрактные глаза и т.д.», а также работами молодых художников, особенно картинами Сергея Старикова, портретами и натюрмортами Пинигина. «От многих этих произведений веет духом

абстракционизма», — негодовали авторы писем. И странно, считали они, что «ведущий эту встречу Ю. Файбышенко пытался защищать подобные произведения, а другие члены объединения молча соглашались с ним, таким образом разделяя его ошибочное утверждение».

В оперативном порядке городские партийные власти создали собрание творческих работников, на котором ТОМ подвергли резкой критике искусствовед В.Фалинский, писатель Г. Кунгуров, художник В. Рогаль и другие. Их оценки: произведения молодых «не только слабые в художественном отношении, но и явно претенциозные, с налётом пессимизма и пошлости, а подчас подражающие образцам западного абстракционизма и формализма...» Конечно, гнев выступающих прежде всего касался художников, «которые вольно или невольно скатываются на путь протаскивания буржуазной идеологии, её эстетических идеалов». Тем не менее явное неодобрение присутствующих вызвало и творчество прозаиков Санина (Вампилова), Машкина, поэта Файбышенко. Сдержаннее всех говорил ответственный секретарь областной организации Союза писателей Ф. Таурин: «В критике поисков формы нельзя допускать перегибов. Многие наши молодые еще не умеют делать, но я верю в творческую молодежь».

На собрании дали слово и Юлию Файбышенко. Несмотря на вал обличений, он мужественно заявил залу: «Искусство абстракционизма и формализма имеет право на существование, как всякое другое, и выражает собой тот расцвет личности, который обещает коммунистическое общество...»

Критика ТОМа и его «центрового» продолжалась и после этого. В частности, на состоявшемся в феврале отчетно-выборном собрании областной писательской организации. Но вот, что называется, «луч света в темном царстве» — 9 марта в «Восточно-Сибирской правде» появляется обзор альманаха «Ангара» за прошлый год литературоведа, доцента университета А. Абрамовича. Привожу фрагмент из него: «Удачнее (до этого речь шла о других поэтах — В.Х.) экспериментирует Ю. Файбышенко. Его стихотворение «Первый снег» метафорично и содержит в себе верное философское обобщение: люди, будьте чисты и честны, как первый ослепительный снег, не бойтесь усилий и жертв во имя больших дел, посмотрите, как снег щедро покрывает землю, хотя и теряет при этом свою первозданную чистоту. Такая параллель, естественно, не укладывается в простую форму, но те ее сложные элементы, которые предложил поэт, понятны нам:

*Первый снег упал, но не пал,
выпадение его — не паденье,
светлой верой он в души запал,
лег там, пятнами лжи не поделен,
искрист, искренен, неподделен».*

Прощай, Иркутск

Казалось бы, этому надо радоваться, презреть неприятности и писать новые стихи. Однако из-за шума-гама вокруг ТОМа и его лично Юлий ушел из «Молодежки», немного поработал на Восточно-Сибирской студии кинохроники, а затем уехал в поле с геологической партией и практически навсегда покинул Иркутск.

Причина — заявленный ранее его сборник стихов был вычеркнут из плана Восточно-Сибирского книжного издательства на 1964 год. А без книг поэт — не поэт...

Файбышенко возвращается в Тулу, где снова работает преподавателем, а в литературе переходит на ... прозу. Причем выбирает приключенческий жанр, не переставая и тут размышлять над главной для себя темой — человек и время, человек и общество. Его остросюжетные психологические повести «Кшися», «Розовый куст», «Троянский конь», «Осада», «В медвежьем углу» были напечатаны в популярных в 1960–1970-е годы сборниках столичного издательства «Молодая гвардия» «Приключения». По ним уже после смерти автора сняты трехсерийный телевизионный фильм «Ярость» и фильм «Особо опасные» с участием актеров Театра на Таганке, «Современника», Театра на Малой Бронной и других. А в 1988 году 100-тысячным тиражом к читателям пришел роман Файбышенко «В тот главный миг», сюжет которого был навеян пребыванием в геологической партии в Сибири.

Юлий погиб при невыясненных обстоятельствах в 1976 году во время творческой командировки в Донецкой области. Родившись на год позже Александра Вампилова, с которым особенно близко сошелся в Иркутске, он расстался с жизнью через четыре года после него.

Подававшего надежды поэта и «заводилу» ТОМа не забыли в нашем городе, и на его кончину отозвалась газета «Советская молодежь»: «На редкость энергичный и общительный человек, Юлий Файбышенко умел быстро находить единомышленников и друзей. Не случайно, едва появившись в Иркутске, он приобрел добрую известность в среде литераторов, стал одним из организаторов Творческого объединения молодых. Все знавшие его в ту пору непременно помнят полутемный коридор и тесные кабинеты старого помещения «Молодежки», помнят вдохновенные строки стихов, которые читал он. Таким стремительным, неистовым Юлий был и в жизни, всегда готовым помочь товарищам, вступить за несправедливо обиженного. С беспокойной и честной душой, он был таким и во всем, что писал, во всем, что успел написать».

2021 год

Сады и беды Петра Пиницы

«Уделяет немало внимания повышению мастерства молодых литераторов Иркутская областная писательская организация. На стационаре Литературного института имени А. Горького в Москве учится поэт Петр Пиница», — писала «Восточно-Сибирская правда» более полувека назад — 2 августа 1969 года. Из этого сообщения широкой общественности также стало известно, что заочниками Литинститута являются ангарчане Вера Захарова и Анатолий Кобенков, а Высшие литературные курсы в Москве заканчивает детский писатель из Братска Геннадий Михасенко, Высшие режиссерские курсы — прозаик и поэт Юрий Скоп.

Петр Пиница появился в Иркутске летом 1965 года, сдал вступительные экзамены и стал студентом историко-филологического факультета госуниверситета.

Он родился в 1939 году в городке под названием Городня в Черниговской области на Украине и, как только окончил среднюю школу, подался за романтикой. Правда, поначалу недалеко — на строительство канала Северский Донец (самый крупный приток Дона) — Донбасс, о чем потом расскажет в поэме «Брезентоград». С 1959 по 1963 год служил на атомной подводной лодке Тихоокеанского флота, что тоже можно рассматривать как романтику. После этого был Братск. К его приезду легендарная ГЭС уже выходила на проектную мощность, и ему в качестве слесаря-монтажника нашлась работа на возведении другого индустриального гиганта на Ангаре — Братского лесопромышленного комплекса.

«Девочки, как ласточки на проводе»

Первая публикация Петра в иркутских газетах датирована 12 марта 1964 года. На конкурс, объявленный «Советской молодежью» совместно с обкомом комсомола на лучший рассказ, очерк, стихотворение, фотоснимок, посвященный молодежи, он прислал стишок с таким началом:

*Ходит Тома, электросварщица,
Робко кабель за нею тащится.
Он во всем ей помочь старается,
Он за Томою увивается.
По каркасу легко, как дома,
Королевою ходит Тома,
Держит солнце на электроде...*

Следующий выход к читателю — 11 июня того же 1964 года. Стихотворение с еще более распевной интонацией и подписью: «П. Пиница, слесарь-монтажник. Братский ЛПК»:

*Путёвочка первичная,
Отличная, привычная,
Тебя храню обычно я
У сердца на груди.
Ты городская, сельская,
Целинная и гэсская,
Значимая и веская,
Веди меня,
Веди!...*

Не изменяет он своей манере стихосложения, находясь уже в областном центре. «Молодежка», 31 октября 1965 года:

*На отчем крыльчке —
Крыльце золотом —
Закутала плечики
Теплым платком
царевна двора,
фаворитка двора.
А с нею ее приближенных гора:
Царь, царевич,*

*Король, королевич,
Сапожник, портной...
— А ты кто такой?
— А я не царевич
И не королевич.
А я шоферевич — мой батя шофер!...*

Эдаким стихотворцем-сказочником, только строкой подлиннее и опять-таки со сносской «г.Братск», предстает тогда же Пиница и в «Восточно-Сибирской правде» — в праздничном номере по случаю годовщины Октябрьской революции:

*Как ни холодна зима-красавица,
А гудки восторженно кричат.
И в поклоне краны наклоняются
Перед стайкой нашенских девчат.
Тех девчонок в комсомольском городе
Издали ребята узнают —
Девочки, как ласточки на проводе,
На носилках песенку поют...*

Да и примерно в те дни поздней осени 1965 года газета «Иркутский университет» сообщала: «Недавно состоялось первое в учебном году заседание общевузовского литературного объединения. Свои стихи читали первокурсник-историк Петр Пиница, журналисты Владимир Дворак и Иннокентий Брюханов, филолог Людмила Михайлова».

«Для людей сажал сады...»

И вот эти стихи начинающего поэта — напевные, ритмичные, образные — были тепло приняты читающей и пишущей публикой Иркутска.

Казалось бы, на тот момент всё у Пиницы складывалось неплохо — первые успехи в поэзии, учеба в вузе, формирующийся круг друзей. И надо же такому случиться, что он явился на объявленный в университете по инициативе студентов-старшекурсников отделения журналистики диспут с предварительной повесткой «Время и мы» и выступил на нем. По решению собравшихся с подачи нашего уважаемого преподавателя истории печати Сибири, международных отношений СССР и, кстати, тогда члена парткома университета Леонида Любимова я вел тот диспут и помню, как Петр в разгар обсуждения стремительно вскочил со своего места, вышел к кафедре, произнес буквально одну фразу («У нас две партии, одна — КПСС, другая — народ») и вернулся обратно.

О том, что не о всей правде, которая есть в жизни, можно было тогда писать в газетах, рассказывать на радио и телевидении, о цензуре, о том, что у многих партийных функционеров слова расходились с делом, их привилегиях и так далее, говорили другие участники диспута. Но Петру, будущему историку, такого афористичного выпада в адрес власти простить не могли. Уже на первом экзамене по истории КПСС его «срезали». На передаче «срезка» повторилась, и он вынужден был расстаться с университетом.

Нет, его не изгнали с «волчьим билетом», как утверждал через много лет Борис Черных, сам неизмеримо больше пострадавший от преследований за инако-

мыслие. Во всяком случае Пинице, как и еще одному студенту, ранее учившемуся в нашей группе, — Геннадию Хороших — никто в дальнейшем, надо быть справедливым, доступ к высшему образованию не закрывал. И они оба этим воспользовались.

Так, Петр, оставшись на какое-то время в Иркутске, продолжал писать стихи. Их хвалили на конференции «Молодость, творчество, современность» в марте 1966 года. Его новую поэтическую подборку принял к публикации альманах «Ангара». А летом с рекомендацией областной писательской организации он поехал в Москву, сдал экзамены и поступил в Литературный институт имени А. Горького.

«А в судьбе моей тревожной ощущение беды»

Более того, хотя Пиница покинул Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство заключило с ним договор и в 1968 году выпустило сборник его стихов. Книжка карманным форматом пришла к читателю тиражом 10 тысяч экземпляров в одной кассете со сборниками Анатолия Кобенкова, Евгения Варламова и других молодых поэтов.

Общественным редактором издания выступил Марк Сергеев, а на сборник Петра отозвался печатной рецензией Сергей Иоффе. «Несколько лет назад, когда в газете «Советская молодежь» впервые появились стихи Пиницы, — писал он, — сразу же стало ясно: заявил о себе человек, обладающий несомненным поэтическим даром. И, что характерно, дарование молодого поэта было напрочь лишено книжности, литературности — стихи П. Пиницы отличали столь редкие для начинающих авторов качества, как глубина мысли, индивидуальность и естественность интонации, безыскусная простота формы».

В книжку вошло 14 стихотворений, многие из которых — «Игра», «Мосты», «Песня», «Колобок» и другие — могли стать её названием, но автор и издательство выбрали «Предчувствие».

<i>Что-то на сердце тревожно —</i>	<i>Может...</i>
<i>Бьётся пульс на все лады,</i>	<i>Может...</i>
<i>И в судьбе моей дорожной</i>	<i>Всё быть может.</i>
<i>Ощущение беды.</i>	<i>Что-то, всё-таки, тревожит...</i>
<i>Может, с мамой что-нибудь</i>	<i>Шёл дорогою неложной,</i>
<i>На Украине случилось?</i>	<i>Для людей садил сады...</i>
<i>Может, милая влюбилась</i>	<i>А в судьбе моей тревожной</i>
<i>И послала мне «забудь»?</i>	<i>Ощущение беды.</i>

И предчувствие не обмануло...

Учась в Москве, Петр продолжал писать стихи — «Останкино», «Вокруг грототала столица», «Завод», «Некрасивая», «В парке»... Но их оказалось немного, чтобы издать еще одну книгу. Однажды снялся в кино — в эпизодической роли у Василия Шукшина в фильме «Странные люди». Вот, пожалуй, и все творческие плоды его пребывания в столице.

Окончив Литинститут, он не вернулся в Иркутск, а по семейным обстоятельствам (умер отец, мать осталась одна) отправился на родину. Работал в редакции

Городнянской районной газеты, в Черниговском областном доме народного творчества, на нефтепромыслах Тюмени.

В те годы в стихах поэта все больше стали преобладать ноты смятения, тревоги и даже отчаяния.

*«Загулял я нынче летом,
И уже в который раз...»*

*«Бесполезная жизнь проходит,
Усыхает Божий дар...»*

*«Не спится...
Старею я что ли,
И хочется с горя запить...»*

Многое в его драматической судьбе может объяснить то, что он облучился, когда служил на атомной подводной лодке. Читаем в поэме «Брезентоград»:

*«Отгорели цветом алым
Худенькие щечки —
Много мне накуковали
Гейгеровы счетчики»*

Лишь изредка прорывалось в стихах Петра то ценное, что было связано с молодостью. Из стихотворения «Юность моя — комсомол»:

*Я когда гляжу на составы,
что сегодня уходят на БАМ —
отголоски корчагинской славы,
я завидую искренне вам...*

Он умер на 60-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни. Похоронен в Городне (между прочим, в Городнянском районе также родился учившийся в середине 1960-х годов, затем защитивший диссертацию и преподававший на юридическом факультете Иркутского госуниверситета, впоследствии генеральный прокурор Российской Федерации Алексей Казанник, а в соседнем Менском районе — многолетний сотрудник «Восточно-Сибирской правды» Александр Антоненко). Там, в Городне, возле здания историко-краеведческого музея (город возник в начале XVII века) Петру Ивановичу установлен памятник.

В конце 1990-х годов в Чернигове скромным тиражом в несколько десятков экземпляров были изданы его книги «Брезентоград» и «Колобок». А уже после кончины — в 2012 году — тиражом 500 экземпляров и объемом в 100 страниц вышел в свет сборник поэтических произведений Пиницы под названием «Ухожу в кленовые метели», в 2016 — сборник «Магия слова».

В Украине его поэзия отмечена посмертно международной литературной премией имени Н. Гоголя «Триумф» (конкретно в 2009 году за книги «Предчувствие», «Брезентоград» и «Колобок»), международной литературной премией имени Г. Сквороды «Сад божественных песен» (также 2009 год) и международной литературно-художественной премией имени П. Кулиша (2016 год).

2021 год

ОЛЬГА ЮРЧУК

ИСКУССТВОВЕД, НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
ИРКУТСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Призвание и признание

В Год педагога и наставника Иркутский художественный музей запланировал более семи тематических выставок, раскрывающих главную идею, миссию Года — признание особого статуса педагогических работников, в том числе выполняющих наставническую деятельность.

11 мая в Галерее сибирского искусства была открыта одна из таких выставок, приуроченных к тематическому Году. В экспозиции — произведения выдающихся мастеров, которые отдали значительную часть своей жизни преподавательской деятельности в учебных заведениях Иркутска, ведущих подготовку специалистов художественных профессий для Приангарья.

Истоки профессионального художественного образования не только Иркутска, но и Сибири, связаны с одним из старейших и наиболее известных художественных учебных заведений Сибири — Иркутским художественным училищем (ныне **Иркутский художественный колледж им. И.Л. Копылова**). Учебное заведение выросло на базе классов рисования и черчения, открытых в Иркутске 1 сентября 1910 художником И.Л. Копыловым. Иван Лаврович получил образование в мастерской Жюльена в Париже и впоследствии стал крупным специалистом в области художественного образования. Его общий педагогический стаж составлял более 30 лет, а известность выходила далеко за пределы Иркутска и имела всероссийский характер. К сожалению, Копылов не участвовал в художественных выставках, целиком отдавшись преподаванию. В музейной коллекции имеется только одно его произведение.

В училище преподавали многие известные иркутские художники, которые были учениками Копылова: Алексей Петрович Жибинов, Николай Васильевич Шабалин. Их современниками были Григорий Николаевич Раков и Александр Карпович Руденко — первые художники-педагоги с высшим художественным образованием в области. После окончания Всероссийской Академии Художеств в Ленинграде, они были направлены для педагогической деятельности в Иркутское художественное училище.

В разное время на живописном отделении училища преподавали Народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР Анатолий Алексеев, Глеб Богданов, Аркадий Вычугжанин, Галина Новикова, Лев Гимов и другие; на керамическом и декоративно-прикладном отделении — Народный художник РФ, член-корреспондент Российской академии художеств Борис Бычков,

Заслуженный работник РСФСР Георгий Анциферов. Преподавателями специальных дисциплин работали известные иркутские графики Борис Лебединский и Георгий Леви.

В настоящее время большинство преподавателей училища — члены Союза художников, которые успешно экспонируют свои произведения на областных, региональных и международных выставках. Более 45 лет преподаванию посвятил Андрей Юшков, более 35 лет — заслуженный художник России Сергей Казанцев, около 30 лет преподает Виктор Огиенко, более 25 лет — Маргарита Марцинечко, более 20 лет успешно совмещает административную и педагогическую деятельность директор Иркутского художественного колледжа Людмила Николаевна Назарова. Немаловажен тот факт, что педагоги училища работали и за границей. Виктор Огиенко и Наталья Сисоева преподавали специальные дисциплины в университете Пэ-Джэ Южной Кореи. За годы своего существования колледж выпустил более трех тысяч специалистов. Не будет преувеличением сказать, что это учебное заведение с его художниками-педагогами высокопрофессионального уровня играет значительную роль в формировании культурной жизни Иркутска.

В 1994 году выпускник Иркутского художественного училища и Ленинградского высшего художественного промышленного училища им. В.И. Мухиной, Народный художник РФ, член-корреспондент Российской академии художеств Виталий Георгиевич Смагин возглавил **кафедру монументально-декоративной живописи в Иркутском национальном исследовательском техническом университете**. Обладая широкой профессиональной эрудицией, щедро отдавая свои знания и опыт молодежи, Виталий Георгиевич стал основателем новой художественной школы — «Школы Смагина», занятой поиском новаторских средств выражения творческих взглядов. Многие из его выпускников стали преподавателями кафедры. Как верно подметил искусствовед, профессор В.В. Есипов: «Художник и педагог сотворил художников и педагогов». Высокопрофессиональные специалисты и активно практикующие художники — ученики Смагина — продолжают дело своего учителя. «Школа Смагина» является частым гостем в выставочных проектах Иркутского художественного музея.

На кафедре дизайна, кафедре архитектурного проектирования «Иркутского политеха» преподавали и преподают многие известные иркутские художники: Владимир Хомуненко, Владимир Дейкун, Павел Соломатин, Ольга Копёнкина, народный художник РФ Сергей Элоян. Неоспорим тот факт, что **Иркутский национальный исследовательский технический университет** — это крупнейшее высшее учебное заведение, являющееся центром образования, науки и культуры Восточной Сибири. И в этом немалая заслуга преподавателей-художников.

Третий «кит», на котором зиждется художественное образование в городе Иркутске, — **кафедра изобразительного искусства и методики Иркутского государственного университета**. Она была основана в 2001 году выпускником Иркутского художественного училища и Московского полиграфического института, профессором, заслуженным художником России Александром Сергеевичем Шипицыным. В основу подготовки будущих преподавателей художественных дисциплин положены классические традиции русской художественной школы — академического рисунка, живописи и композиции. Преподаватели кафедры, чьи работы находятся в коллекции музея, Сергей Казанцев, Александр Шипицын и Валентина Дерезанова подготовили и выпустили десятки квалифицированных специалистов — педагогов художественного образования.

Основатель кафедры — Александр Сергеевич — один из немногих художников, которые на протяжении всей творческой жизни занимаются педагогической деятельностью. Его стаж составляет более пятидесяти лет! Как отметил народный художник А.И. Алексеев, большой заслугой Шипицына является его участие в открытии «высшего художественного образования в Иркутске». В 1978 году при его участии **кафедра архитектуры ИРНИТУ** была расширена до факультета. Шипицын возглавлял открывшуюся **кафедру рисунка, живописи и скульптуры** до 1991 года. Не одно поколение учеников и молодых преподавателей уважают и чтят Александра Сергеевича в качестве педагога и наставника.

Таково краткое содержание концепции тематической выставки «Мэтры». Говоря об особенностях экспозиции, нужно сказать, что в связи с ограниченностью экспозиционных площадей, на выставке каждый автор был представлен в основном одной работой. При входе на выставку располагалось единственное произведение прославленного педагога И.Л. Копылова — акварельная работа «Интерьер». По ней нельзя судить о творчестве художника, но можно однозначно сказать, что он был прекрасным колористом, отлично владел рисунком и техникой рисования акварелью. Также встречали зрителей при входе в галерею острохарактерные для своего времени произведения первых педагогов с высшим образованием — наполненный сарказмом агитационный плакат кисти Григория Ракова и пропитанный романтикой индустриальный пейзаж за авторством Александра Руденко.

Представленные в экспозиции живописные работы учеников Копылова отличались не только техникой письма: «Автопортрет» Шабалина выполнен в «рембрандтовском» стиле, а в «Прогулке» Жибинова, сотканной из причудливых «первочастиц — атомов», есть отголоски аналитического искусства его второго учителя — Павла Филонова.

Реалистические, крепкие произведения живописцев как старшего, так и среднего поколения произвели огромное впечатление на зрителей и в очередной раз подтвердили свое законное место в «золотой коллекции» произведений иркутских художников. Представленные на выставке самобытные произведения современных художников-педагогов ярко характеризуют их творческое кредо и радуют зрителей разнообразием авторских стилей. Центральное место в экспозиции выставки было отведено произведениям Народных художников: монументальное полотно «Объявление войны» Анатолия Алексеева поражало своей правдивостью и эмоциональным напряжением; философское «Начало» Виталия Смагина стимулировало зрителей к интеллектуальному созерцанию; наводила на яркий и выразительный образ и не переставала удивлять зрителей смелая стилизация утилитарных предметов — праздничных сервизов Бориса Бычкова; благодаря кропотливой технике письма и авторскому стилю, работы Сергея Элояна узнаваемы даже для неискушенного зрителя, в том числе и иносказательный «Хачкар».

Отдельным блоком на выставке смотрелось декоративно-прикладное искусство. Среди изящных фарфоровых изделий Ольги Копёнкиной выделялся туалетный набор «Бабочки» с гармоничным соединением росписи и нестандартного декора — прорезные торцы и украшение в виде круглой скульптуры, которая привносит особую эмоциональную ноту. Образная структура декоративной композиции «Первый снег» Людмилы Назаровой раскрывается через ассоциации. В произведении автор сочетает тонкую философию красоты природы и простоту форм.

Левое крыло галереи было отведено под графические произведения. Среди них выделялись крупноформатные классические офорты Бориса Лебединского

из серии, посвященной Иркутску; затейливые линогравюры Георгия Леви, иллюстрирующие «Сказки Ленских берегов» Е.И. Шастиной; витиеватые, трудоемкие по технике цветные офорты Александра Шипицына из серии «Сельский спортивный праздник Сурхарбан», посвященной байкальским бурятам. В целом можно отметить, что творчество графиков-педагогов, чьи произведения находятся в коллекции Иркутского художественного музея, отличается особой тонкостью восприятия жизненных явлений.

Ретроспективная выставка «Мэтры» была призвана не только привлечь внимание к благородной профессии преподавателя, но и воздать должное уважение нашим педагогам-художникам. Совмещая активную творческую деятельность с преподаванием, они воспитали и дали путевку в самостоятельную творческую деятельность многим молодым художникам. Выставка «Мэтры» позволила увидеть более сотни известных произведений живописи, графики и декоративно-прикладного искусства из коллекции музея, созданных преподавателями художественных учебных заведений Иркутска, которые передавали и передают свой опыт и мастерство подрастающему поколению художников.

ЭДУАРД АНАШКИН

член Союза писателей России

«Когда тоска внезапная нахлынет...»

о книге стихов Ирины Котельниковой «Хрустальные родники»

...то открой, дорогой читатель, сборник стихотворений замечательной поэтессы из далекого Забайкалья Ирины Котельниковой. Книга называется «Хрустальные родники», и она совсем недавно вышла в городе Чита... По мере чтения этой книги тебя отпустит тоска, душа пойдёт на поправку. Если, конечно, ты готов думать и сопереживать автору, который несмотря на глубину и широту поэтических прозрений имеет свой взгляд и свое мнение на то, «куда влечет нас рок событий».

Моя читинская землячка родилась на реке Витим в селе, что с давних времен было перевалочной базой золотопромышленников. Ирина Котельникова — забайкалка в третьем поколении. В 30-е годы XX века, когда началась массовая вербовка вольнонаемных и ссылка раскулаченных на Витимские прииски, обе ее бабушки волею непростых своих женских судеб оказались на легендарном Витиме.

В чем же легендарность Витима? Витим был поэтической малой родиной другой замечательной поэтессы, Светланы Кузнецовой, и в определенной степени можно считать, что Ирина Котельникова развивает лирические традиции своей достославной землячки... По вербовке в Забайкалье после раскулачивания попала одна бабушка Ирины Котельниковой, что жила в Тверской губернии. А вторая бабушка попала в Забайкалье из Белоруссии. На берегах Витима познакомились их дети, будущие родители поэтессы. А в 1956 году появилась на свет и сама Ирина. Когда ей было два года, семья переехала еще севернее. И ранние воспоминания связаны с оленями, эвенкийской люлькой, в которой ей довелось полежать в младенчестве... Детство было самым поэтическим — среди вольного таежного древнего загадочного эвенкийского народа. В жизни Ирины Геннадьевны было многое, что помогло окрепнуть поэтическому дару — увлечение краеведением-краелюбием, изучение истории Якутии, эпоса народа, преданий о жизни героя Тагына, преданий реки Чара... Все это ляжет в основу не только исторической повести Ирины Котельниковой «Зимовье Чаринское», но и станет основой ее неповторимого поэтического мира. Загадочные имена селений и рек Забайкалья обретут в поэтическом творчестве Ирины Котельниковой постоянную прописку.

Река с чарующим именем Чара, где доселе живет и творит свои стихи поэтесса, — место не многолюдное. Но способное околдовать человека первозданностью природных стихий. Эта неотъемлемость стихийности природы от биографии и творчества поэтессы гарантирует ее стихи от многословия, придавая не-

громкую, но явственную интонацию сакральности присутствия человека в мире. Ведь уже в самих названиях рек и сел Забайкалья таится загадка, которую хочется разгадывать, забыв о времени и суете.

А название какое // У деревни — Дешулан! // По-над плавной Ингодою // Деревянные дома. // Избы срублены когда-то // Без единого гвоздя. // Смотришь, высечена дата, // Подсчитаешь — век назад! // За домами в небо смотрят // Над колодецем журавли. // Здесь не знают слова «смокинг», // Здесь слова все — от земли. // Есть «казёнка», есть «поварня», // Есть «сушила» во дворах. // Русью пахнет в Дешулане, // Значит, Русь еще жива!

До того как стать писателем и поэтом, Ирина Геннадьевна стала и осталась жадным читателем. В детстве, чтобы домашние не отвлекали ее от чтения, она даже пряталась с книгой на чердаке! Первые стихи написала в шестом классе и посвятила пионерскому лагерю «Орленок». После школы, будучи культработником, Ирина Котельникова с энтузиазмом участвовала в работе актуальных в то время агитационных бригад, посещая оленеводческие стойбища... С юности начала сотрудничать с местными изданиями, участвовала в работе семинаров молодых поэтов и прозаиков в Чите. Но, видимо, слишком любила жизнь и до времени недооценивала свой литературный талант. Оттого и в члены Союза писателей России вступила гораздо позже своих сверстников-литераторов, уже в зрелом возрасте, после выхода четырех сборников. Тем не менее уверенность, что жизнь главнее литературы, стала той прививкой от литературщины, которой так недостает многим авторам городского многолюдья и суеты.

«...Поле русское, поле дикое // Заросло травой выше пояса, // По росе коса здесь не вжикает — // Ни мужичьего духа, ни голоса. // Поле буйное, разнотравное. // Эх, духмяное, эх, медовое... // Где ж вы, левые, где ж вы, правые? // Али ноженьки ваши пудовые?..».

Только такая влюбленная в жизнь женщина, как Ирина Котельникова, родила и сумела достойно воспитать троих детей. А когда один из сыновей заболел, и она стала фактически невыездной за пределы района проживания, не отчаялась, наладив творческое сотрудничество с композиторами. Благодаря Ярославу Южмакову и Святославу Алексашину многие стихи Ирины Геннадьевны стали песнями! Уж где-где, а в Забайкалье люди умеют и любят петь!

«Здравствуй, русское застолье! // Разносолы — не чета // Кабакам Первопрестольной! // Кто сказал: мы — нищета?! // С первачом графинчик важный // Посередке, будто царь // Гнал его не на продажу // Гришка — местный дед Шукарь. // Кличут так за прибаутки, // За кухарство в сенокос. // Не молчит он ни минутки: // «Наливайте за колхоз! // За покойничка — по первой, // А вторую — за меня! // До сих пор в колхозы верим. // Эх, ребята, вот жизнь..». // Подцепил пластинку сала: // «Где там чашка холодца? // Ешьте, гости, до отвала! // Нам не воду пить с лица». // Огурцы пошли со хрустом, // Следом — грузди. Не зевай! // Позабыли вмиг о грустном. // «Ну-ка, Марья, запевай!» // Подхватили песню бабы, // И притихли мужики... // Эвон, как выходит складно // Про деревню у реки! // А с плиты несут картошку — // Наикворчалась, заждалась! // «Дед Шукарь, бери гармошку! // Хватит крыть ядрену власть!» // Задробили вмеремешку, // Подбоченились! // Эх, ма! // Сыпь частушки-пересмешки, // Пелагеюшка-кума»... // ...Пляшет русская деревня, // Не судите мужиков! // Пусть

они в колхозы верят, //Им без веры нелегко. //Погуляют — и за лямку. //Ждет подруженька-соха! //Жизнь — от мамки и до ямки, //А деревня — на века!».

Несмотря на то, что Ирина Котельникова всегда была и остается активно пишущим автором, книги у нее выходят не так часто, как хотелось бы. Первый сборник стихотворений «Остановись, мгновенье, не спеши...» вышел в 2007 году в Санкт-Петербурге. Он имел такой читательский успех, что быстро стал библиографической редкостью. Но, конечно, с творчеством Котельниковой можно познакомиться и в интернете, и в периодических изданиях России. Ведь стихи Ирины Геннадьевны публикуют не только газеты Забайкалья и Сибири, но издания других регионов — «Невский альманах» (Санкт-Петербург), альманах «Живое слово» (Приморский край), «Земское обозрение» (Саратов, «Аргатак-Татарстан» (Казань), «Холод, ОК» (Тюмень) и многие другие. Географический диапазон, как видите, широк, как и взгляд поэтессы на судьбу малой и большой Родины.

Масштабы неоглядных читинских просторов помогают поэтессе в ее творчестве не только сохранять, но и приумножать широту и глубину творческого дыхания, гарантируют от проникновения в стихи мелкотемной суеты. На забайкальских эпических просторах, когда самость уступает место эпичности, просто невозможно говорить о второстепенном и суетном. Хочется прислониться русской думой к самому важному, которое мы подчас упускаем в погоне за цивилизованностью, поняв эту цивилизованность как отказ от России, от своих предков.

«Доколе воспевать пустые хаты //Да буйство разжиревшей лебеды? //Россия-мать, не ты ль душой богата, //Не ты ли выходила из беды? //Мозолистыми пальцами крестила //Поля и живность, хату и детей. //Порою крепким словом поносила //Борцов безумных, призрачных идей. //Вмиг посевов, смотрела, как срывали //С твоих церквей кресты, колокола... //Но ты же не сдавалась, выживала, //В соху впрягаясь, манны не ждала. //И в лихолетье подрастали дети. //Каких поэтов за руку вела! //Так почему же поле стало степью, //А у детей другие есть дела? //Выходишь вечерами на проселок, //А за спиной деревня без людей... //Давай-ка, Мамка, стол накрой, как прежде, //Добавь душистых трав в целебный чай. //Никто, как ты, не приласкает нежно. //Я навсегда приехала. Встречай!»

Поэтесса никуда не уезжала с малой родины, если определение «малая» вообще применимо к огромной территории нашей страны, имя которой Забайкалье! Но тем не менее тема возвращения к малой родине, к родному селу, к своим истокам одна из основных в творчестве Ирины Котельниковой. Ее лирическая героиня — собирательный образ русского народа-мечтателя, создателя, стойка, целителя...

Когда тоска внезапная нахлынет, //Да так, что слезы горькие не спрятать, //Припомнятся пучки сухой полыни, //Чабрец в мешочках и в корзине мята. //За хлебным полем тропка до погоста, //Где папкин в рамке довоенный снимок... //Как так случилось? Наезжаю в гости, //Но чаще — от поминок — до поминок. //А мамка все заказывает свечки //И в похоронный прячет чемоданчик, //Доставит фотографии под вечер, //Разложит на столе и вдруг заплачет. //Не плачь, родная! Решено — я еду! //Сильнее зова нет, чем зов Отчизны, //До детства сутки. Доберусь к обеду, //Чтоб ты не смела помышлять о тризне. //Я не забыла, как поставит тесто, //Мы испечем хлеба в просторной печке. //А после сядем у окошка вместе, //Споем о поле русском и о речке. //Мы до утра с тобой

*провечеряем, //Одною шалью прикрывая спины. //Россия-мать, тебя удочеряю
//И никогда отныне не покину!*

«Я слишком люблю эту жизнь» — призналась Ирина Котельникова в одном из своих стихотворений. А говоря о жизни в прозе, добавила: «Люблю жизнь со всеми радостями и бедами, удачами и неудачами, люблю тайгу, ее людей, люблю российские деревушки... Нет уже моей малой Родины Гулинги. Навис над Витимом последний развалившийся дом. Но горы все те же... И Витим все тот же... И я все та же...».

Не принято, знаете ли, у людей, живущих за уральскими горами, жаловаться на жизнь. И в этом смысле Ирина Котельникова — правило, а не исключение. Сибиряки и забайкальцы терпят до последнего, как те деревья, что умирают стоя:

*Тополь как подкошенный упал — //Без грозы, без ветра, без причины. //
Сколько помню, он всегда стоял //Рядом с продуктовым магазином. //С детства помню: под его стволом, //На дощатых ящиках, бабульки //Обсуждали, чем живет село, //Пропечёна ль нынче хлеба булка. //Он не провозжал их на погост... //Но все чаще он скрипел ночами. //Он — свидетель радости и слез — //Никому не мог открыть печали. //И однажды молча он упал — //Без грозы, без ветра, без причины. //Старый тополь... он всегда стоял //Рядом с продуктовым магазином.*

Читая стихотворения Ирины Котельниковой о русском селе, о русской деревне, воочию видишь эти села и деревни, реки и деревья, и, конечно, людей. Поэтесса относится к селам словно к людям из плоти и крови, несмотря на жалость и сострадание к судьбе русской глубинки Ирина Геннадьевна ни на минуту не позволяет себе усомниться в возможности возрождения счастливой жизни человека на земле предков. Да и что хорошего может быть с человеком, попавшим в «человекий» мегаполис? Лишь ступая по земле, ты воспринимаешь землю, как Матушку, а не как нечто абстрактное, отвлеченное, закованное в бетон для «цивилизованности».

Просыпается по солнышку //Деревенька, не спеша. //Раскрывается до донышка //Деревенская душа. //Звякнет струйка по подойнику, //И уже который год //Вкруг скамейки, крытой войлоком, //Будет виться рыжий кот. //На востоке зорька сочная, //Словно щеки молодух. //Тополя — шеренгой «срочников» //На высоком берегу. //Над полями мягко ластится //Розовой дымкой марь. //Под стрехой гнездится ласточка. //Все привычно. Все, как встарь. //Но подступит расставание //Не на год — на целый век. //Все длиннее расстояния //До родных полей и рек, //До ромашковой околицы, //Где деды замашут вслед. //Нагостятся внуки-школьницы, //А в деревне школы нет. //И напрасно за автобусом // Будет мчаться старый пес. // Он не знает, что на глобусе // Нет деревни, где он рос. // Просыпается по солнышку // Деревенька, не спеша. //И болит, болит до донышка //Деревенская душа.

В душе любого горожанина дремлет эта деревенская душа. Так дремлет хрустальный целебный родник под внешними суетными наслоениями. Меняются властные режимы, на смену царскому самодержавию приходят советские чиновники, а их смещают нынешние демократы. Терпеливый народ России, воплощенный поэтессой в образе старушки Матрёны, все стерпит и сдюжит, не впадая в отчаяние и стоически проживая жизнь на земле предков, ни минуты не помышляя ни о каком бегстве-отъезде с этой земли.

От шагов за ветхою подкладкой //Звякают советские копейки. //Ходит-бродит память по ограде //В черном пиджаке и телогрейке. //Справится с хозяйством немудреным, //Сядет на потертое крылечко //Память с бабьим именем Матрёна, //А на левой — вдовие колечко... //Покупали в городе с Егором //Те, что по цене не дорогие, //Жили-были в радости и горе — //Два кольца... Одно уже в могиле. //Схоронила лет тому пятнадцать, //И одна тихонечко стареет. //С пиджаком не хочет расставаться, //Говорит: в Егоровом — теплее.

Ох эта непростота судьбы простой русской женщины в России и в Сибири! О ней написаны едва ли не лучшие книги русских писателей-классиков. Вспомню лишь героинь гениальной прозы Валентина Распутина, которые во многом сродни героиням стихотворений Ирины Котельниковой тем, что не придуманы, что говорится, из головы, а взяты из сердца. Для многодетной мамы из российской забайкальской глубинки Ирины Котельниковой непростота женской судьбы в переломные исторические эпохи не просто фигура речи. Это судьба и данность.

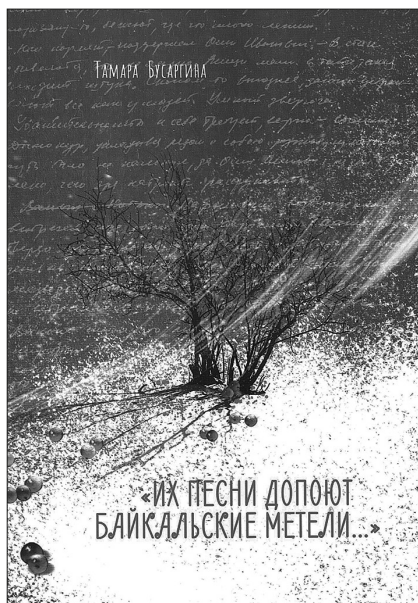
Едва видна проезжая дорога. // Восстановить? Без надобы, и лень. //Расстет на опустевших огородах //Чертополох забытых деревень. // Сорвать цветков и в мыслях не потянет — //Не для букетов пышных красота. //Колючий, как занозистая память, //У основания сгнившего креста. // Он кажется таинственным и древним, //Таблички нет. Остался только гвоздь. //И не понять, где кончилась деревня, //Где начался безжизненный погост...

Слишком часто сегодня деревни в России впадают прямиком в погосты и пустоши... Едешь-едешь по бескрайней Сибири, по Забайкалью и порой целыми сутками можешь не увидеть ни одного села. Но если вы хоть на минуту усомнились в жизнелюбии поэтессы, если вы хоть на минуту допустили мысль, что Ирина Котельникова принадлежит к некоей похоронной команде России, способной лишь хоронить да отпевать нашу Отчизну, вы будете посрамлены, продолжив чтение ее книг. Поэтесса щедро подарит вам настолько жизнелюбивые стихи, что, читая их, поневоле начинаешь верить в Россию, подобно Тютчеву... Такие стихи — лучшее лекарство от уныния и неверия в свою страну!

По-над полюшком, по-над реченькой //В травы горькие выплесни грусть. //Надышись — луговыми, запечная, //Неуемная матушка-Русь. //Ты подставь лицо ветру-солнышку, //Семицветную — в косы вплети, //Почерпни родниковую с доньшка, //Лихолетье святой окропи.// Расстели вдоль дорог земляничные, //Перелески грибные раскинь. //Не сравнится с тобой заграничное! //Здесь и в небе особая синь! // Не грусти же, родная, в заброшенных...// Уезжают с насиженных мест. //Но над речкою, лугом некошеным, //Слышишь, Мамка, звучит благовест! //Возвращается исподволь богово //В деревенском укладе простом.// И девчонка бежит босоногая, //Руки тонкие в небо — крестом...

Да, детство поэтессы, по ее собственному признанию, было сугубо советским, вплоть до того, что, став пионеркой, Ирина, в соответствии с заветами Ленина, попросила бабушку убрать икону... Вздохнув, бабушка перенесла икону в другую комнату... Доселе Ирина Геннадьевна корит себя за тот поступок! Но несмотря на внешний атеизм в этой босоногой девочке, бегущей по бескрайней земле предков, так символично скрестив руки, мы, конечно же, узнаем ту маленькую Ирину, которой свыше суждено было стать большим русским поэтом.

Книжная полка

Бусаргина, Т.Г.

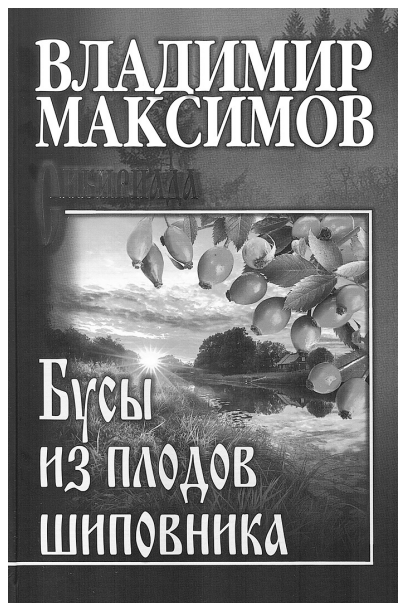
«Их песни допоят байкальские метели» : О Распутине, Вампилове, Пакулове, Астафьеве и других / Т.Г. Бусаргина. — Иркутск : Отгиск, 2023. — 464 с. : ил.

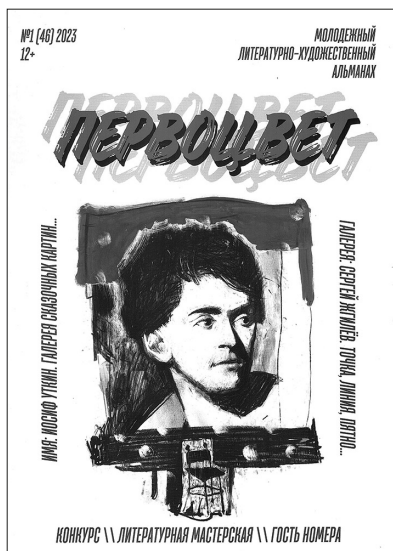
Книга Тамары Георгиевны Бусаргиной, кандидата искусствоведения, вдовы известного сибирского писателя Глеба Пакулова, содержит воспоминания об Александре Вампилове, с которым она тесно общалась в последние годы жизни драматурга, была свидетелем байкальской трагедии. Более сорока лет она была знакома с незабываемым Валентином Распутиным. Друзьями семьи Пакуловых были Геннадий Машкин, Ростислав Филиппов. В их доме на Байкале гостили Виктор Астафьев с женой, семья Николая Воронова и др.

Максимов, В.П.

Бусы из плодов шиповника : повести, рассказы / В.П. Максимов. — М. : Вече, 2023. — 400 с. — (Сибириада).

В новую книгу В. Максимова вошли две повести: «Праздник, который всегда...» и «Бусы из плодов шиповника». А также «Рассказы о животных» и «Недетские новеллы». «Праздник...» — это философская проза о смысле жизни и жизненных смыслах вообще. «Бусы...» — повесть о любви молодых людей в окружении байкальской природы. Как бы, повесть одного лета. «Рассказы о животных» — это и есть рассказы о животных, которых мы приручили, и за которых несём ответственность. Будь то бездомные котейки или дворовые собаки. А «Недетские новеллы» — это небольшие рассказы о взаимоотношениях взрослых людей и детей, которые зачастую задают им именно не детские, а глубокие мировоззренческие вопросы. На которые желательно отвечать честно. Или не отвечать вообще, если ответа на них не знаешь.

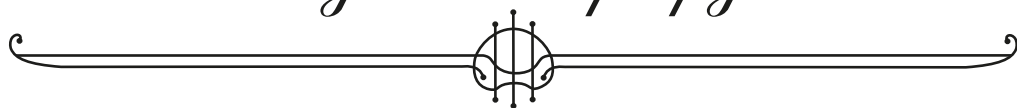

Первоцвет : молодежный литературно-художественный альманах. — Иркутск, 2023. — № 1 (46). — 136 с. : ил.

Вышел в свет новый номер молодежного литературно-художественного альманаха «Первоцвет». Всего в номере представлено 44 автора и как традиционные («Поэзия», «Проза»), так и новые рубрики («Литературная мастерская», «Рецензия»).

Также на страницах альманаха впервые опубликованы ранние стихи известного иркутского поэта Иосифа Уткина. Рубрику «Галерея» представляет молодой художник-график Сергей Жгилев.

Сумочка к ребру

ВЛАДИМИР СКИФ

Литературные пародии

Курчавый родственник

- Это кто?
- Это Пушкин.
- Мне-то кто он?

Илья Фояков

Себя надеждами я тешу,
С собой беседую во сне,
Что Саши Пушкина одежду
Примерить надо бы и мне.

Его жилет, крылатку, шляпу,
Его талант, улыбку, статью.
Что стоит этот жест арапу,
Допустим, ямбы мне отдать?

Хочу с ним выпить, побраниться,
Назвать по-дружески: браток!
В Михайловском уединиться,
В Тригорском сбегать на каток.

Чтоб он однажды удивился,
Проснулся, буркнул: — Вот каков!
Ты знаешь, няня, кто приснился?
Ничуть не Дельвиг! Фояков!!!

Кто виноват?

...Я расскажу тебе об этом
и расскажу тебе о том...

...Об этом — жарила котлеты,
о том — готовила салат...

Ангара Ханова

Я расскажу тебе об этом,
о том, об этом и опять
о том, как стала я поэтом
и стала книги издавать.

А ведь могла бы стать дояркой,
свинаркой или, наконец,
вполне приличною кухаркой
и приготовить холодец.

Сейчас бы жарила котлеты,
а мне приходится бродить,
писать стихи, читать сонеты,
и мясо некогда крутить.

Ты позвонил сегодня маме,
что ничего с утра не ел...
Прости! Приходится с друзьями
сидеть подолгу в ЦДЛ.

И привечать их, и лелеять,
и по редакциям порхать,
а ведь могла бы сеять, веять
и даже, знаете, пахать.

Дельный совет

...Ты о чём лопочешь надо мной, пичуга?

...Или мне щебечешь: «Брось перо, бумагу...»

...Где же это слово? Мне открой тропинку
и мою тревогу во поле развей...

Леонид Хрилев

Ты о чём хлопочешь надо мной, пичуга?
Чем ты недовольна? Что тебя гнетёт?
Может, прохудилась у тебя лачуга?
Может, караулит в подворотне кот?

Я ему устрою! Я его поймаю!
Пусть он извиненья просит у тебя.
На меня ты смотришь, словно понимая,
в то же время как-то, вроде бы, скорбя.

Знаешь, подбираться рифмы стали туго;
вот «ку-ку» рифмую и «кукареку»...
Ты куда, родная? Ты постой, пичуга?
Подскажи мне, птица, главную строку.

Я тебе насыплю конопли и маку,
и ещё малины принесу с куста...
И сказала птица: — Брось перо, бумагу!
И пойдика лучше накажи кота!

Наши юбиляры

Редакция журнала «Сибирь», Иркутский Дом литераторов и Иркутское региональное отделение Союза писателей России поздравляют писателей-юбиляров:

Владимира Павловича Максимова с 75-летием

Анатолия Борисовича Змиевского с 65-летием

Юрия Витальевича Розовского с 60-летием

Андрея Георгиевича Мирошникова с 60-летием

Игоря Николаевича Корниенко с 45-летием

Максима Аркадьевича Живетьева с 40-летием

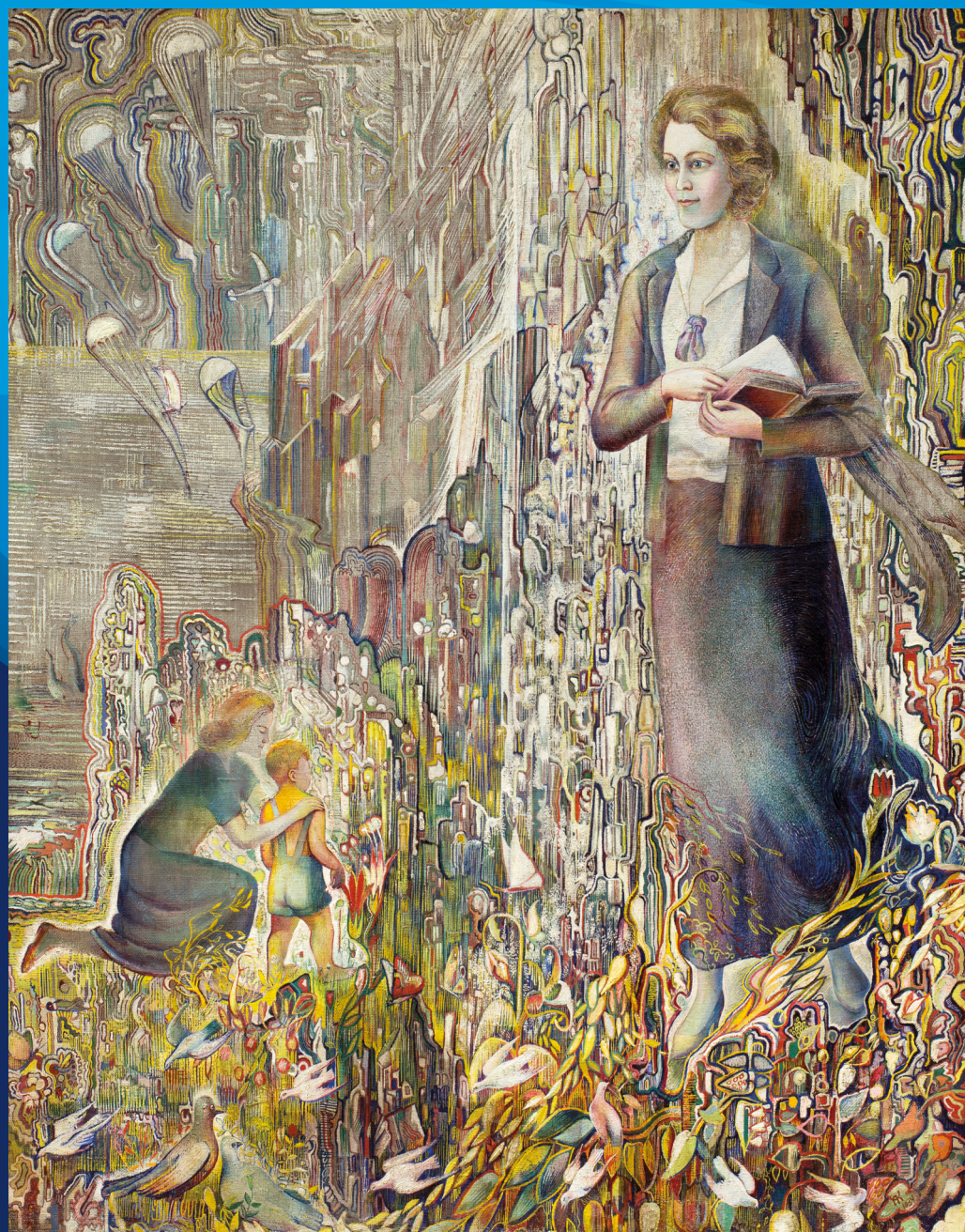
Валентину Яковлевну Иванову

Юлию Викторовну Подгорбунскую

Желаем здоровья, творческого вдохновения, удачи!

Казанцев Сергей Иванович. Что делать

Жибинов Алексей Петрович (23. 12. 1905 – 1955 гг.)
Прогулка, 1934 г. Х. м. 112×88